

"Любовный поединок"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Холли Престон

Любовный поединок

Престон, Холли. Любовный поединок: роман. - Москва: Панорама. - 192 с. - (серия «Панорама романов о любви», 13-042).

ISBN: 978-5-7024-3060-7

Аннотация

Эйду Стивенсону выпало в жизни очень мало любви. Он родился в богатой семье, но счастливым себя не чувствовал никогда. Ему вспоминалось только тоскливое детство под надзором деспотичной бабки, одинокие годы, проведенные в интернатах, отчуждение в отношениях с братом, наконец, горькое разочарование в браке. И вдруг все волшебным образом переменялось. Ведь только волшебством можно было объяснить встречу с женщиной, которой ниспослан божественный дар любви, женщиной, вошедшей в его жизнь, чтобы осветить его душу, придать новый смысл его бытию...

Холли Престон

Любовный поединок

1

— Кэтрин говорит...

Эйд Стивенсон скрипнул зубами. Томас Хорд, его приятель и клиент, продолжал что-то болтать, совершенно не обращая внимания на то, какой убийственный эффект произвела эта брошенная невзначай реплика: «Кэтрин говорит». Эйд уже был не в состоянии слушать дальше — он весь кипел от злости.

Сколько раз его бывшая жена начинала ссоры с подобных ссылок на мнение своего эмансипированного начальства, как будто Кэтрин Бакст была кладезью премудрости во всем, что касалось брака. «Кэт считает то, Кэт думает се», — настоящая проповедь феминистской чепухи, зато Алине это давало возможность вволю наслаждаться собственным эгоизмом. Под влиянием Кэтрин Бакст всякое понятие о том, что брак накладывает на женщину определенные семейные обязательства, испарялось как дым.

В недобрый час эта девчонка оказалась в редакции «Эври дэй», где референтом сектора рекламы работала Алина. Зачем такому прожженному дельцу, как Генри Флэтчер, генеральный директор издательского концерна «Стронг», понадобилось приглашать какую-то пигалицу, заезжую авантюристку заведовать престижным отделом, Эйду было невдомек. Впрочем, по слухам, Кэтрин Бакст была настоящим динамитом — блистательным специалистом в своей области. И, судя по всему, ей было до лампочки, кого и когда взрывать.

Эйд нехотя был вынужден признать, что к тому времени, когда Алина созрела для развода, он в глубине души и сам был не прочь с ней расстаться. Его патриархальный идеал супружества —

сочетание любовных отношений с дружескими — уже был разбит в пух и прах. И все же, когда Том нечаянно напомнил о дурацких рассуждениях ушлой столичной выскочки, посмевавшей судить человека, хотя она его даже не знала, у Эйда возникло отчаянное желание послать эту стерву Бакст с ее декларацией прав женщин куда подальше.

Как же, пошлешь такую — кишка тонка!

Даже думать об этом — пустой перевод энергии. Крошка Кэт, судя по тому, как она обработала Алину, изощренная, фанатичная мужененавистница, не признающая ни элементарной житейской логики, ни доводов рассудка. И стоит Хорду хоть на дюйм отступить от линии поведения, которую эта кукла спрограммировала ему на время турне, она наверняка проест бедняге печень. Парень, даже если он отличный писатель, но любит за обедом пропустить стаканчик, решительно не в ее вкусе.

Эйд заставил себя расслабиться и снова послушно настроился на восторженные излияния Тома по поводу его ближайших интервью на радио и телевидении. У Хорда и впрямь были основания гордиться тем, как пресса, зависимая от «Стронга», благодаря усилиям Кэтрин Бакст, старалась разрекламировать его новый приключенческий роман среди читающей австралийской публики. Эйд надеялся, что книга хорошо разоидется, причем не только потому, что Томас был его другом, но и из честолюбия — ведь уже почти два года он был литературным агентом Хорда.

Стивенсон втихомолку поздравил себя с тем, что добыл для книги Тома первоклассное издательство, хотя и предпочел бы, чтобы самое выгодное предложение исходило от кого угодно, только не от проныр из «Стронга». Однако бизнес есть бизнес. Интересы клиента превыше всего. Это был один из принципов, составивших Эйду Стивенсону репутацию агента, чьему суждению можно было доверять безоговорочно.

Эйд разбирался в книгах, знал закулисные особенности литературного рынка. Динамичный роман Томаса Хорда, повествующий об авантюрах первых колонистов, беглых каторжников, был просто бесподобен и имел все шансы стать настоящим бестселлером. Единственное, что здесь требовалось, — это толчок в нужном направлении, чтобы привлечь внимание публики.

— Эйд, мне нужна твоя помощь.

Радостное возбуждение Тома неожиданно сменилось озабоченностью. Эйд поднял брови, предлагая другу поподробнее объяснить, что его так тревожит. По-видимому, это и была скрытая цель сегодняшнего визита Хорда, ибо поездка с южного побережья, где он недавно купил фешенебельную виллу, до квартиры-офиса Эйда в самом центре Мельбурна была делом долгим, и восторги по поводу рекламного турне вряд ли могли служить основанием для столь длинного путешествия.

Что-то тут не так... налицо были все признаки бурных внутренних переживаний. Грузный Томас пыхтел, нервозно оглядывался по сторонам и без конца теребил свои и без того непослушные вихры. Зрелище весьма интригующее. Да и вообще своим круглым лицом и большими, темными, проникновенными глазами старина Томми частенько напоминал Эйду неуклюжего и добродушного мишку-коалу. Однако несмотря на некоторую нескладность, Томас Хорд нравился женщинам. В нем была какая-то притягательность, а ясный ум и доброжелательность всегда вызывали симпатию.

— Ты не мог бы взять небольшой отпуск и поболтаться со мной по старушке Австралии? — выпалил наконец Том с явно наигранной шутливостью.

— Мне вовсе нет нужды водить тебя за ручку, дружище. Не маленький... Сам прекрасно справишься. Ты так естественно и живо говоришь о своем шедевре.

— Да не в этом дело. Интервью я не боюсь, — поспешно заверил Том. И умоляюще улыбнулся, как бы призывая друга понять его. — Это из-за Дианы. Стоит ей увидеть Кэтрин, как она станет бешено ревновать.

Эйд опешил.

— Кэтрин Бакст?

— Ну, ты же знаешь, какая она обалденная красотка. А мне каждый раз придется останавливаться с ней в одном отеле.

— Это... Бакст-то красавица? — Эйд не верил своим ушам. Он мысленно представил, на что могут походить мощи вертлявой Кэтрин. Этакое бесполое существо, щепка какая-то без малейшего намека на женственность.

Томас озадаченно уставился на приятеля.

— Ты разве с ней не знаком?..

Черта с два, мрачно подумал Эйд, я бы пристрелил эту сучку на месте. А вслух произнес:

— Боюсь, что не имел такого удовольствия.

— А я-то думал, ты знаешь всех, кто занят в издательском деле.

Удивление бедолаги Хорда выглядело настолько комичным, что Эйд невольно улыбнулся.

— Я знаю самих издателей и главных редакторов. Но с их подчиненными мне как-то не приходилось сталкиваться.

— Но Кэтрин... А, ладно, ты ее все равно увидишь сегодня вечером. Я вас познакомлю. И тогда ты сразу поймешь, зачем я зову тебя с собой в турне. Я понимаю, что прошу о большом одолжении, Эйди, но...

— Я не собираюсь идти сегодня на прием, — насупившись, оборвал его Эйд.

Это был общий банкет всех редакций «Стронга», посвященный презентации книг. Там непременно будет Алина со своим вторым мужем, который, как язвительно отметил Эйд, подходил ей идеально. Само по себе присутствие бывшей жены мало его волновало, но каждый раз, когда они встречались, Алина устраивала назло Эйду такой спектакль, что тому становилось просто жаль попавшегося в ее сети мужика. Это отдавало дурным тоном, как все козни, вызванные мелочным самолюбием.

Эйд гордился своей воспитанностью. Большей частью он действительно вел себя по-джентльменски. И даже слишком. Однако одна мысль о том, что ему придется столкнуться с редким сочетанием: тщеславной Алиной, пытающейся выставить его в дурацком свете, и этой стервой Кэт, с ее феминистскими выступлениями, — отчаянно будила в нем зверя. А Эйд не любил, когда необузданная игра страстей лишала его внутреннего равновесия.

Томас, между тем, разобиделся:

— Я ведь буду там выступать, а тебе, похоже, и дела нет до этого...

— Извини, Томми, но для того, чтобы аплодировать, я тебе явно не требуюсь.

— Нет, требуешься, малыш. И даже очень... Причем не для того, чтобы аплодировать. Если бы ты сыграл роль буфера между Дианой и Кэтрин, я был бы избавлен от кучи хлопот. Ди и в голову не придет строить всякие дурацкие предположения, если ты будешь рядом. Можешь не сомневаться, любая баба, если у нее есть глаза, выберет не меня, а тебя.

Совсем не обязательно, подумал Эйд. Хотя, конечно же, на первый взгляд он вполне вписывался в романтический образ высокого, смуглого красавца, однако в мрачном расположении духа мог скорее отпугнуть, чем вызвать симпатию.

— А если ты поедешь со мной в турне, у Ди вообще не будет поводов для беспокойства, — настаивал неугомонный Хорд.

Его настырное нытье вконец вывело Эйда из себя.

— Послушай, Том, твои сладкие семейные проблемы — это не мое дело. Не умеешь убедить жену в своей нерушимой верности, так возьми ее с собой.

— Но ты же знаешь, Диана на девятом месяце беременности, — заскулил Том. — Как ты себе представляешь, она влезет в крошечное кресло нашего местного самолета, да еще в экономическом классе? Не говоря уже о том, что врачи строжайше прописали ей покой и осторожность. Мы не можем рисковать этим ребенком после двух выкидышей!

Эйд нахмурился. Он совсем позабыл про деликатное положение женушки Хорда. Ей действительно не легко доносить ребенка до положенного срока. Том прав — рисковать глупо. Если бы речь шла о беременности его жены, Эйд знал, что сам носился бы с ней как с бесценной антикварной вазой.

Это было еще одно разочарование — Эйд очень хотел иметь детей, но Алина обманула его ожидания, а теперь он вообще не знал, станет ли когда-нибудь отцом. Ведь сначала надо было найти подходящую женщину. Эйд твердил себе, что в конце концов ему всего тридцать четыре года, вся жизнь впереди, да и выбор у него огромный. И времени еще сколько угодно.

— Неужели Диана до такой степени тебе не доверяет? — слабо возразил он. — Это же всего на несколько дней, Томми...

Хорд вздохнул и с неподражаемой беспомощностью развел руками:

— Конечно, доверяет, старина, но сейчас у нее такое неустойчивое настроение — ей кажется, она такая толстая и некрасивая. Нам приходится воздерживаться от секса, потому что...

Ладно, не хочу об этом распространяться, — вспыхнул он. — Короче, Ди будет не в восторге, узнав, что я лечу в турне с такой роскошной сексуальной особой, как Кэтрин Бакст.

Облезлая кошка — сексуальная особа?.. Это еще что за новости?! Эйд покачал головой. Разумеется, при желании в любой женщине можно найти какую-то изюминку. Но у этой бесполой актрисы все так неестественно...

Однако глядя на подавленное, встревоженное лицо друга, Эйд не мог ему не посочувствовать. Том и Диана переживали не лучшие времена.

Ухлопали все деньги на этот роскошный загородный дом, залезли в долги. В финансовом отношении для них было крайне важно, чтобы книга имела успех, так что отказаться от рекламной поездки Хорд никак не мог. В то же время такой увалень способен все испортить, ибо, будучи в расстроенных чувствах, мог свалиться под стол от одного коктейля.

— Ну пожалуйста! — взмолился Том. — Мне просто не к кому больше обратиться. Если ты мне не поможешь...

Его настойчивость неожиданно навела Эйда на новую мысль.

— Она тебе нравится, старина? — напрямик спросил он.

— Кто? Кэтрин? — с невинным видом отозвался тот. — Она премилая девочка, но я человек женатый, Эйди. Я люблю свою кошечку и не собираюсь ходить на сторону.

— А ты ей нравишься?

Том снова беспокойно заерзал.

— Ну-у разве что по-дружески. Просто я не хочу, чтобы Диана что-нибудь неправильно поняла. А если рядом будешь ты, все будет в порядке.

Ах ты, маленькая дрянь, возмущенно подумал Эйд, развлекаешься тем, что встречаешь между женами и мужьями! Но на этот раз, тощая красотка, философ в мини-юбке, ничего у тебя не выйдет. Премилая девчушка, как же! Что тебе надо от нормальных людей? Только и можешь, как нахальная оса, отравлять жизнь другим.

И тут Эйду пришло в голову, что ему доставило бы колоссальное удовольствие немного свести счеты с этой сопливой суперзвездой «Стронга». Кроме того, Диана в такое трудное время заслуживала того, чтобы ее оградили от беспокойства. Страшное напряжение — беременность почти на исходе, да еще, не дай Бог, под угрозой — это для них с Томом уж чересчур. Надо поступить как порядочный человек и защитить доверчивого толстяка от посягательств «очаровательной Кэтрин».

— Так и быть, Томми, согласен, — отозвался Эйд, и на его губах заиграла коварная усмешка.

Физиономия Хорда просияла чисто детской радостью.

— Сегодня на приеме? И в турне? Правда, Эйди?

— Да. Можешь на меня рассчитывать.

И ко всем чертям Алину и ее дурацкое сюсюканье со вторым мужем! В конце концов один вечер он перетерпит. Ведь это во имя доброго дела. А что касается Кэтрин Бакст, что ж, Эйду уже не терпелось скрестить с ней шпаги.

Том вскочил с кресла, ухватил руку Эйда и встряхнул ее так, будто они не виделись сто лет.

— Ты настоящий друг, и я благодарен тебе от всего сердца. Теперь я могу расслабиться, кутнуть вечерком как положено... А уж Диана... Моя птичка так ждала приема у Флэтчера. Для нее это целое событие.

— Что ж, надеюсь, Диана проведет приятный вечер...

Том широко улыбнулся.

— Выпивки у этого пройдохи Генри всегда хоть отбавляй.

— Не забудь, что тебе потом вести машину, — строго напомнил Эйд.

— Ну уж нет. Мы остаемся в городе на ночь. Возьмем такси туда и обратно.

— А в каком отеле? Я мог бы захватить вас. Будет лучше, если мы явимся вместе, как считаешь?

— Отлично! — Том даже прижмурился от удовольствия. — Я этого не забуду, Эйди. Если понадобится, можешь всегда рассчитывать на меня.

— Буду знать... Ты захватил с собой программу турне — даты, время, номера рейсов, отели?

— Ну, конечно. С телефонами впридачу, чтобы ты мог все заказать.

Спустя несколько минут Эйду пришло в голову, что Том пожалуй и впрямь был в безвыходной ситуации. Большинству людей такая благотворительная поездка влетела бы в копеечку, и они вряд ли смогли бы себе ее позволить. А для Эйда деньги никогда не были главным, и Том знал это. Зато дружба имела значение, и еще какое. Такого ни за какие деньги в мире не купишь. И если пара сотен долларов помогут оградить Тома и Диану от вмешательства в их жизнь Кэтрин Бакст, что ж, Эйд будет только рад помочь. Эта дамочка с длинными ножками еще не знает, что ее ждет.

Эйд решил, что он как раз тот самый человек, который сумеет ее хорошенько проучить.

Он снова ощутил, как в нем зашевелился некий первобытный дикарь, и на этот раз не стал подавлять свои инстинкты. Наоборот, Эйд наслаждался необузданным приливом энергии. Пора отряхнуть прах цивилизации со своих ног. Он уже ощущал пьяняще сладкий вкус мести.

2

— Кэтти, поторопись! — пробасил Эбнер Айзекс. — Не забудь, сейчас ведь час пик. Наверняка пробки жуткие, а я хочу попасть на место к шести.

— Иду! — Кэтрин завизировала последнюю страницу нового рекламного проспекта. Уверенная в том, что дежурный по редакции с утра отнесет подборку документов в машбюро, она повернулась к своему столу, схватила сумочку и ослепительно улыбнулась Айзексу. — Готово, босс.

Эбнеру уже стукнуло сорок пять, он был очень привязан к жене, детям, к своим картотекам и всегда очень трогательно опекал Кэтрин. Она была уверена, что Айзекс не усмотрел ничего интригующего в просьбе подбросить ее на прием. Это было в порядке вещей для их приятельских отношений. С Эбнером она всегда чувствовала себя уютно. Это было по-своему очень милое, теплое и вместе с тем совершенно невинное ощущение.

— Пояс просто сногшибательный, мэм, — одобрительно заметил Айзекс.

Кэтрин улыбнулась, польщенная комплиментом. Это было одним из ее недавних приобретений — большой золотой лук на широкой черной эластичной ленте.

— Хорошо подобранные аксессуары лучше всего превращают повседневный костюм в парадный.

Эбнер с мягким укором покачал головой.

— Похоже, у тебя вся жизнь в вечном движении...

— Что поделаешь, шеф, такая уж у меня работа.

— Не могу понять, как ты выдерживаешь такой темп. Не присядешь ни на минутку. Я бы уже давно схлопотал сердечный приступ.

— А мне нравится.

Бешеный ритм заполнял жизнь Кэтрин, и это ей было просто как воздух необходимо. Она не любила передышек — ведь тогда слишком заметными становились пустоты в ее жизни. Хорошо крутиться с утра до вечера. Кроме того, Кэтрин занималась делом, получавшимся у нее особенно хорошо: организовывала рекламные кампании, заботилась о людях, старалась разобраться, что они собой представляют, и встраивала все и вся в наиболее эффективную схему. Кэтрин казалось, что она занимается этим сколько себя помнит, и неудивительно — ведь она была старшей дочерью в семье, где было девять детей.

Когда-то она мечтала, что настанет день и придет человек, который сумеет позаботиться о ней самой. Однако она жестоко ошиблась. У Кэтрин сжалось сердце при воспоминании о том, в какую тюрьму для нее превратился брак по вине бывшего мужа. Никогда такое не повторится, клялась она себе. Гипертрофированному чувству собственности не было места в представлениях Кэтрин о любви. Так можно лишь разрушить все самое чистое, светлое...

Кэтрин постаралась выбросить эти мысли из головы. Теперь она строила свою жизнь по собственным меркам и на сегодняшнем приеме собиралась развлекаться вовсю. У Кэтрин почти не было никаких обязанностей — разве что перекинуться парой слов с несколькими авторами, выборочно познакомить их с другими гостями, обеспечив тем самым приятное общение. Шампанского будет вдоволь, и еще — лучший мельбурнский джаз, специально нанятый, чтобы гости могли всласть порезвиться после торжественной части. А Кэтрин очень любила танцевать.

Она поправила пояс так, чтобы золотой лук располагался ближе к линии бедер. Пояс прекрасно смотрелся на ярко-фиолетовом вязаном свитере, и Кэтрин осталась довольна общим впечатлением. Все отлично гармонировало с черной юбкой, колготками, изящными, классически строгими туфельками с золотым ободком.

Оставалось только уложить волосы, немного спутанные после рабочего дня. Кэтрин усмехнулась про себя, вспомнив определение, данное ее гриве парикмахером, — «дикий зверь». Броский рыжеватый оттенок «зверя» был совершенно естественным, как и локоны, буйными кудрями спускавшиеся по плечам до середины спины.

Как только они сядут в машину, она зачесет наверх непокорные пряди и наденет черно-золотые клипсы. Это будет последним штрихом к костюму для коктейля.

Эбнер заставил ее почти бежать до служебной стоянки автомобилей, явно стремясь поскорее отправиться в путь. По подсчетам Кэтрин, от офиса редакции «Эври дэй», где они сейчас находились, по прямой через Грин-стрит на мост и дальше — туннелем к Северо-Западному округу — даже в час пик дорога занимала от силы сорок минут. Прием же начнется не раньше

шести, а сейчас едва пробило пять.

— К чему такая спешка, дядя Эбби? — маскируя шутливым тоном невольное раздражение, поинтересовалась она. Привыкнув путешествовать строго по расписанию, Кэтрин терпеть не могла терять время попусту и приезжать куда бы то ни было слишком рано.

— Хочу проверить, как смотрится экспозиция до того, как все придут.

— Я думала, это поручено Алине...

Утром Алина сама с гордостью сообщила об этом Кэтрин, польщенная тем, что ей доверили ответственное задание — разместить на столиках каталоги новых изданий, а также подарочные сувениры.

— Да, но наша козочка умудрилась там кувыркнуться с лестницы и вывихнула ногу, — обронил Айзекс, резко вырывая на проезжую часть.

Кэтрин многозначительно закатила глаза. Вот тебе и новая драма в жизни Алины, о которой она прожужжит все уши каждому встречному и поперечному.

— Причем мне не известно, успела ли она при этом завершить работу, — с легкой гримасой закончил Эбнер.

— Насколько я понимаю, Алина собиралась появиться на приеме в обществе нового мужа, — сухо сказала Кэтрин.

— В жизни каждого человека рано или поздно выпадает несчастье... — почти продекламировал Эбнер с напусным пафосом.

Услышав это ироническое изречение, Кэтрин не могла удержаться от смеха. Насколько ей было известно, с тех пор как Алина стала работать в редакции, Эбнер чаще, чем кто-либо другой, оказывался жертвой ее доверительных излияний. Мудрый Эбби неизменно ограничивался короткими сочувственными ответами, но большую часть словесного потока Алины попросту пропускал мимо ушей.

Нехорошо так злорадствовать, мысленно осекла себя Кэтрин. Вывих — дело нешуточное, обычно в таких случаях принято выказывать сострадание. Однако беда была в том, что Алина и без всяких травм постоянно требовала к себе сочувствия и поглощала его, словно вампир, в таких количествах, что естественный запас любого нормального человека очень скоро иссякал. Весь прошлый год Кэтрин занималась тем, что старательно избегала выслушивать доверительные монологи Алины, ее стенания по поводу реальных или вымышленных бедствий. Страдать несчастенькая Алина просто обожала.

Кэтрин мрачно припомнила, как, едва появившись в редакции, возглавив сектор рекламы, она поневоле оказалась самой подходящей кандидатурой на роль наперсницы хорошенькой миссис Стивенсон. На нее обрушился непрерывный поток жалоб на необоснованные требования первого мужа Алины. Теперь, задним числом, Кэтрин понимала, что тогда в ее душе были еще свежи раны, оставшиеся от собственного неудачного брака, и поэтому-то она так легко попала на удочку и, сочувствуя Алине, старалась хоть как-то утешить и поддержать бедняжку.

Тогда она еще не знала, что советы были Алине, в общем-то, не нужны. Требовался лишь повод, чтобы привлечь к себе внимание, сыграть на элементарной человеческой отзывчивости,

лишний раз поговорить о своей бесценной персоне. Кэтрин отродясь не встречала никого, кто был бы поглощен собой столь эгоистически, самовлюбленно, как эта свистушка.

Так или иначе, но, похоже, Алина счастливо отделалась от первого мужа. У того, по-видимому, был тот же пунктик, что и у «большой ошибки» Кэтрин. Мужчины, стремящиеся целиком завладеть женщиной, явно страдали комплексом неполноценности. Их бедой было полное отсутствие доверия и бешеная ревность. Они требовали отчета за каждую минуту, проведенную женой вне их драгоценного общества, и навязывали свою волю в любых мелочах.

Кошмарное существование, подумала Кэтрин. Какое счастье, что она от этого избавилась. Хотя ей очень не хватало Сиднея, ведь там жила вся ее семья. К сожалению, там же обитал и Ричард, а Кэтрин вовсе не была уверена, что сможет жить спокойно в одном городе с таким психопатом. Уехав в Мельбурн, она окончательно порвала с Диком, что было необходимо для ее душевного равновесия. И все же иногда Кэтрин чувствовала себя очень одинокой.

По крайней мере будет возможность повидаться с матерью во время поездки с Томасом Хордом. Она улыбнулась при мысли о предстоящем рекламном турне. Авторы бывали разными — то слишком обидчивыми, то чрезмерно темпераментными, но Томми Хорд был настоящей лапочкой — жизнерадостный, приветливый увалень, он всегда ценил то, что Кэтрин для него делала. Не мужчина, а милый, теплый, неуклюжий мишка. Жаль, что ей самой такой пушистик не попался.

Внезапно раздались позывные редакционной радиосвязи, и Кэтрин немедленно приглушила музыку.

Эбнер лукаво подмигнул.

— Это, конечно, тебя, детка... Ты бы не злоупотребляла телефонной болтовней, не то, глядишь, скоро трубка вообще прирастет у тебя к уху.

— Так будет даже удобнее, — отшутилась Кэтрин.

Она знала, что Эбнер не собирался задеть свою любимицу, однако на фоне мыслей о Ричарде замечание коллеги ударило по больному месту. В тот вечер, когда Кэтрин ушла от мужа, Дик вырвал у нее из рук телефонную трубку и в припадке беспричинной ревности швырнул аппарат о стену. И сейчас, когда Кэтрин отвечала на звонок, это воспоминание всплыло в ее памяти.

Ее разыскивал продюсер дневного ток-шоу. Кэтрин пыталась дозвониться до него в течение дня, но тот был слишком занят и не мог подойти к телефону. Теперь он добрался до машины Айзекса благодаря диспетчерской службе «Стронга». Так часто бывало с публикой, работавшей на телевидении. У них вечно ни на что не хватает времени, вечно все горит и сыплется со всех сторон, пока не закончен какой-нибудь очередной монтаж. Поэтому они обычно звонили, когда у нормальных людей рабочий день заканчивался.

Это, кстати, являлось одной из причин, почему Кэтрин была готова к деловым контактам днем и ночью. Ведь необходимо получать реальные результаты от предпринятых усилий. И вкалывала она не для собственной мелкой выгоды, а ради достижения максимального эффекта в издательском бизнесе. Тут надо ловить и просчитывать каждый шанс. Иначе легко ошибиться, проиграть, иначе самые блестящие ходы будут упущены.

Рекламную кампанию следует всегда проводить с предельной энергией, в строго ограниченный срок. Интерес средств массовой информации к новой книге зачастую напоминал цепную реакцию и, кроме того, был преходящим. Не станешь ковать железо, пока горячо, — ничего у

тебя не выйдет. Проще простого.

Нельзя сказать, что Ричард не знал, как Кэтрин любит свою работу, когда они поженились. Поэтому для молодой женщины было настоящим шоком, когда она обнаружила, что муж ждет, чтобы она бросила работу сразу после медового месяца. Если бы это было единственной их проблемой, Кэтрин, может быть, так бы и поступила, но отношение Дика к ее работе было лишь одним из многочисленных звеньев в цепи. Создавалось впечатление, что она выходила замуж за Ричарда Льюиса, привлекательного, темпераментного парня, преуспевающего врача, а живет с каким-то деградирующим пациентом его клиники. К тому времени, когда Кэтрин обговорила все с продюсером, Эбнер уже проскочил туннель, теперь было совсем близко. Кэт достала косметичку, а потом швырнула ее обратно в сумочку, решив, что приведет себя в порядок, когда они приедут в ресторан. Гораздо удобнее сделать это в дамской комнате — все равно времени до гостей будет хоть отбавляй.

— Когда ты отправляешься с Томом Хордом? — поинтересовался Эбнер.

— На следующей неделе в среду.

— Тебе удалось здорово подогреть к нему интерес.

— У него благодарная тема.

— И сам он хороший парень...

— О, он очень славный, — тепло отозвалась Кэтрин. — По-моему, у него все пойдет хорошо. Надеюсь, в магазинах имеется достаточный запас его книг, Эбби.

— Как и полагается бестселлеру.

— Вот и прекрасно!

Айзекс бросил любопытный взгляд на свою подопечную.

— Томми Хорд — тот тип мужчины, который тебе нравится, девочка?

— А почему ты спрашиваешь? — лукаво поинтересовалась Кэтрин, которая уже давно подозревала, что по поводу ее личной жизни строил догадки чуть ли не весь персонал «Стронга».

Эбнер пожал плечами.

— Я знаю, что ты иногда принимаешь приглашения, но ни с кем подолгу не встречаешься.

— При моей работе трудно поддерживать с кем-то длительные отношения.

— Я заметил, что ты отшиваешь самых красивых парней.

— Разве?

— Да. А для такой хорошенькой девушки, как ты, это кажется странным.

— Может быть, мне хочется чего-то большего, чем то, что лежит на поверхности.

— Поэтому я и спросил о нашей восходящей литературной звезде.

— Но он женат, Эбби...

— В наше время это мало кого останавливает, — отозвался Айзекс, мельком покосившись на свою спутницу.

— И у него жена беременна. Думаешь, я смогла бы уважать мужчину, который режется на стороне, когда жена носит под сердцем его ребенка?

— Ах, уважать! Ну, конечно, уважение — это важно, — серьезно кивнул Эбнер, а потом наградил ее одобрительной улыбкой. — Следует отдать тебе должное, Кэтти. Головка у тебя что положено... Правильно работает.

Надо надеяться. Ведь когда-то она совсем потеряла голову из-за Дика. Он был таким красавцем, что женщины таяли на месте. И фигура у него была потрясающая — сплошные мускулы. Его обаяние ввело Кэтрин в заблуждение, и теперь она настороженно относилась к красивым мужчинам. Однако каков папаша Эбнер... Похоже, ее поведение находится под постоянным надзором. Ведь она действительно всем красавчикам давала от ворот поворот.

Может, это и несправедливо, размышляла Кэт. Нельзя всех причислять под одну гребенку только из-за того, что тебе один раз не повезло. И Кэтрин решила, что в следующий раз, когда к ней проявит интерес по-настоящему привлекательный мужчина, она даст ему хотя бы слабенький шанс доказать, что кроме внешности у него есть за душой еще кое-что.

Проехав через старинную монументальную арку, они оказались в огромном парке, где в красивом местечке на берегу озера располагался ресторан «Кондор». Совет директоров «Стронга», решил провести прием на высшем уровне. У Кэтрин вдруг возникло какое-то радостное предчувствие. Может быть, сегодня она встретит наконец загадочного принца — таинственного незнакомца среди привычной толпы дельцов и литературной богемы.

Кэтрин задумчиво улынулась.

Неужели надежда никогда не умирает?..

3

Кэтрин увидела, как он прибыл — *незнакомец*...

Она не знала, почему именно в этот момент устремила взгляд на фойе ресторана. Кэтрин стояла на террасе, выходящей на озеро, и болтала с коллегами. В обеденном зале, освобожденном по такому случаю от мебели, уже собралась целая толпа приглашенных. И вдруг, словно по мановению волшебной палочки, гости расступились, открывая обзор, и Кэтрин внезапно заметила его.

Сразу же возникло странное чувство, она сама его вызвала: создала мысленный образ, заставила публику освободить проход и тут появился он — высокий смуглый красавец. Однако иллюзия была неполной — его глаза не встретились с глазами Кэтрин. Он даже ни разу не обернулся в ее сторону, все больше развлекая своих спутников. И улыбался — с такой ободряющей теплотой.

— Кэтти, а ты как считаешь?..

Кэтрин усилием воли оторвала взгляд от незнакомца и попыталась припомнить, о чем шла речь. Она ответила наугад, но так, чтобы ее не поймали на рассеянности, и незаметно перевела разговор на нейтральную тему.

Когда она снова посмотрела туда, где только что стоял загадочный красавец, гости уже вновь заполнили этот островок свободного пространства. Кэтрин как бы невзначай отошла в сторонку, оглядывая толпу и сама не понимая, почему для нее так важно отыскать его снова. Ведь тысячи раз твердила себе, что главное в человеке — не внешность, а то, что за ней скрывается.

Наверное, это из-за его улыбки, решила Кэтрин. Ей понравилось, как он улыбается, а улыбка многое может рассказать о характере человека. Кэт полагала, что общение с самыми разными людьми научило ее разбираться в подобных психологических тонкостях.

Наконец ей удалось отыскать своего героя. Он стоял в обществе людей, которых Кэтрин сразу узнала. Томас Хорд оживленно беседовал с Джоном Беркли, одним из директоров «Стронга». Хорошенькая брюнетка, стоявшая между Томасом и незнакомцем, судя по всему, была Диана, жена Хорда. Она с повадками собственницы следила за Томом. С такой супругой шутки плохи, невольно отметила про себя Кэтрин.

Таинственный принц наклонился и что-то зашептал брюнетке на ухо. Та кивнула, одарив его лучистым благодарным взглядом. Незнакомец отошел. Кэтрин проследила — он отправился через зал к стеклянным дверям, выходящим на другую сторону террасы. Еще минуту назад, он, казалось, источал пленительную приветливость, но лишь только оказался один, лицо его тут же стало замкнутым и суровым. За исключением Хордов «стронговская» публика была для него совершенно чужой.

Кэтрин была заинтригована. Куда подевалось все его обаяние? Создавалось впечатление, что этот человек пришел не развлекаться на роскошной вечеринке, а выполнять какое-то ответственное задание. Интересно, зачем он вообще здесь и что ему нужно.

Элегантный темно-серый костюм и аккуратно зачесанные назад черные волосы незнакомца сразу выдавали в нем утонченного консерватора и эстета, причем явно профессионала в издательском бизнесе. Однако голубая рубашка и яркой расцветки галстук вносили некое разнообразие в строгий деловой имидж, словно свидетельства индивидуальности, не позволяя тем самым причислить его к категории кабинетных сухарей.

Черты лица этого супермена были почти идеально правильными. Бесспорно, очень мужественный, прекрасно выраженный тип внешности, которую несколько смягчала неожиданно плавная линия крупного чувственного рта. Еще одной любопытной чертой в облике незнакомца были на удивление классической скульптурной формы уши. Брови — прямые, чуть опущенные книзу, как будто нарисованы, разглядеть цвет глаз было невозможно, но Кэтрин, конечно же, внушила себе, что они, наверное, карие. Цвета темного шоколада... А темный шоколад она безумно любила с самого детства.

Незнакомец вышел на террасу. В сторону Кэтрин он даже не взглянул и не остановился, чтобы полюбоваться открывавшимся прелестным видом на озеро. Он направился напрямик в дальний угол, где были составлены столы и стулья. Одним уверенным движением он подхватил небольшой столик и два стула, занес их в зал и поставил у стеклянной стены в укромном местечке неподалеку от столов с угощением.

Любопытно было наблюдать, как ожило лицо этого таинственного красавца, когда он вернулся

к Тому и Диане, прервал их беседу с непривычно веселым Беркли и пригласил пройти к столику. Компания отправилась через зал, и тут Кэтрин заметила, что жена Хорда уже почти на сносях. Теперь понятно, почему этот «граф Монте-Кристо» буквально пылинки с нее сдувал.

Вот и еще один штрих к его характеру — необычайно внимательный, заботливый парень. Усадив Хордов за столик, он тут же подал сигнал официанту, разносившему напитки. Предложил Диане шампанское, а себе взял апельсиновый сок. Он вообще не пьет, размышляла Кэтрин, или просто хочет сохранить ясную голову? Интересно, что его связывает с добряком Томми и его беременной супругой?

Кэтрин подождала, пока Джон Беркли отойдет подальше, и решительно направилась на разведку, стремясь поскорее удовлетворить свое любопытство. Под предлогом того, что ей надо поговорить с одним из авторов, Кэт пробилась к выставочному столику и взяла два подарочных комплекта. Вооружившись таким образом, чтобы облегчить себе церемонию знакомства с женой Хорда и их другом, Кэтрин направилась к ним через зал.

Том сразу заметил ее приближение, и его бесхитростная физиономия расплылась в приветливой улыбке. Он что-то сказал жене, по-видимому, сообщая ей, кто такая «мисс Бакст», и Диана Хорд круглыми, как блюдца, глазами уставилась на «гения стронговской рекламы», «отличную девочку», которая повезет ее мужа по стране. Ее первая реакция, похоже, была шоковой. Неужели это она? — читала Кэтрин в глазах женщины, которая сейчас явно почувствовала смертельную угрозу своему семейному счастью.

Кэт уже не раз сталкивалась с подобной реакцией и надеялась, сумеет быстро развеять все опасения Дианы. Женщинам обычно вовсе не улыбалась перспектива, что Кэтрин будет по долгу службы опекать их мужей. Она была воплощением женственности — белоснежная кожа, темно-каштановые, с золотистым отливом волосы и небесная синева в глазах. Однако Кэтрин никогда не пускала в ход свои коготки. И, как правило, уже через несколько минут ухитрялась дать понять, что никакой угрозы для чужих мужей не представляет.

После развода с Ричардом у Кэтти был тяжелый период. Она даже старалась всячески уменьшить свою привлекательность. Носила какие-то балахоны, скрывавшие фигуру, не пользовалась макияжем, даже остригла почти до корней роскошные кудри и перекрасила их в дикий, неестественно черный цвет. Ее убивала мысль о том, что еще какой-нибудь мужлан будет смотреть на нее как на свою собственность, игрушку.

Со временем Кэтрин поняла, что только вредит себе, растравляя депрессию и подавляя природную кокетливость. Гораздо лучше было просто сохранять чувство собственного достоинства, ну а там будет видно.

Сейчас Кэт чувствовала, что незнакомец тоже наблюдает за ее приближением. Может быть, оттого, что она сама остро ощущала его присутствие, ее охватила вдруг какая-то неясная тревога, словно вступала на опасный, очень опасный путь. Неожиданно Кэтрин поняла, что почти боится встречи с ним. Захотелось, пока еще не поздно, под благовидным предлогом сбежать отсюда.

Подумаешь, опять нафантазировала, сказала она себе, а потом снова разочаруешься. Теперь, когда незнакомец был совсем близко, глупо было бы не присмотреться к нему поближе, но глубинный инстинкт самосохранения подсказывал Кэтрин, что было бы лучше избавиться от странного воздействия, которое он уже на нее оказывал. Она ослепительно улыбнулась Тому и его жене, сознательно игнорируя приподнявшегося ей навстречу супермена. В конце концов, это был совершенно чужой человек.

— Привет! — непринужденно поздоровалась Кэтрин. — Я принесла вам лучшие сувениры от мистера Флэтчера. — Ловите, пока их все не разобрали.

— А я и не знал, что их раздают, — удивленно отозвался Томас. — Спасибо, Кэтти. Как мило с твоей стороны... Такая заботливость, что обалдеть можно. — Хорд поспешно обернулся к жене, которая чуть было не опрокинула бокал с шампанским. — Кстати, познакомьтесь. Наша прелестная мисс Кэтрин Бакст. А это... Кэтти, рекомендую... Не кто иная, как миссис Диана Хорд.

— Пожалуйста, не вставайте, — запротестовала Кэтрин. — Вам фантастически повезло, что нашлось место, где присесть. Стоять весь вечер на ногах очень утомительно.

— Да... — согласилась Диана, смущенно опустив глаза. — Рада познакомиться с вами, Кэтрин, — несколько скованно произнесла она.

— Взаимно. Я столько слышала о вас от Тома. И о будущем ребенке. Страшно рада за вас обоих.

Диана вспыхнула.

— Спасибо...

— И, пожалуйста, помните, если вас что-то начнет беспокоить, пока Том будет в поездке, вам стоит только связаться со мной, и я сразу отменю даже первостепенные интервью. Сейчас главное — это вы, миссис Хорд.

Настороженность исчезла из глаз Дианы.

— Ну что вы, я уверена, все будет в порядке.

— Вот и прекрасно. Ваш муж написал первоклассную книгу, и мы постараемся, чтобы все читатели Австралии о ней узнали.

— Я просто поражена, сколько интервью вы для него организовали.

Кэтрин засмеялась и положила пакеты на стол. Она была рада поддержать чисто женскую невинную болтовню:

— Он станет вам жаловаться, что валится с ног и совсем измучен, но если книга пойдет хорошо, это стоит усилий. В этом весь смысл нашей возни.

— А как скоро вы узнаете, пошло дело или нет? — любопытствовала Диана.

Довольная, что ей удалось отвлечь мысли ревнивой Дианы от нахлынувших подозрений и переключить ее внимание на книгу, Кэт немного расслабилась.

— Где-нибудь через месяц... — Она бросила повелительный взгляд на Тома: — Свяжись с Эбнером Айзексом, он к тому времени уже подготовит тебе всю информацию.

— Замечательно! Ох, Кэтти... — Том просто сиял от ребячьего восторга. И с готовностью щенка-переростка, стремящегося, чтобы весь мир радовался жизни вместе с ним, торжественно заявил: — Я хочу тебя кое с кем познакомить.

Кэтрин вся подобралась. Она и сама не знала почему. Даже во время разговора с Дианой,

стараясь привлечь ее на свою сторону, Кэт остро ощущала присутствие стоявшего рядом приятеля Хорда. Она знала, что он слушает, наблюдает, оценивает — и ждет.

Том размашисто дал ей знак обернуться.

— Мой самый близкий друг и литературный агент... Имею честь представить тебе мистера Эйда Стивенсона.

Кэтрин, медленно поворачиваясь к незнакомцу, уже оценивала услышанное. По общему мнению, Эйд Стивенсон был самым надежным литературным агентом, его прогнозы перспектив коммерческого успеха книг всегда отличались исключительной точностью. Кэт знала, что он вплотную занимался романами Хорда, как и произведениями других писателей, однако их пути никогда прежде не пересекались.

Эйд обычно заканчивал свою работу до того, как подключалась Кэтрин, — ведь ее задачей было обеспечить выгодную распродажу тиража. Она никогда не интересовалась непосредственно делишками Стивенсона — у каждого свой бизнес. Но это было в прошлом... Сто лет назад. Теперь-то она знает, что представляет собой блистательный Эйди Стивенсон...

Однако инстинкт самосохранения подсказывал, что не стоит слишком явно демонстрировать восхищение. И Кэтрин улыбнулась обворожительно, но вместе с тем соблюдая официальную дистанцию. Обращиваясь к Стивенсону, она была уверена, что игра начинается по общепринятым светским правилам.

И вдруг — бац! Глаза Эйда впелись в нее как два лазерных луча, словно пытаясь пронзить ее насквозь. Ощущение было как от удара молнии.

Кэтрин почувствовала себя таким беспомощным мотыльком, которого пригвоздили булавкой к столу и рассматривают в мощный микроскоп. Видимо, она все же недостаточно собралась с духом для такого поединка. Кэтрин подсознательно угадала в этом взгляде объявление войны. Уж меня-то ты не проведешь! — сверкнуло в глазах, неожиданно оказавшихся серебристо-серыми, как сталь сокрушительного, смертоносного оружия. Кэтрин вся затрепетала, тут же превратившись в сплошной комок обнаженных нервов.

Наверное, она все же сама протянула ему руку... Кэтрин ощутила тепло его пожатия, повелительное прикосновение, будившее какую-то необыкновенную чувственность, словно подчиняющее себе ее тело, в то время как его взгляд по-прежнему приковывал ее, пронзая насквозь. И Кэт, словно замороженная, не могла отвести глаз.

Ничего подобного она прежде в жизни не испытывала. Жалкие остатки логики твердили, что критический момент скоро пройдет, должен пройти. Скоро она как обычно с холодной трезвостью во всем разберется. Скоро, очень скоро...

4

Эйд раздраженно пытался побороть в себе это нелепое влечение. Стоявшая перед ним женщина уже почти покорила его. А ведь по рассказам Алины она представлялась такой гримзой! Когда он увидел ее в первый раз, это было похоже на удар в солнечное сплетение. Кэтрин Бакст была именно такой, как описал ее Том, и еще в сто раз лучше — о такой грациозной красоте можно только мечтать... И это еще до того, как она артистически продемонстрировала свое обаяние, быстрый ум и поразительную деловую хватку,

позволяющую в мгновение ока оценить ситуацию и сделать беспроегрешный ход.

Простушка Диана уже была воском в ее руках. Все страхи Тома развеялись как дым. Было совершенно очевидно, что толстяк просто растаял от внимания, проявленного к ним Кэтрин Бакст. А как она все блестяще обставила, тонко вошла в роль: чуткая заботливость, обезоруживающая симпатия к Диане и лишенное всякого флирта, товарищеское отношение к Тому.

Эйд цеплялся за иронию — это хоть как-то спасало. Ну конечно, «Кэтрин говорит»... Ах, какая умница, черт возьми! Прелестная стронговская секс-бомба. Она же существо высшего порядка и сумеет справиться с чем угодно и с кем угодно. Но только не с ним, свирепо решил Эйд, когда коварная чаровница обернулась, намереваясь, очевидно, и его околдовать. На всякий случай. Ну уж, нет... Он-то хорошо знал, какова эта змея на самом деле!

Эйд напряг всю свою волю, чтобы интуитивно проникнуть за обманчивую маску ее подкупающей дружеской приветливости, не желая покоряться взгляду этих ангельских синих глаз, пытаясь открыть истину, заглянуть в самую глубину ее души. Должна же быть в ее поведении хоть какая-то зацепка, подтверждающая затаенную враждебность к нему, должна же проскользнуть хоть капля злорадного торжества. Теперь эта роковая красотка знает, кто он. И ей уж точно было известно, какую роль она сыграла в окончательном крушении его брака.

Но ни следа! Ничего, кроме какого-то гипнотического любопытства, задевшего его за живое, заставив почувствовать себя каким-то первобытным животным, обращавшимся с ней слишком грубо. Что-то здесь не так. Она явно водила его за нос.

Эйд крепко стиснул протянутую руку Кэтрин, ожидая, что убежденная мужененавистница отшатнется. Ведь если она верна своим принципам, своим пышным декларациям, цитатами из которых в свое время ему прожужжала все уши Алина, то она должна испытывать к нему отвращение. Однако рука Кэт покорно лежала в его ладони — мягкая, хрупкая, соблазнительно женственная, она будила в нем ощущения, в которых Эйд не желал признаться даже самому себе.

И глаза небесно чистые... Ничего не скрывают. Но как же так? Этому могло быть только одно объяснение.

Кэтрин Бакст не знала, что он — бывший муж Алины!

Эйду казалось невероятным, что Кэтрин ничего не было известно, однако это было единственным разумным объяснением полного отсутствия враждебности по отношению к нему. Неужели Алине было на него настолько наплевать, что она даже не удосужилась назвать имя супруга, хотя и постоянно искала советов, как ей поступать в браке?

Возможно, все спутало то, что в Мельбурне, причем тоже в издательских кругах, обретался его однофамилец, некий Джил Стивенсон. А может быть, эта дуреха полагала, что всем и так должно быть известно, что она замужем за Эйдом Стивенсоном. В первые года два Алина гордилась тем, что ей удалось заполучить Эйда, однако к тому времени, когда Кэтрин приехала в Мельбурн из Сиднея, гордость уже поизносилась в вечных попытках отыскать какой-то приемлемый компромисс, чтобы спасти их брак.

Эйд саркастически усмехнулся, подумав, что для Алины самым лучшим выходом из положения было устранить и переложить все попытки найти компромисс на его плечи, а Кэтрин Бакст подсказала ей многочисленные предлоги для того, чтобы оправдать такое поведение. Но сейчас Кэтрин смотрела на него открытым, честным и невинным взглядом. По всем повадкам

это было поведение женщины, которая искренне заинтересована продолжить едва начавшееся знакомство. Она словно ожидала, что он подскажет, как будут развиваться в дальнейшем их отношения — отношения, свободные от груза прошлого и тем самым манящие поскорее перейти через незримую границу в будущее.

И это оказалось для Эйда непреодолимым соблазном. Разум подсказывал, что Кэтрин была для него запретным плодом. И все же он тянулся к ней. Ему хотелось освободиться от всех доводов рассудка и вызвать у нее безумное желание. Хотелось распустить копну непокорных волос, стянутых в пучок, и смотреть, как они рассыплются буйной гривой на подушке. Хотелось сорвать с нее свитер и сжать ладонями мягкую плоть округлых грудей, так соблазнительно обрисовывавшихся под эластичным трикотажем.

А этот сексуальный пояс, подчеркивающий женственно тонкую талию и чувственный изгиб бедер... Эйд представил, как поднимет над головой ее белые руки и обвяжет запястья черной лентой с золотым луком, сковывая эту ведьму так, чтобы она не могла испробовать на нем свою черную магию, пока он будет входить в нее...

Кэтрин Бакст, отдающаяся мужчине, которого так ненавидела... Эти длинные стройные ноги, в экстазе обвивающие его бедра. Феминисточка Кэтти, сгорающая от желания... Да, это была бы сладкая месть. Подчинить себе ее свежие губки, вытеснить из них весь словесный яд, заставить стонать и рыдать от наслаждения.

Эйд ощутил, как напряглось его мужское естество. Сердце неистово колотилось от безумных ощущений, вызванных в нем этой женщиной. Хотелось схватить ее, прижать к себе и выпрыгнуть со своей трепещущей добычей прямо отсюда, с веранды, вниз... А там будь что будет...

Ему стоило невероятных усилий хотя бы немного обуздать в себе бешеного дикаря. Где-то внутри остатки здравого смысла требовали, чтобы он вел себя в рамках ни к чему не обязывающих светских приличий. И кроме того, в реальности не было даже малейшего шанса на то, что его безумные мечты когда-нибудь воплотятся в жизнь.

Может, сейчас он и чистая страница для Кэтрин Бакст, но стоит объявиться Алине — и эта страница в жизни Кэт будет перевернута. Уж об этом Алина позаботится. У него было очень мало времени для игры, которую он затеял. Единственное, что можно было сделать, это пустить пару метких стрел в Кэтрин Бакст, чтобы впредь ей было неповадно соваться в жизнь других людей.

А было бы забавно вытащить ее сейчас отсюда и поглядеть, как все дальше сложится, пока Алина еще не успела пустить в ход свое жало. Пусть потом вспоминает. Да уж, острый ум Кэтрин Бакст наверняка все хорошо запомнит — и сказанное между ними, и невысказанное.

Эйд решил, что такой исход дела его вполне устроит. Главное, сосредоточиться всецело на этом варианте игры — ведь иного выбора у него сейчас нет.

5

— Очень впечатляет, дорогая Кэтрин... Честное слово. Даже более того...

Казалось, голос Эйда Стивенсона звучал в такт какой-то мелодии — приглушенной и очень интимной.

— Что именно? — Срывающийся голос Кэтрин выдавал охватившее ее волнение.

— Ваш высокий профессионализм, — отозвался Эйд еще более вкрадчиво.

Неужели он интуитивно догадался, как это для нее важно? Радость и признательность теплой волной охватили Кэт. Ей захотелось побольше узнать об этом человеке, который столь необъяснимо притягивал ее к себе. Интересно, он женат или нет?

— Спасибо, — приветливо откликнулась она. — Стараюсь, как могу. Судя по тому, что я о вас слышала, вы тоже...

— Ну, со мной-то как раз посложнее... Кое-кто утверждает, что я не оправдал самых лучших надежд. Вам такого не приходилось обо мне слышать, мисс Бакст?

С этими словами Эйд отпустил ее руку, тем самым как бы подчеркнув переход на официальную тональность. Кэтрин не знала, что и думать. Чем вызвано это внезапное отчуждение?

— Жаль, если вы стали жертвой несправедливости, мистер Стивенсон, — с ноткой сочувствия в голосе заметила она. — Наши надежды, ожидания, увы, иногда бывают совершенно нереальными...

— И неразумными, — жестко обронил Эйд.

Кэтрин замолчала в нерешительности, не понимая, к чему он клонит. В голове вновь мелькнуло навязчивое воспоминание о Ричарде, о его диких выходках. Может быть, у Эйда Стивенсона с кем-нибудь нелады? Неужели в этом замешан кто-то из «Стронга»? Наверное, поэтому у него был такой мрачный и замкнутый вид, когда он отошел от Хордов в зале.

Ей припомнилось, как забавно расфилософовался в машине Эбнер Айзекс, и она с легкой иронией произнесла:

— Что ж, мистер Стивенсон, в жизни каждого человека рано или поздно выпадает ненастье.

— И вы это ненастье приносите, мисс Бакст. Как говорится, по стечению обстоятельств...

Кэтрин рассмеялась и покачала головой.

— Предпочитаю надеяться, что распространяю солнечный свет.

— Просвещаете, значит... — Эйд кивнул, и его стальные глаза удовлетворенно блеснули. — Я так и думал, что вы о себе именно такого мнения.

— А какого мнения вы о себе, мистер Стивенсон?

Он улыбнулся, но впечатление от этого осталось довольно зловещим.

— Я меч правосудия, мисс Бакст.

Ну и самомнение, подумала Кэтрин, и ей захотелось слегка осадить его.

— В таком случае, надеюсь, ваши весы работают точно. Правосудие нередко бывает слепым, — поддразнила она.

— Как верно подмечено, — многозначительно согласился Эйд. — К несчастью, многие видят

лишь одну сторону медали и выносят суждения, даже не вспомнив о существовании второй стороны.

— Вы так и поступаете?

— Я всегда стараюсь охватить картину в целом, мисс Бакст. Смею вас в этом уверить.

— И не упускаете ни единой мелочи, мистер Стивенсон? — лукаво уточнила Кэтрин, которую позабавило то, что он считает себя всевидящим. — Таких людей просто не бывает.

— Ради Бога, что это с вами? — с шутливым возмущением вмешался Том. — Что это еще за «мисс» и «мистер»? Мы же на вечеринке, а не на каком-нибудь сверхофициальном мероприятии!

— В наше время, Томми, нельзя позволять себе лишнего, — добродушно отозвался Эйд. — Откуда мне знать, может, я разговариваю с какой-нибудь оголтелой феминисткой, которая вцепится мне в горло за излишнюю фамильярность?

Том расхохотался.

— По-моему, одного взгляда на Кэтти достаточно, чтобы понять, что она-то уж никак не оголтелая феминистка.

— Внешность бывает обманчива, старина... — парировал Эйд. Затем приподнял брови и вопросительно посмотрел на Кэтрин. — Может быть, наша прекрасная дама будет так любезна, что внесет ясность по этому вопросу?

Откуда у нее такое ощущение, что он действует с какой-то тайной целью, играет с ней, как кошка с мышью, и только и ждет, чтобы ударить, стоит ей на мгновение утратить бдительность?

— Разрешаю вам звать меня по имени, как, впрочем, и было пять минут назад. — Кэтрин обезоруживающе улыбнулась. Разводить дискуссии о феминизме ей сейчас совершенно не хотелось.

— Что ж, тогда и я не стану настаивать на формальностях, — с шутливой важностью он поправил галстук. — Можете называть меня просто Эйд, тем более что пять минут назад я на это еще не смел надеяться.

Кэтрин весело засмеялась. В этой игре определенно была своя прелесть, что-то вроде вызова. Она не могла припомнить, чтобы мужчина когда-либо прежде так заинтриговал ее, в особенности при первой встрече.

— Мне обращение «мис-с-с» вообще никогда не нравилось, — внесла свою лепту Диана. — Похоже на комариный писк.

— Вы говорите с высоты своей позиции «миссис», Диана, — мягко упрекнул Эйд. — У Кэтрин на этот счет может быть совсем иное мнение.

Снова укол!

Диана, не замечавшая их пикировки, смущенно вспыхнула.

— Ох, простите, пожалуйста, я брякнула не подумав. — И она устремила умоляющий взгляд

карих глаз на Кэтрин.

Диане Хорд была присуща какая-то хрупкая ранимость и невинная простота, и в Кэтрин мгновенно всколыхнулась потребность ее защитить, какую она всегда испытывала по отношению к младшим братьям и сестрам. Диана была начисто лишена повадок светской львицы, а при таком муже, как Том, это, скорее всего, никогда и не понадобится. В чем-то Кэтрин даже ей завидовала, ведь Диане не приходилось иметь дело с темной игрой, которую ведут мужчины с женщинами.

— Просто так, без формальностей, удобнее, никто не путается — называть ли меня «мисс» или «миссис», — мягко пояснила Кэтрин. — Как и обращение «мистер» — на мужчине ведь не написано, женат он или холост.

— А когда выйдете замуж, вы захотите, чтобы вас по-прежнему называли «мисс»? — удивилась Диана.

— Это в том случае, если она захочет выйти замуж, — оживленно заметил Эйд. — Многие дамы, делающие карьеру, предпочитают не брать на себя лишних обязательств, которые помешают им добиваться поставленных целей.

— О Боже! — покаянно встрепенулась Диана. — По-моему, я опять что-то ляпнула невпопад?

Кэтрин тут же успокоила ее нежной улыбкой.

— Все эти церемонии могут слишком далеко нас завести. Ваши вопросы меня совсем не задевают, Диана. Могу сообщить, что я была замужем и была очень счастлива, став «миссис».

Эйд изумленно вскинул на нее глаза. Он явно был поражен, лихорадочно что-то переоценивал.

Кэтрин просто физически ощущала, как новые импульсы бьются в его душе, меняется какая-то внутренняя картина.

— А теперь я разведена... — будничным тоном, как ни в чем не бывало, продолжала она. — И признаться, привыкла... Вполне довольствуюсь обращением «мисс».

Диана сокрушенно покачала головой.

— Еще один неудачный брак. Эйди тоже через это прошел. Очень печально...

Одно откровение сыпалось за другим. На несколько секунд все растерянно замолчали.

Эйд Стивенсон разведен — стало быть, свободен! Эта мысль промелькнула у Кэтрин, как молния на темном небосводе. У нее было такое ощущение, что мир взорвался в искрящемся фейерверке, освещая ее жизнь, в которой, казалось, уже не было места грезам.

Кэтрин было двадцать девять лет, она стояла на пороге тридцатилетия, хотя и выглядела гораздо моложе. И в ее окружении, честно говоря, было не так много интересных неженатых мужчин. А уж если совсем по правде, то Эйд Стивенсон был вне конкуренции. В самом деле, он просто сногшибателен. И Кэтрин есть о чем подумать на досуге...

Воистину надежда никогда не умирает!

— Ничего печального тут нет, Диана, — забавно пародируя нравоучительный тон, опомнился первым Эйд. — В наше время это просто вопрос статистики. Два брака из трех заканчиваются

разводом. Вы с Томми — сказочно счастливое исключение. Имеет смысл взять патент. Но... может быть, нам по дружбе вы откроете секрет своего успеха?

Диана улыбнулась и протянула мужу руку.

— Просто надо хотеть одного и того же, — с трогательной простотой сказала она. — Правда, Том?

— Да, — согласился тот, одарив жену любящим взглядом, потом бережно обнял ее за плечи и прижал к себе.

Кэтрин ощутила комок в горле. Эти двое действительно счастливики — ведь они нашли друг в друге то, что искали. Интересно, что же не сложилось у Эйда Стивенсона? Кто кого бросил и почему?

— А я и не знал, что ты была замужем, Кэтрин, — озадаченно заметил Хорд.

Кэтрин пожала плечами, внутренне содрогнувшись от воспоминаний.

— Кто же любит говорить о своих ошибках?

Том с недоверчивостью покачал головой:

— Просто не могу себе представить мужчину, который не пустил бы в ход когти и зубы, чтобы тебя удержать.

— Принимаю это как комплимент, — за дежурной улыбкой Кэтрин постаралась спрятать иронию. Да уж, Дик боролся за то, чтобы она осталась с ним. Оскорбляя на каждом шагу... Неожиданно ее охватил бессознательный страх, и, обернувшись к Эйду, она напрямик спросила:

— А вы боролись, чтобы удержать жену?

На мгновение ей показалось, что на лице Эйда промелькнуло свирепое выражение. По спине Кэтрин побежали мурашки. А потом серебристо-серые глаза приобрели свой обычный оттенок и под личиной бесстрастной вежливости уже ничего невозможно было прочитать.

— Трудно бороться с саботажем, — сардонически процедил Эйд и с комической таинственностью слегка наклонился к ней: — Скажу вам по секрету, дорогая Кэтрин, это дельце обстряпали за моей спиной... И потом, когда иллюзия любви и верности рассеивается, зачем заниматься самообманом, пытаться сохранить ее? Я за то, чтобы встречать реальность лицом к лицу, а потом идти дальше.

— Да, — согласилась Кэтрин, с удовлетворением отметив, что он разделяет ее взгляды и убеждения.

Впрочем, одно дело — отряхнуть прах прошлого и совсем другое — забыть. Интересно, из-за чего он так переживает? Какой была его жена и почему завела себе любовника? Саботаж — это ведь был намек на другого мужчину, и ее неверность, судя по всему, разрушила иллюзию любви.

— Давайте оставим этот больной вопрос, — восторженно сказала Диана. — Жаль, что я вообще об этом заговорила. Сегодня такой чудесный день...

— Да, действительно! — поддержала Кэтрин, ослепительно улыбаясь. Она предвкушала нечто необычное и вовсе не хотела все портить воспоминаниями о браке, не принесшем счастье, которое сулил. Исполненная решимости не задумываться ни над своим прошлым, ни над прошлым Эйда, Кэтрин лукаво обернулась к Тому: — Я жду не дождусь твоей речи. Это ведь твое первое публичное выступление, и, надеюсь, ты нас не разочаруешь.

Том напустил на себя скорбный вид.

— Напрягают, все напрягают. Жена желает, чтобы я блистал. Эйди считает, что я не нуждаюсь в его аплодисментах...

— Обещаю хлопать, если больше никто не станет, — вставил Эйд, по-солдатски выпячиваясь перед приятелем.

— У него замечательная речь, — заявила Диана. И с гордостью взяла мужа под руку. — Я-то знаю, он передо мной репетировал.

— Такая преданность — это голос любви, родная. — Том, казалось, вот-вот размурлыкается от удовольствия. — И я это очень ценю. Правда, правда...

Дальше беседа текла в обычном для престижной вечеринки стиле. Сновали официанты, постоянно меняя подносы с роскошными деликатесами. Коктейли и ассортимент европейских вин были на самом высшем уровне. Веселое оживление гостей делалось все более раскованным. Том и Диана угощались вовсю, наслаждаясь новыми блюдами.

Интересно, задала себе Кэтрин вопрос, почему он, как и я, ничего не может есть? Они, не сговариваясь, упорно отказывались от всего, что предлагали.

— Вы на диете? — неожиданно спросил Эйд, будто угадав ее мысли.

— Нет, — коротко ответила Кэтрин, глядя ему прямо в глаза. — А вы?

— О... ни в коем случае.

Это была минутная вспышка невысказанного, но безошибочного взаимопонимания. Они были голодны, но этот голод был совсем другого рода.

Вот удастся ли его утолить?

Кэтрин по-прежнему оставалась с Хордами, внушив себе, что нет ничего предосудительного в желании получше присмотреться к их другу.

По отношению к Диане Эйд был само обаяние. Томми, судя по всему, давно привык к нему, как беспомощный ребенок к опытной, ласковой няньке. Но вот чем он приворожил ее с первого взгляда? Между ними явно было чувственное притяжение, причем очень сильное.

Ничем другим нельзя было объяснить странности их обоюдного поведения. Однако Кэтрин все время ощущала в себе какую-то болезненную настороженность, а она по опыту знала, что подобные симптомы опасны. Возможно, Эйд тоже не свободен от тягостных воспоминаний о бывшей жене. Возможно, у них сходные опасения...

Чем же объяснить его сдержанность? Нет ли здесь чего-нибудь затаенного, опасного? Неужели ей грозит какая-то, быть может, адская ловушка? И стоит ли вообще рисковать, поддавшись

увлечению совершенно незнакомым человеком? Красивые мужчины обычно избалованы, напомнила себе Кэтрин, их эгоизм постоянно питается тем, что они всегда получают то, чего хотят.

Но с другой стороны, Эйд так внимателен к Диане...

Кэтрин поймала себя на том, что готова отбросить всякую осторожность. Сколько времени она ограждала себя от переживаний, и к чему это ее привело? К одиночеству. А это не слишком приятное ощущение.

И сейчас ей отчаянно нужна была настоящая встряска — упоение чем-то необыкновенным. Наконец-то... Кэтрин впервые за долгое время ощутила себя живой. Ей хотелось обернуться к Эйду Стивенсону и выпалить: «Перестань быть таким чопорным! Не прячься от меня!» Да только смелости не хватало. Кроме того, если Эйд был именно тем мужчиной, о котором она мечтала, он будет всего добиваться сам, не нуждаясь в том, чтобы его подталкивали.

И Кэтрин отчаянно хотелось, чтобы он начал действовать.

— Том! — Джулия Боунди, издатель последних хордовских романов, подлетела к их столику. — Пора выступать, бэби. — Она с улыбкой посмотрела на стакан в его руке. — Достаточно подкрепился для храбрости?

Джулия была на шесть лет старше Кэтрин — эффектная шатенка, стильная, с отработанными богемно-аристократическими манерами. Как всегда, она была одета вызывающе и вместе с тем элегантно. Кэтрин бросила взгляд на Эйда, вдруг ощутив в нем какое-то напряжение.

Лицо Эйда стало отчужденным, приняло то же замкнутое выражение, какое Кэтрин заметила раньше, когда он отошел от Хордов перед началом банкета. Может быть, они знакомы и... в ссоре? Джулия в тесных контактах со всей редакционной верхушкой «Стронга», и им, наверняка, не раз приходилось сталкиваться.

— Я чувствую себя в полном порядке, уверяю, совсем не нервничаю, — объявил Том. — Где мне выступать?

Джулия кивком головы указала в сторону бара.

— В том конце. — И улыбнулась Эйду. — Ты не мог бы принести Диане стул, мероприятие может затянуться?

— Мы позаботимся о твоём сокровище, Томми, не волнуйся... — заверила Кэтрин, таким образом как бы объединяя себя с Эйдом.

Джулия бросила на них заинтересованный взгляд, затем нахмурилась, словно чем-то озадаченная. Ее глаза остановились на подарочных комплектах, лежавших на столе.

— Я вижу, вы получили сувениры. Советую не оставлять их здесь, — порекомендовала она. — С выставочного стола уже все разобрали.

— Я возьму их с собой, — отозвалась Диана, поспешно собирая пакеты.

Джулия окинула Кэтрин каким-то нарочито многозначительным взглядом.

— Жаль, что Алина вывихнула ногу и не смогла прийти. А ты знаешь?..

Бац! Бокал с вином упал и разбился вдребезги прямо рядом с Эйдом. Проходивший мимо официант, вздрогнув, опрокинул поднос с напитками, и все стоявшие поблизости отпрянули в сторону.

Эйд круто развернулся и сделал извиняющийся жест в сторону официанта.

— Простите! Это я вас толкнул?

— Не волнуйтесь, сэр. В суматохе и не такое случается.

— Позвольте, я вам помогу... — Эйд нагнулся, чтобы поднять поднос.

— Нет, прошу вас, оставьте, сэр, — решительно запротестовал официант. — Сейчас сюда придут и все уберут.

— Черт! Вся юбка в красном вине, — расстроилась Джулия. — Извините, я отлучусь в дамскую комнату. Томми, не зевай. Пора двигаться. — И, не дождавшись ответа, слишком рассерженная, чтобы быть вежливой, Джулия удалилась.

Эйд с сокрушенным видом выпрямился.

— Не самое удачное выступление на вечеринке.

— Ну, тут уж ничего не поделаешь, — посочувствовала Диана. — Иди, ради Бога, Том. Слышишь?.. Молодежь за мной присмотрит.

— Обеспечим место в первом ряду, — пообещал Эйд. И похлопал друга по плечу. — Давай двигай и не забудь — мы тобой гордимся. — Его лицо озарила широкая искренняя улыбка. — Держи хвост пистолетом, пупсик.

Кэтрин поразились тому, сколько обаяния придала Эйду озорная улыбка. Да, это правда... Он понравился ей с первого взгляда. Но это были цветочки... А сейчас похорошел так, что дыхания не хватало, сердце замирало. От такой улыбки любая женщина придет в смятение. И Кэтрин не была исключением.

Словно издалека она слышала, как Том и Диана что-то говорили ему. Затем Том стал косолапо пробираться сквозь толпу, а Эйд все с той же улыбкой повернулся к ней. Серебристые глаза сияли каким-то странным, беспечным удовлетворением. Совсем мальчишка...

И тогда Кэтрин все поняла. Она не хочет и не станет больше сопротивляться возникшему между ними влечению, ни за что не станет... Больше никакой отчужденности. И никаких отступлений. *Ибо чудо свершилось.*

Кэтрин почувствовала, как в ней растет беззаботное, радостное чувство. Она так ждала, так стремилась к этому... Пусть будет то, что будет, куда бы это ни завело.

Последнюю неприятную мысль Кэтрин сразу же слепо отбросила.

Она даже не спросила себя: почему именно сейчас? Что изменилось за эти несколько минут? И никак не связала внезапное решение Эйда с разбитым подносом. Она напрочь позабыла Джулию Боунди и то, что та хотела сообщить ей насчет Алины.

Кэтрин была безумно, идиотски, как последняя дура, счастлива!

Эйд с трудом оторвал от нее взгляд, чтобы приготовить кофе. Кэтрин Бакст в его квартире и, так же, как и он, мечтает, чтобы эта ночь никогда не кончалась. У его Кэтти не было ничего общего с той женщиной, о которой постоянно твердила Алина. Ее совершенно невозможно было представить фанатически одержимой поборницей женских прав.

Обманчивые впечатления, нагромождение лжи... Эйд покачал головой, отмечая дурные мысли. Ведь его самые сокровенные мечты стали явью: в близости с этой женщиной он обретает блаженство, невыразимый словами душевный уют. Ее искренность приводила Эйда в восторг. Он восхищался ее умом, нежной чувственностью, чистой детской непосредственностью. Короче говоря, его Кэтти была редким сокровищем.

Наверное, надо бы ей открыть историю с Алиной, чтобы это не стояло между ними. Но ведь Кэтрин больше даже намеком не упомянула о своем бывшем муже. Ее замужество, как и брак Эйда, было ошибкой. Оба они и представления не имели, как складывается жизнь, когда рядом тот самый, единственный человек. Кэтрин права! Зачем попусту тратить время на дурные воспоминания? Гораздо лучше было бы разобраться в том, что происходит сейчас между ними.

— У мальчика чудесная квартира... — тихо произнесла Кэт, подходя к окну. — Отсюда открывается изумительная панорама, мистер Стивенсон... У тебя отличный вкус.

Эйд стоял, будто замороженный. Он очень любил свой родной город, но сейчас ему было не до красот ночного Мельбурна. Кэтти затмевала собой все. Она сняла туфли, распустила роскошные волосы, и соблазнительные изгибы ее женственной фигуры так прелестно обрисовывались в мягком свете ночника, что Эйду пришло в голову спросить, не писали ли с нее когда-нибудь портрета. Он перебрал в мыслях всех известных ему художников. Кто из них мог бы передать на холсте ее очарование?

Кэтрин обернулась и лукаво посмотрела на своего «таинственного незнакомца».

— Ты ведь ужасно богат, да, Эйди?

Никто еще не задавал ему этого вопроса так прямо. Эйд широко улыбнулся — его возлюбленная была очаровательна.

— Мне признаваться или все отрицать, моя пронцательная мисс Бакст?

— Боюсь что-либо посоветовать... ты не знаешь, какое впечатление произведет на меня твой ответ.

— У меня есть подозрение, что никакого.

Кэтрин засмеялась.

— Смелее, мистер Стивенсон... Я ведь здесь не из-за твоих денег. И согласилась на твое предложение поехать сюда, даже не зная, что на улице стоит такой роскошный «мерседес». И эта квартира... Похоже, у тебя солидные предки. Ты все принимаешь в жизни как должное. Это неизбежно наводит на мысль...

— Тебя это задевает?

— Нет, — пожалала плечами Кэтрин. — Просто хочется узнать о тебе побольше.

Эйд включил кофемолку, размышляя, как бы сформулировать свою мысль, чтобы она правильно поняла.

— Тебе так трудно ответить, Эйд? — с легкой иронией поинтересовалась Кэтрин.

— По-моему, богатый — немного не то слово. Я никогда не чувствовал себя богатым... до сегодняшнего вечера.

Он встретил пристальный взгляд Кэтрин и продолжал — открыто и честно:

— Быть богатым — значит иметь нечто очень ценное, девочка. А я никогда не добивался материальных благ, потому что они у меня были всю жизнь и я знаю, что они не могут дать всего, чего ты хочешь по-настоящему.

— А что, речь идет об очень значительном состоянии?

— Ммм... — Эйд разлил кофе в чашки, взял поднос и понес в гостиную. — Вообще-то благосостояние нашей семьи восходит еще к прошлому веку. Стивенсоны были на редкость удачливыми торговцами. Владели кораблями, доками, аукционными залами. У них были очень крупные вложения в городскую недвижимость и разные деловые предприятия.

Кэтрин слегка призадумалась.

— Но не великосветское семейство? — уточнила она. — Никогда не слышала — и не читала, — чтобы о вас упоминали в этом смысле.

— Да, мы — очень тихая солидная семья, — согласился Эйд. — И кроме того, в Австралии я остался единственным ее представителем. Брат предпочитает европейские столицы, а тетушка давно обосновалась в Италии.

Кэтрин, казалось, была неприятно удивлена.

— Что случилось с остальными членами семьи?

— Богатство еще никого не уберегло от смерти... — Эйд поставил поднос на стеклянный столик. — Сливки? Сахар?

Кэтрин откинулась в огромном кожаном кресле и буквально утонула в нем. С минуту они молча смотрели друг на друга.

— А почему ты стал литературным агентом?

— Мне нравится помогать талантливым авторам и нравится устраивать судьбу хороших произведений... Я люблю радовать людей. Понимаешь?..

В детстве без книг он бы просто не выжил — чтение помогало спрятаться от жизни, уйти в другой мир, однако Эйд не любил вспоминать о своей болезненной мечтательности. И не хотел, чтобы Кэтрин его жалела. Ему нужно было ее тепло, свет, а не какое-то вынужденное, тусклое сочувствие.

— А у тебя большая семья? — спросил он.

— Да, — засмеялась Кэтрин. — Пять братьев и три сестры, плюс многочисленные тетушки, дядюшки и кузены. Можно сказать, семейство Бакстов размножается в геометрической прогрессии. У всех большие семьи.

— Тогда ты можешь считать себя по-настоящему богатой.

— Да. Хотя... — Кэтрин вовремя спохватилась. — Впрочем, я скоро с ними увижусь. Я рада, что ты не праздный бездельник. Я ведь тоже очень люблю свою работу.

— Расскажи, как ты пришла в издательский бизнес, — попросил искренне заинтересованный Эйд.

— Если честно, это была долгая дорога... С ранней юности. И с самого низа...

Своего нынешнего положения Кэт достигла года четыре назад. Не случайно Флэтчер заметил ее еще в Сиднее и начал переманивать в «Стронг». Эйд, припомнил, как Кэтти упоминала, что бывший муж ненавидел ее работу. Это говорило о многом. Парень явно не любил Кэт по-настоящему. Ведь она наделена необычайной энергией. И справляется с задачами рекламы блестяще. Это был ее способ выразить себя, проявить свои редкие способности.

Даже просто наблюдать за ней было сплошным удовольствием — так она искрилась жизнью, со своими синими, как летнее небо, глазами. Эйд купался в них, как в потоке солнечного света. Она вызывала в нем бурю желаний, и он уже едва сдерживался. Та самая женщина. Из большой семьи, стало быть, сама тоже наверняка захочет детей. Прекрасная грудь. Безупречные бедра. Длинные, стройные, точеные ноги. Она даже в танцах оказалась для него идеальной партнершей. Все в ней было таким, как надо.

Эйда переполняло желание обнять ее, прижать к себе, ощутить все ее тело. И она, по-видимому, испытывала нечто похожее. Позабывший кофе давно остыл в чашках. Если бы она намеревалась уйти, то вела бы себя сейчас иначе. Или он слишком многого хочет в первый же вечер?

Пусть между нами все будет честно, пылко пожелал про себя Эйд, вставая. Он взял руки Кэтрин в свои, поднял ее из кресла и слегка прижал к себе. Эйд не маскировался — он хотел быть нежным, но безукоризненно сдержанным. Глаза Кэтрин были широко раскрыты, она не отстранялась, просто стояла и ждала, что он скажет. Отрицать бушевавшее в них взаимное желание было просто бессмысленно.

— Я хочу тебя, Кэтти, — прошептал он, не отрывая от нее взгляда.

— Да... — тихонько выдохнула Кэтрин.

— Ты предохраняешься?

— Сейчас нет.

— Тогда об этом позабочусь я.

— Я была бы тебе очень благодарна.

Она была такой искренней, не пыталась скрыть того, как ее влечет к нему. Эйд окончательно потерял голову, желание стало совсем нестерпимым. Он поднял руку и осторожно коснулся

щеки Кэтрин, затем провел пальцами по шелковистым кудрям. Ее губы призывно приоткрылись. Глаза затуманились — в них словно отразились все ее мечты и надежды.

— Не здесь... — Казалось, Эйд не узнает собственного голоса. — Пойдем со мной, Кэти.

— Да...

Эйд повел ее наверх в спальню... За окном едва брезжил рассвет. Они понимали друг друга с полужука. Они чувствовали друг друга, как будто провели вместе целую жизнь, десять жизней... Вечность.

Это было невысказано, невыразимо. Они ощущали себя Адамом и Евой, совершенно утратив всякое представление о том, что через несколько часов неминуемо возвратятся к обычной повседневности.

Эйд любил ее так, как не любил ни одну женщину в жизни, — раскованно, страстно, с поразительной свободой, утоляя малейшие свои желания и встречая такой же пылкий отклик. Он испытывал наслаждение, о каком и мечтать не смел. И все это дарил ему она. Его Кэти... Женщина его давних несбыточных грез.

Эта близость сейчас восполнила все — холодное безучастие родителей, которые словно никогда и не существовали для Эйда и его брата Алекса; тоскливое детство под надзором деспотичной бабки; одинокие годы, проведенные в интернатах; бессмысленное существование в Оксфорде и Гарварде; отчуждение в отношениях с братом, который не хотел думать ни о чем, кроме своих развлечений; наконец, горькое разочарование в браке с Алиной.

Он должен обязательно рассказать Кэтрин все...

Но не сейчас. Он сделает это завтра.

Нельзя терять драгоценных мгновений. Им принадлежит будущее. Он знал это, чувствовал, осязал. И верил, что сумеет доказать, отстаивать свое право на счастье.

7

«На следующее утро...» Эта фраза почему-то вертелась в голове Кэтрин, когда она мчалась на работу в такси. Забавно! Ведь обычно в подобные фразы вкладывается совершенно противоположный смысл: горечь разлуки, утраты, как в блюзовых песенках и любовных романах... Кэт не выдержала и звонко рассмеялась. Пожилой шофер недоуменно покосился на нее и... сам улыбнулся.

— Чудесное утро, да, мисс?..

У нее буквально кровь кипела от счастья. Радость жизни переполняла Кэтрин и преображала для нее весь окружающий мир. Она влюбилась — безоглядно, по уши влюбилась и ни на секунду не жалела о том, что произошло, хотя еще накануне ее терзали сомнения.

Накануне... Если бы вчера в это же время кто-нибудь предположил, что она встретит мужчину, которым увлечется настолько, что окажется с ним в постели, Кэтрин ни за что бы в жизни не поверила. Ну уж нет! Она не из таких. У нее есть голова на плечах. Безрассудные порывы и эротические приключения не для нее — так никогда не было и никогда не будет. Если уж

заниматься любовью, то это должно быть нечто особенное и с совершенно необыкновенным человеком.

Так и случилось. Кэтрин закрыла глаза и снова отдалась воспоминаниям о чудесных ощущениях, которые вызвал в ней Эйд. Он оказался потрясающим любовником — страстным, невероятно чувственным и нежным, одновременно властным и кротким. В жизни у нее никогда не было такой сладостной ночи. С Диком... Ну нет, одернула себя Кэтрин, больше она не станет даже думать о бывшем муже. С появлением Эйди Стивенсона ее жизнь чудесным образом переменялась.

А может быть, все-таки стоило разбудить Эйда перед тем, как уйти сегодня из его квартиры? Идея была соблазнительной: разделить с ним последний поцелуй, прощальную улыбку, напомнить о волшебной ночи, принадлежавшей им одним и связавшей их новыми, очень интимными узами. Но Эйд наверняка задержал бы ее, а Кэтрин и так едва хватило времени, чтобы заскочить к себе, в пригород Мельбурна, где второй год она снимала крохотный коттедж, быстренько переодеться, схватить папку с документами и той же машиной рвануть в «Эври дэй». А у Эйда на спальном столике осталась ее нежная записка...

Автомобиль лихо затормозил в нескольких метрах от офиса редакции. Кэтрин расплатилась с таксистом, приветливо попрощалась с ним и, с трудом подавляя желание помчаться вприпрыжку, направилась к парадному подъезду.

Накануне они с Эйдом танцевали до упаду. Он оказался превосходным танцором. У него вообще все получалось потрясающе — везде! Какое счастье, что она его встретила, что их влечение взаимно... Какое счастье быть живой и жить в одном мире с Эйдом Стивенсоном!

В голове Кэтрин закружились слова песенки «Я чувствую себя красивой» из «Вестсайдской истории». С детства она обожала этот мюзикл, знала его почти наизусть. И сейчас вспоминала трогательную сценку встречи Марии с Тони — как раз после этого эпизода и звучит прелестная песенка о неземном счастье. Кэтрин сейчас испытывала те же самые чувства.

Впорхнув в холл «Эври дэй» и бодро направляясь к лифту, Кэтрин все еще напевала про себя, не забывая при этом обворожительно здороваться со всеми встречными.

— Привет! — щебечущим голоском окликнула ее Бетси Стюарт, секретарь Айзекса. — Здорово вчера потанцевали, верно, Кэтти? И как это тебе удалось подцепить Эйда Стивенсона?

— Он приехал с Томом Хордом, — коротко ответила Кэтрин, не желая разжигать любопытство Бетси — большой любительницы посплетничать.

— Ну ясно... Это же твой нынешний клиент, — иронически усмехнулась Бетси. — Признаться, я малость обалдела — никогда не видела, чтобы наш жеребец Эйди так расслаблялся. Он пару раз был у нас, так можно подумать — настоящая ледышка. Весь из себя холодный и неприступный.

Бетси была явно заинтригована. Она любила почесать язычок и обожала совать нос в чужие дела. И потом, ее можно было понять: хорошенькой женщине, даже если она замужем, за таким породистым экземпляром, как Дональд Стюарт, отнюдь не может понравиться, если красивый мужчина, вроде Эйда, остается к ней равнодушен. А Бетси со всем своим шармом, блестящими карими глазами, миловидным личиком и изящной фигуркой привыкла к тому, что мужчины с ходу начинают увиваться возле нее.

— Может, на него подействовала праздничная атмосфера, вот он и растаял, — тактично

предположила Кэтрин, входя в лифт.

— Или еще что-нибудь — более основательное...

Кэтрин засмеялась в ответ на эту двусмысленную реплику и, игриво помахав Бетси, впорхнула в кабину лифта. Ее переполняла радостная уверенность, что это она растопила лед. Любопытно, впрочем, что Бетси обратила внимание на его неприступный вид. По-видимому, Эйд не любил метать бисер перед кем попало, зато когда раскрывался!.. Кэтрин глубоко, с упоением вздохнула. Темперамент у него просто взрывной.

Она поспешно направилась к своему кабинету, на ходу отшучиваясь от зазорных приветствий коллег. Однако в разговоры по поводу вчерашнего банкета старалась не пускаться. Никто все равно не поймет, что произошло между ней и Эйдом, а давать лишний повод для пустых пересудов Кэтрин не собиралась. Наверняка последуют пикантные намеки в духе Бетси Стюарт. Стоит ли тратить время на всякую чепуху?

Влетев в кабинет, Кэтрин немедленно позвонила в диспетчерскую и попросила принести текущую корреспонденцию. Потом присела за стол. Вспомнилось, как высоко Эйди оценил ее профессиональные качества. Уж он-то знает толк в рекламе, знает, что такое подлинное творчество. Это не Дик, который считал ее работу бульварной чепухой, ни о чем не хотел слышать, все время бесился. Невменяемый доктор Льюис... О Господи!..

Иметь возможность свободно обсуждать свои деловые планы с человеком, который тебе ближе всех на свете... Кэтрин последние годы считала это бредовой иллюзией. Замечательно, что у них есть общее дело — книги. И для Эйда безусловно приятно, что его возлюбленная живет общими с ним интересами.

Впрочем, в издательском бизнесе хватает женщин, которые цепко ориентируются в книжном рынке. Взять хотя бы ту же Джулию Боунди... Кстати, почему напрягся вчера Эйд при ее появлении? Кэтрин задумалась. Может, между ними что-то было? Впрочем, сейчас это уже не имело значения.

Встряхнувшись от этих мыслей, Кэтрин начала перебирать бумаги, отмечая те, на которые надо было немедленно ответить. Кроме того, предстояло перенести несколько встреч. Она вносила поправки в свое расписание, когда в кабинет зашел Эбнер Айзекс с двумя чашками кофе в руках.

— Маешься с похмелья? — поинтересовался Эбнер, сам имевший довольно помятый вид.

Кэтрин улыбнулась.

— Нет, но спасибо за заботу, шеф.

Эбнер осторожно поставил чашки на стол, затем плюхнулся в свободное кресло.

— Какое счастье быть молодым, когда энергия бьет через край, — мелодраматическим тоном продекламировал он.

— Как я понимаю, ты вчера позволил себе выпить лишнего.

— Там подавали такое хорошее красное вино, ты же знаешь мою слабость, лапочка...

Кэтрин припомнила, что жена Айзекса должна была отлавливать его на банкете, и не

сомневалась, что она-то и отвезла подгулявшего супруга домой.

— Ну что ж, если дело того стоило, — произнесла она, с трудом подавляя смех при виде страдальческой физиономии босса.

Эбнер задумчиво уставился на нее.

— Надеюсь, для тебя тоже дело стоило того.

— Но я-то не мучаюсь... — Кэтрин пододвинула к нему чашку.

— Еще намучаешься. Уж можешь мне поверить.

Его убежденность привела Кэтрин в недоумение.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я знаю Алину. Она классический пример собаки на сене, и стоит ей обо всем услышать, как она устроит тебе веселую жизнь.

— Услышать о чем?

Эбнер нахмурился и посмотрел на Кэтрин так, словно хотел ей залепить: ты что, совсем тупая?

— Поправь меня, детка, если я ошибаюсь, но, по-моему, ты вчера всю резвилась с Эйдом Стивенсоном. Я бы сказал, вы с ним проверяли, как далеко можно зайти, обжимаясь во время танцев.

Кэтрин вновь непроизвольно улыбнулась.

— Во всяком случае, чувство ритма у него превосходное.

— Да уж... Моя жена сказала, что он не хуже лучших голливудских мальчиков. А это высокая похвала, учитывая то обстоятельство, что бабуся Айзекс не пропускает ни одного киношедевра, держит нос по ветру и отлично понимает, что такое экстра-класс.

Язвительные комментарии Эбнера ничего не объяснили Кэтрин.

— Все же на что ты намекаешь, Эбби?

— О, я далек от того, чтобы читать тебе ханжеские проповеди. Если хочешь завести роман с Эйдом Стивенсоном, это целиком и полностью твое дело. Просто я уже вижу, как на горизонте собираются тучи. — Эбнер тяжело вздохнул. — И, похоже, на меня опять дождем польются жалобы.

— С какой стати?

— Потому что Алине это не понравится, она начнет приводить миллион доводов, а я, как ближайший сподвижник, получу больше всех. Может, ее бывший муж и нужен ей, как прошлогодний снег, но вряд ли она спокойно будет смотреть на то...

— Бывший муж?! — Кэтрин была так ошеломлена, что не верила своим ушам.

— А ты не знала, что он именно Тот, Кто Всегда Требовал Слишком Многого? — Эбнер

попытался скорчить шутовскую гримасу, но вышло это весьма коряво.

— Эйд Стивенсон и есть «Козел Джи»? — Голос Кэтрин почти сорвался на визг. Она ошарашенно пыталась соотнести Эйда, своего возлюбленного Эйди, с тем шизофреником, на которого Алина успела выплеснуть столько помоев. Эти два образа никак не совмещались.

— Да, это он... — сурово кивнул Эбнер.

— И как у нее язык повернулся назвать его «Джи»? — Это было последней каплей дегтя, с которой Кэтрин не желала смириться.

— Просто из желания его как-то принизить. Парень он совершенно необыкновенный. Алине до него было никак не дотянуться. Обычная психология... — пояснил Эбнер назидательным тоном.

— Но ведь... — пробормотала Кэтрин, сраженная собственной неосведомленностью. — Я почему-то думала, что ее муж — Джил Стивенсон.

— Нет, они даже не знакомы. Джил здесь в общем-то чужак и большей частью сшивается в Штатах. Что же касается презрительной клички, это давняя история. Так дразнили мельбурнских Стивенсонов еще полвека назад. Ведь они торговаши, а Алина принадлежит к голубой колониетской аристократии. Не случайно она сразу же вернула себе девичью фамилию, Дастингс, и при втором замужестве не рискнула вновь прогневить свою снобистскую родню. Стивенсоны — тоже старинное семейство, но они почти все вымерли и потом, не забывай, — купцы. А среди Дастингсов до сих пор навалом тех, кто греется в правительстве, трется в великосветских салонах Лондона...

Кэтрин застонала. Ее приводила в ужас мысль о том, что, по-видимому, весь персонал «Стронга» сейчас смакует ее отношения с бывшим мужем Алины, а еще больше — от того, что ее так ловко провел человек, который, по словам новоиспеченной миссис Дастингс, был точно таким же бессердечным деспотом, как и Ричард.

— Мне очень жаль... — с печалью протянул Эбнер. — Я-то думал, ты просто решила гульнуть, расхрабрилась.

— Ты хочешь сказать, просто вела себя глупо и беспечно.

— Вот уж необязательно. Каждому — свое. И ты сделана из более твердого теста, чем Алина.

— Но не настолько. — В глазах Кэтрин появилась горькая решимость. — Я уж прошла этот этап, когда боролась за право быть собой. И начинать все заново не собираюсь, благодарю покорно.

— Знаешь, я на твоём месте не слишком доверял бы однобоким высказываниям Алины, — предостерег Эбнер. — Ей ведь на самом деле мужчина не нужен. Ей нужен этакий любящий папочка. В лице своего нового супруга она именно такого и заполучила.

Для Кэтрин это было слабым утешением. Блаженное сознание того, что они с Эйдом созданы друг для друга, испарилось. Пропало и ее радостное настроение — вместе с хрустальными надеждами. Неужели ей на роду написано влюбляться, как безмозглой тетере, себе на беду? Возможно, у глупенькой Алины как раз и была голова на плечах, когда она выбрала Поля Моро, своего «любящего папашу», готового отдать ей все на свете только за то, что у него под боком будет резвиться такая аппетитная малышка.

Эбнер с некоторым трудом поднялся из кресла и сделал извиняющийся жест.

— Я вовсе не думал, что для тебя это будет как снег на голову, Кэтти.

— Все нормально. Гораздо лучше, что я теперь все знаю, — бесстрастно отозвалась Кэтрин.

— Что для одного яд, для другого — сахар. Это относится и к мужчинам. Забудь про Алину и доверься своим чувствам, — по-отечески посоветовал Эбнер и лукаво улыбнулся. — А бурю в своей редакции я как-нибудь выдержу.

— Спасибо, Эбби, — печально улыбнулась она. — К сожалению, внутренний голос подсказывает мне, что на романтические выдумки не стоит полагаться.

— Ну, как знаешь, — пожал плечами Айзекс и ушел, оставив Кэтрин размышлять о безумии, которое накатило на нее, в течение нескольких часов сметая все на своем пути.

Только вот было ли это безумием?

Теперь она гораздо старше и опытнее, чем три года назад, когда потеряла голову от пылких ухаживаний Дика. Прошлой ночью с Эйдом она не уловила ни одной фальшивой ноты, которая могла бы нарушить ощущение их взаимной гармонии. Ни единой. Это и было самое чудесное во всей истории. С того момента, как он сбросил с себя маску демонического отшельника, каждая минута, проведенная вместе, дарила истинное наслаждение.

Кэтрин понимала, почему Эйд так неохотно шел на сближение с людьми из «Стронга», если только дело не касалось работы. Концерн был полноправной территорией Алины, щупальца Дастигсов дают здесь знать о себе на каждом шагу. К тому же это замаскированное аристократическое высокомерие, пренебрежение... Зачем лишний раз отравлять себе жизнь?

Неудивительно, что Эйд так непреступно держался со всеми, кто принадлежал к кругу общения бывшей жены. И на прием отправился только во имя дружбы, чтобы поддержать Диану, пока Том будет произносить речь. Уже за одно это Кэтрин готова была уважать его. Эйд ведь не мог знать заранее, что Алины на приеме не будет.

Впрочем, после того, как Джулия Боунди сказала про вывих, он уже не сомневался, что Алина не придет. Кэтрин вспомнила происшедшую с ним внезапную перемену, как он вдруг отбросил все предосторожности и стал открыто проявлять к ней интерес. Скорее всего, он стал вести себя по-другому, потому что исчезла угроза появления Алины, а вместе с ней — и какой-нибудь неприятной сцены.

Кэтрин попыталась проанализировать версию Алины о поведении «несносного Джи». Вчера, когда Эйд заговорил о предательстве, она предположила, что его жена завела себе любовника. Если Алина была неверна Эйду, то требования отчитываться перед ним, куда она — ходит, были вполне оправданны. Интересно, какая карта легла первой: ощущение, что Эйд на нее давит, или собственная неверность?

Кэтрин прекрасно понимала, что в оправдание своего поведения Алина вполне могла свалить всю вину на Эйда. Возможно, единственным способом обрести душевное равновесие для нее было снискать сочувствие окружающих. И если уж откровенно, Кэтрин никак не могла бы представить Алину в качестве своей близкой приятельницы, а вот Эйд на роль задушевного друга подходил идеально.

Возродившаяся надежда немного сгладила тупое отчаяние, охватившее Кэтрин после

предостережения Эбнера, однако прежнее радостное настроение уже не вернулось. Тень настороженности неотступно стояла на страже. Несмотря на отчаянное желание отмести клеветнические выпады. Алины, Кэтрин все же не могла о них забыть. Обиды и разочарования, пережитые за время несчастного брака, были слишком плодородной почвой для сомнений, все настойчивее подступавших к ней теперь.

Тем не менее Кэтрин решила дать своим чувствам еще один шанс доказать, что им можно доверять. Не сделать этого после вчерашней ночи было бы трусостью. Эбнер прав — надо полагаться только на собственное мнение. А иначе это было бы нечестно по отношению к Эйду.

Зазвонил телефон.

Довольная, что приняла наконец единственно верное решение, она, мгновенно настроившись на рабочий лад, подняла трубку.

— Кэтрин Бакст слушает.

— Ты что, совсем рехнулась, Кэт? — Голос Алины звучал раздраженно и, как обычно, плаксиво.

— О, похоже, еще не окончательно... — Кэтрин едва сдерживалась. — Твоей ножке сегодня получше, дорогая?

— Я просто ушам не поверила — как это винторогий Джи сумел обвести тебя вокруг пальца после всего, что я тебе о нем рассказывала! — вконец распищалась Алина, не реагируя на встречную колкость.

— Мне очень жаль, но я никогда не слышала, чтобы ты упоминала имя Эйда Стивенсона. Может, я не права? Или... У кого-то из нас склероз?

В трубке что-то сердито заклокотало.

— Ты что, не знала, что он мой бывший муж?

— Откуда? До вчерашнего приема я никогда с ним не встречалась, а ты всегда называла его Джи. — Кэтрин брезгливо сморщилась, произнося эту кличку, подходящую для какого-нибудь уличного, портового мальчишки, но уж никак не для Эйда.

— Господи! А он понял, что ты ничего не знаешь?

— Мне кажется, это вполне очевидно. Для меня он был совершенно незнакомым человеком.

Возможно, отметила мысленно Кэтрин, ситуация с «инкогнито» и повлияла на его решение. Эйди понял, что у меня нет на его счет никаких предубеждений.

— Кэт, послушай, ты случайно не переспала с ним?

Она тут же ощетинулась.

— Тебе не кажется, что ты задаешь нескромные вопросы, Алина?

— Вовсе не нескромные. Он тебя ненавидит, Кэтти, милая... И ничего не доставило бы ему большего удовольствия, как соблазнить тебя, чтобы ты совсем потеряла голову.

В голосе Алины звучала такая убежденность, что Кэтрин ощутила ледяной холод в груди.

— Но почему? — срывающимся голосом спросила она. — За что ему меня ненавидеть?

— Мы постоянно ссорились из-за того, что ты говорила.

— О чем ты? Я никогда ему ничего не говорила. Опомнись. Ведь мы встретились первый раз в жизни!

— Ну, в смысле... я повторяла ему многое из твоих мыслей. А он, понятно, на дух это не переносил. И всегда с этим своим видом превосходства обзывал тебя оголтелой феминисткой и саботажницей. Поверь мне, Кэт, он тебя терпеть не может. Ты бы видела, как его трясло, стоило мне произнести твое имя. Он был готов разорвать тебя в клочья.

Кэтрин показалось, что ее с размаху ударили чем-то тупым, тяжелым в самое сердце.

Феминистка! Саботажница!

Господи, как это чудовищно... Так вот что таилось в душе Эйда во время того разговора с Дианой и Томом! И этот свирепый блеск в глазах... Воспоминания здесь ни при чем — вся эта кипящая ненависть относилась к ней, напрямую. И как только Эйд понял, что Алина на банкет не явится... Этот несчастный случай с официантом, чтобы помешать Джулии проболтаться насчет его родственных связей с Алиной, был очень вовремя подстроен, чтобы расчистить путь к осуществлению давнего плана мести.

Нет! — забился истошный крик в душе Кэтрин. Однако все сходилось.

— Слушай, я понимаю, если он тебя завлек... — продолжала причитать Алина. — Когда ему нужно, он умеет прикинуться таким сексапильным самцом. Но предупреждаю, Кэт, он способен изощренно глумиться, как только ему заблагорассудится. Надеюсь, ты не дала этому подонку насладиться своим триумфом.

Кэтрин до боли стиснула зубы и проглотила комок, застрявший в горле.

— Триумфом? — с трудом повторила она.

— Джи орал, что все, что тебе нужно, — это хороший мужик, который выбил бы из тебя феминистскую дурь и превратил в нормального человека. Он бы пошел на что угодно, только бы тебе это продемонстрировать, и если ему удалось...

— Понимаю... Что ж, спасибо за звонок, Алина, — выдавила Кэтрин и повесила трубку. Ей была ненавистна сама мысль, что Эйд теперь может похвастаться тем, что заставил ее растаять и превратил в «нормального человека».

Вот тебе и «прекрасный принц»! Ей бы догадаться, что все идет как-то уж слишком гладко. Устроить представление на одну ночь может кто угодно, особенно если знать слабые места противника. А Эйд Стивенсон — человек исключительно незаурядный. Вот он и сумел сразу подобрать к ней ключик, пустив в ход свою сексуальную привлекательность и интуицию прирожденного актера.

Снова раздался телефонный звонок. Кэтрин поколебалась, потом обругала себя за то, что позволила слишком увлечься переживаниями. Надо снять трубку, ведь жизнь продолжается... Работа есть работа, и нечего раскисать как ватная рохля. Бывает и хуже... По крайней мере,

она знала, что сумеет постоять за себя в этой ситуации. Кэтрин сняла трубку и тут же на мгновение лишилась дара речи — ее охватило смятение.

— Кэтти, родная... — Благодущный голос Эйда свидетельствовал о том, что этот интриган еще ничего не подозревает.

У Кэтрин перехватило дыхание. Соблазнитель — собственной персоной! Только вот если он думает, что она совсем потеряла голову и бросится ему на шею, то крупно ошибается.

— Да, милый? — отозвалась Кэтрин. Сознание у нее неожиданно прояснилось.

— Я нашел твою записку, девочка. Для меня сегодняшняя ночь тоже была потрясающей.

Только что не мурлычет от удовольствия!

— Рада, что это оказалось взаимным, — с томным придыханием прошептала она, выжидая удобного момента, чтобы нанести решающий удар.

Эйд засмеялся.

— Еще как! Когда ты сегодня заканчиваешь работу?

— Ой, не знаю... Что тебе нужно, Эйд? — полетел пробный камешек. Пусть теперь попрыгает на прощание.

— Снова тебя увидеть, как только ты освободишься.

Она нарочито тяжело вздохнула.

— Слушай, дружок, ночь была действительно прекрасной. Просто изумительной. Давай все так и оставим, хорошо?

Наступило молчание.

— Повтори, пожалуйста, что ты сказала? — чувствовалось его нарастающее недоумение, он словно все еще отказывался верить происходящему.

И тогда Кэт решила поставить точку в игре.

— Понимаешь, честно говоря, я не люблю повторять подобные спектакли. Зачем портить приятные воспоминания?

— Спектакли? — хрипло переспросил Эйд.

Вот тебе! Получай, мерзавец!

— Ммм, — удовлетворенно протянула Кэтрин. И постаралась добавить в интонацию дозу теплоты. Этакой ядовитой теплоты. — Надо отдать тебе должное, Эйди. Ты просто непревзойденный мастер. Профессионал суперкатегории. Еще раз спасибо. Останусь благодарна до конца дней своих!

И она швырнула трубку так, что телефон как будто треснул. Если уж это не способно перевернуть весь его триумф вверх тормашками, тогда неизвестно, чем вообще его можно пронять. Свирепая усмешка искривила губы Кэтрин. Да, месть и впрямь бывает сладкой.

Такси двигалось по направлению к аэропорту. Кэтрин бросила взгляд на часы. Самолет на Сидней по расписанию отбывал в пять часов, а лайнеры местных линий редко вылетали вовремя, так что у них будет еще добрых двадцать пять минут, чтобы забрать билеты, пройти контроль, сдать багаж, а потом — расслабиться со стаканчиком какого-нибудь напитка в зале для пассажиров.

У Кэтрин выдался тяжелый день: она носилась по студийным офисам, редакциям «Стронга» и филиалам сиднейской прессы, организационно закрепляя хордовское восхождение к славе. С каждым новым интервью Томас Хорд держался все более уверенно, он научился метко отражать атаки журналистов. Все складывалось прекрасно, но Кэтрин была уже совершенно измотана.

У нее было такое ощущение, что драматическая история с Эйдом Стивенсоном на прошлой неделе серьезно подкосила ее. Кэтрин постоянно пребывала в угнетенном состоянии, плохо спала. Любое дело требовало от нее значительных усилий. Кэт заставляла себя четко следовать ежедневному рабочему графику, но ей никак не удавалось избавиться от хандры. Иногда просто хотелось умереть.

Такси мчалось чрезмерно лихо, как в крутом боевике, и водитель словно не замечал, что машины впереди остановились на красный свет. Может, решил проскочить? Или... Неужели не видит?

— Послушайте, приятель... — обеспокоенно начал Том.

Кэтрин пронзительно вскрикнула.

Шофер очнулся, судорожно затормозил, и такси, взвизгнув и прочертив жженой резиной полосу на асфальте, остановилось в каких-то сантиметрах от застывшего потока автомобилей. Взвизгнули тормоза шедшей позади машины, которая едва не врезалась в их багажник.

— Эх, дьявол!.. Простите... — пробурчал таксист.

Том с тревогой обернулся к Кэтрин.

— Ты как там?

— Все в порядке, — дрожащим голосом отозвалась она и, мрачно покосившись на широченную спину водителя, добавила: — Вообще-то, мне бы хотелось добраться до аэропорта в целости и сохранности.

— Мне бы не помешала хорошая двойная порция джина, — с чувством произнес Том.

Кэтрин эта мысль тоже показалась неплохой. Что ж, нервная встряска, которую она только что получила, оказалась по-своему полезной. Умирать ей определенно не хотелось. В конце концов, можно впредь вообще обходиться без всяких влюбленностей от греха подальше. Она сильная. Она с этим справится. Уж как-нибудь...

С памятного «следующего утра» прошла всего неделя. Возможно, подсознательно Кэтрин просто горевала о несбывшейся мечте. Ну, да ничего — поездка в Сидней поднимет ей настроение. Уже сегодня вечером она будет у матери, увидит всех своих — кто окажется дома.

Всегда теплеет на сердце, когда встречаешься с теми, кого любишь и кто любит тебя. Кэтрин не собиралась никого ненавидеть. Ненависть — самое опасное чувство, которое разъедает душу.

С великим облегчением они выбрались из злосчастного такси и вошли в шумное здание аэропорта. Люди здесь постоянно куда-то спешили, что-то делали, и вокруг царил атмосфера возбужденного ожидания, приключений, перемен. С оформлением документов у Кэтрин и Тома все прошло гладко, и она уже предвкушала приятную поездку, поднимаясь на лифте в зал ожидания. Кэтрин летела домой.

Когда они вошли, зал ожидания был набит битком.

— Я поищу, где присесть, а ты пока сходи за напитками, Томми, — предложила Кэтрин.

— Нечего и суетиться. Эйди наверняка занял нам где-нибудь столик.

— Эйд? — Сердце Кэтрин затрепетало.

— А вот и он! — удовлетворенно объявил Том, показывая на столик у окна в противоположном конце зала, рядом с баром.

У Кэтрин душа ушла в пятки при виде красавца Эйда Стивенсона, небрежно развалившегося на стуле с журналом в руках. Боковым зрением она заметила два стула, стоявших рядом со столиком — на одном стояла сумка, на другом лежала газета. Он явно ждал их, предварительно предупрежденный обо всем Хордом.

Кэтрин окончательно упала духом, по спине бегали мурашки. Стало быть, Эйд не собирался отпускать ее. Совсем как Ричард. У него были свои планы, а на ее желания ему наплевать!

В сознании Кэтрин все восстало при таком предположении. Страх сменился приливом спортивной злости. Если мистеру Стивенсону угодно считать, что он проведет ее и на сей раз, то его ждет большой сюрприз. Главное — вести себя так, словно эта встреча ей совершенно безразлична. А там... Уж она-то сумеет дать несколько хороших уроков этому самонадеянному самцу.

Усилием воли Кэтрин заставила себя последовать за Томом, уже суетливо пробиравшимся к своему другу. Выше голову! — скомандовала она себе и пожалела, что не собрала волосы в пучок. Лирический хаос на голове способен вызвать у Эйда ассоциации с той ночью. Но теперь уже поздно... Боевые действия начались, и проиграть она не имеет права. Так что держитесь, мистер Стивенсон!

Кэтрин была рада, что одета в брючный костюм. Если Эйду Стивенсону угодно видеть в ней феминистку, на здоровье! По крайней мере, костюм не был облегающим и никак не выставлял напоказ изгибы ее тела, даже без жакета. Под жакетом на Кэтрин был жилетик с рисунком, изображающим оленей, — сочетание горчичного и черного цвета. Жилет скрывал линии тела, которые могли бы подчеркнуть черная блузка и брюки. Если не считать распущенных волос, в остальном вид у Кэтти был вполне деловой.

— Наконец-то мы добрались! — объявил Том с таким энтузиазмом, что Эйд слегка вздрогнул. — Вот только таксиста я бы не поблагодарил, такого он нагнал на нас страху!

— Вот как? — произнес Эйд, откладывая журнал и поднимаясь. Он был необыкновенно, почти устрашающе хорош — атлетическая фигура в джинсах и кожаном пиджаке.

— Если бы Кэт не закричала, этот баран точно бы в кого-нибудь врезался, — продолжал Том, наслаждаясь ролью рассказчика.

Кэтрин удостоилась саркастической усмешки.

— Поздравляю с тем, что ты вовремя вскрикнула, Кэтти...

— Чтобы разбудить нашего таксиста, нужна была по меньшей мере сирена. — Она решила перехватить у Тома инициативу, притворяясь, что не замечает язвительности Эйда, что ей вообще наплевать на его присутствие.

Серебристые глаза сузились, остановились на волосах Кэт, затем как бы ощупали ее фигуру.

— У мисс Бакст для роли сирены есть все, что нужно, — заметил он.

Итак, сабли наголо, подумала Кэтрин. Никаких попыток вновь соблазнить ее не будет. Предстоит беспощадная война — не на жизнь, а на смерть. Кэтрин это вполне устраивало. Теперь уж от Эйда Стивенсона она защищена настоящей броней.

Кэтрин улыбнулась Тому:

— Если ты хочешь выпить...

— Еще как хочу! — ухмыльнулся Том и похлопал себя по животу. — Надо же его как-то усмирить. А ты что будешь, Кэтти? Изобрази пока Эйду в красках наше приключение, а я мигом сбегаю за целительным снадобьем.

— Мне хватит и лимонного сока.

— Ты что, смеешься?

— Нет. Алкоголь в полете мне почему-то сушит горло.

— Ну, это нетрудно исправить. Пей больше, — наставительно порекомендовал Том.

Кэтрин покачала головой. Она ни за что не позволит туманить себе мозги, особенно в сложившейся ситуации. Если бы в тот вечер, когда они познакомились с Эйдом, она выпила меньше шампанского, возможно, и не потеряла бы голову, погрузившись в розовые мечты.

— Лимонный сок!.. — с шутливым отвращением проскандировал Том. — А тебе что взять, Эйди?

— Пожалуй, выпью джина с тобой за компанию.

— Двойной?

— Можно и двойной.

Том широко улыбнулся, благодарный другу за поддержку:

— Вот увидишь, старина, сейчас принесу нечто совершенно особенное, — пообещал он и направился к бару.

Эйд наклонился и снял сумку со стула.

— Может, присядешь? — безучастно пригласил он.

— Спасибо...

Стул был удобным, с подлокотниками, и Кэтрин нарочно уселась в свободной позе, откинувшись на обитую тканью спинку, положив руки на подлокотники и скрестив ноги. Если этот сердцеед разбирается в языке тела, то сразу поймет, что она хочет ему сказать. Кэт не собиралась проявлять ни малейших признаков напряжения.

Эйд принял еще более небрежную позу — вальяжно развалился, перекинул ногу на ногу, а пальцами левой руки начал отбивать по столику какой-то бравурный марш. При этом он буквально раздевал ее взглядом с головы до кончиков туфель, как наглый, избалованный сутенер. Кэтрин пожалела, что подобная выходка с ее стороны недопустима, да и вообще... не получится.

Его голубая рубашка была широко распахнута. При виде черных завитков прямо под воротом воспоминания об их близости с силой нахлынули на Кэт. Ей стала противна собственная слабость, и она отвернулась к окну, глядя на самолеты, выстроившиеся у посадочных галерей. В лайнер, что стоял ближе всего к зданию аэропорта, как раз грузили багаж. Было большим облегчением хоть как-то отвлечься, бесцельно наблюдая за возней нескольких здоровых ребят из технического персонала.

— У тебя какие-нибудь дела в Сиднее? — наконец спросила Кэтрин, когда стало ясно, что Эйд не собирается вести светскую беседу. Он демонстративно уткнулся в журнал. А ведь безусловно что-то замышляет.

Ответом на вопрос было молчание.

Кэтрин посмотрела на Эйда с вежливым интересом, давая понять, что подобным хамством ее не заденешь.

— Нет, — нехотя отозвался он с насмешливым вызовом в глазах.

— Но ты же летишь с нами? — не отступала Кэтрин, пытаясь хоть как-то прояснить ситуацию.

— Угу... Решил вот прокатиться.

— Зачем?

— Допустим, чтобы оградить Томми и Диану от опасности.

Кэтрин нахмурилась:

— Ты думаешь, они нуждаются в защите?

— В том-то и дело. Может, тебе и покажется странным, но я их обоих люблю. И они много для меня значат. А таких людей, видит Бог, в моей жизни почти нет.

Сейчас в его голосе не было сарказма, и Кэтрин, сразу обратив на это внимание, отозвалась:

— Ну кому может прийти в голову их обидеть?

Ни одно интервью, организованное ею для Хорда, не принадлежало к той отвратительной категории, когда журналисты вонзают зубы в свою жертву и терзают ее зловердными

вопросами. С каждым из намеченных для общения с Томом репортеров она была лично знакома — народ непринужденный, порядочный... Никаких подвохов здесь быть не могло.

— Те-бе... — по слогам начал Эйд, швырнув журнал в сторону. — Тебе, дорогая!

— Мне?! — Кэтрин очумело вскинула глаза.

— Не притворяйся святой невинностью, пожалуйста. — Эйд потемнел лицом от сдавленного бешенства. — Я ведь был с тобой и знаю, чем это может кончиться. И если своей нынешней жертвой ты выбрала Тома, советую остановиться, пока не поздно.

Ненависть, клокодавшая в нем, буквально парализовала Кэтрин. Никто и никогда еще так к ней не относился. Несколько мгновений она сидела неподвижно, замерев от ужаса. Так вот как подействовал на него тот телефонный разговор!

Кэтрин с трудом взяла себя в руки. Он ведь испытывал к ней отвращение еще до того, как они познакомились. И получил по заслугам. Разве не так? Сам напросился... Сам вел с ней нечестную игру. Интересно, если бы представилась возможность, стал бы он ей пакостить? Хотя, казалось бы, куда уж дальше. А вдруг он настроил против нее Хордов?

Нет, тут же одернула себя Кэтрин. Ведь Том вел себя с нею, как всегда, а он был слишком открытым человеком, чтобы вынашивать тайную неприязнь к кому бы то ни было. Нет, Эйд ему ничего не говорил. Это было слишком личным — раны, нанесенные болезненному самолюбию Эйда Стивенсона, были слишком глубоки.

— Я не связываюсь с женатыми мужчинами, — твердо заявила Кэтрин и тут же поймала себя на мысли, что невольно оправдывается перед ним.

— Как мило, что ты хоть тут проводишь черту, — ядовито заметил Эйд. — Если, конечно, это правда.

— Думай что хочешь, — пожала плечами Кэтрин и иронически скривила губы. — Впрочем, с тебя станется.

— Я вот все думаю об этом бедняге — твоем муже. Неудивительно, что парень терпеть не мог твою работенку, — продолжал издеваться Эйд. — Постоянные ночевки в отелях, целый легион авторов... Ни минуты отдыха. И скольких же ты успела обслужить, Кэтрин?

Это было уже самое низкопробное свинство. Кэтрин даже не разозлилась. Она лишь лукаво подняла бровь:

— Уязвленное самолюбие, Эйд?

— Да нет, элементарное любопытство, — с деланной улыбкой уточнил он. — В качестве образца современной женщины ты представляешь собой уникальный объект для... всестороннего анализа.

— В таком случае, надеюсь, ты примешь во внимание и то, что женщины иногда откликаются на сексуальные импульсы, — сладким голоском пропела Кэт. — А ты у нас «настоящий самец». — Она окинула противника равнодушным взглядом, нарочито пародируя его циничные ужимки. — Ты посылал весьма ощутимые импульсы...

Она увидела, что сейчас попала в цель с предельной точностью. Эйд дернулся, как от

пощечины. Наконец-то счет удалось сравнять.

— Но ты ведь предпочитаешь смену декораций! — Едва опомнившись, Эйд снова взялся за оскорбления.

Кэтрин подняла глаза — в них светился насмешливый вызов.

— Неужели? Делать поспешные выводы из ошибочных посылок, по-моему, не самый мудрый способ для «всестороннего анализа». Где ваши доказательства, пронизательный мистер Стивенсон?

Он скорчил брезгливую гримасу.

— Ты мне сама их предоставила, если припомнишь...

Кэтрин удалось звонко рассмеяться.

— Наверное, это гениально — выводить закономерности в поведении человека из одного частного случая!

— Это был не частный случай, — мрачно поправил он. — Скорее откровение.

— Вот как?

Какой же он лжец, возмутилась Кэтрин, и свойственная ей стихийная энергия, дремавшая так долго, разом всколыхнулась. Единственное, что можно было с уверенностью сказать о непрошеном вторжении в ее жизнь Эйда Стивенсона: он излучал какую-то особую силу, которая способна раскошегарить ее до предела.

Окончательно разозлившись, она наклонилась к Эйду и спросила с ученически серьезным видом:

— А не может быть так, что в схеме не хватает одного жизненно важного звена? Чего-то очень существенного, упущенного гением психоаналитики?

Глаза Эйда сузились, словно у ягуара, которого раздражили.

Кэтрин откинулась на спинку стула, как бы небрежно отметая любые его измышления. Однако же каков мерзавец, напридумывал о ней кучу гадостей, хотя сам вел себя, как последний негодяй.

Эйд подобрался, придвинулся к ней поближе. Казалось, в любой момент он может выкинуть самый невероятный фортель.

— Что ж, сделай одолжение, просвети меня, Кэтрин. Чего же не хватает?

— Ты не припоминаешь некий фактор, который ты намеренно опустил в своих изысканиях, мистер аналитик? — бросила она.

И пояснила, уже не в силах скрывать презрение:

— Чисто проделанный номер с официантом и опрокинутым подносом. Причем проделанный очень своевременно.

Вновь судорога исказила лицо Эйда. Можно было подумать, что прямо перед собой он увидел ядовитую змею. Он зачем-то полез в карман пиджака, машинально извлек оттуда шариковую ручку и несколько раз подбросил ее вверх.

— Ты хочешь сказать, что поддалась на гнусную клевету Алины? — Он уже просто шипел. — После всего, что между нами было?

У Кэтрин было такое ощущение, что от него волнами исходят воспоминания о той ночи, ее сердце болезненно сжалось. Ей вдруг вспомнилось избитое выражение, что ненависть — лишь обратная сторона любви — любви попранной, оскорбленной, униженной. Неужели и она сделала поспешные выводы из неправильных посылок? Кэтрин была настолько потрясена своим предположением, что даже не нашлась, что ответить. В душе она уже отступала, пряталась от его настойчивого взгляда, готовая замкнуться в себе, оградить себя от новых ошибок. Она была в таком смятении, что ей стало дурно.

— А вот и я!

Три стакана со звоном ударились о столик. Это Том вернулся из бара с лимонным соком для Кэтрин и джином для себя и Эйда. Она пожалела, что не заказала какой-нибудь убойный напиток. Может, помогло бы немного заглушить боль в душе. Надо все же разобраться в том, что происходит и как ей держаться с Эйдом Стивенсоном.

— Спасибо, дорогуша. — Эйд как ни в чем не бывало поднял стакан. Он улыбнулся приятелю — человек, владеющий собой и полностью контролирующей ситуацию. — Ты сегодня был просто великолепен, и я тобой горжусь.

— Ты слушал мое интервью по радио? — Хорд просто расцвел.

— И очень внимательно. Ты справился лучше некуда. Завтра тебе уже будет совсем легко.

Эйд, сам того не зная, буквально повторил то, что перед этим внушала Тому она, и Кэтрин сразу вспомнила, насколько совпадали их суждения, какая гармония царила между ними в тот вечер. У нее возникло тоскливое чувство — ведь она все это отвергла. А что, если он вовсе не собирался ее соблазнять и обманывать?

Кэтрин взяла стакан и стала потягивать терпкую жидкость, слушая, как Том рапортует о деталях интервью Эйду, просит его высказаться по этому поводу. Том явно и плюнуть побоится без разрешения своего закадычного дружка, ловит каждое его слово, словно это было чистое золото.

Кэтрин ядовито напомнила себе, что ей не приходится рассчитывать на какие бы то ни было нормальные отношения с Эйдом. Он и раньше был предубежден, а теперь вообще вообразил ее этакой сиреной, привлекающей мужчин в постель на одну ночь. Да еще назвал ее мужа беднягой — вот уж совсем неуместно. Кэтрин с горечью стиснула зубы. Какое он имеет право выставлять ее в таком черном свете? Он же ничего, абсолютно ничего не знает о ее браке!

С другой стороны, и ей тоже немного известно о его семейной жизни. О том, как он вел себя, что делал и что чувствовал. Она имела представление об этом лишь со слов Алины. Эбнер Айзекс относился к версии Алины скептически, однако нельзя отрицать — истеричное предсказание все более начинает сбываться.

И то, что Эйд сейчас так на нее набросился, тоже не слишком вдохновляло Кэтрин, хотя она и сама в значительной мере спровоцировала его подозрения. Он тут же ухватился за эту зацепку

и сразу предположил самое худшее. Эйд явно упивается своими бредовыми подозрениями, якобы нанесенным ему оскорблением. У него и в мыслях нет, что, может, он сам и виноват.

Простите, но она слишком устала от подобных виражей. Лучше уж остаться кошкой, которая «гуляет сама по себе»...

Она уже разок прошла через адское замужество. Повторный эксперимент вынести невозможно. Ей надо... чтобы все было так, как в ту единственную ночь с Эйдом. Но ведь именно Эйд показал ей и обратную сторону любви — иступленно беснующуюся ненависть.

Кэтрин внутренне содрогнулась.

И Эйд, будто уловив ее состояние, впился в нее горячечно поблескивающими глазами, пытаясь проникнуть в самые сокровенные мысли и чувства.

Все... достаточно, мысленно приказала себе Кэтрин. Комедия окончена.

— Объявляется посадка на рейс номер сто двадцать шесть Мельбурн — Сидней. Пассажиров просят пройти на посадку.

Кэтрин стремительно встала. Сейчас она полетит домой. Единственный человек, который ей сейчас «действительно был нужен, — это мама.

9

Создавалось впечатление, что пробираться к своему лайнеру они будут целую вечность. Эйд терзался безысходными сожалениями. Алина! При этом имени он скрипнул зубами. Сколько раз в течение той волшебной ночи, проведенной с Кэт, у него в мозгу мелькало предостережение: «Скажи ей об Алине! Скажи немедленно!» А он, сентиментальный кретин, откладывал, чудилось: успеется — ведь впереди вся жизнь.

Опасения отодвигались все дальше, казались все менее существенными. Кэтрин была с ним... Их близость слишком драгоценна, чтобы допустить в нее кого-то постороннего. И заводить разговор об Алине — это уж верх нелепости...

Ничего, он честно признается утром, перед тем, как Кэтти уйдет, окончательно решил тогда Эйд.

Если бы он только не проспал!

Если бы Кэтрин разбудила его перед уходом!

А если бы и так, сказал бы он ей?

Что толку обманывать самого себя? Скорее всего, нет, не сказал бы. Отношения с Кэтти сулили столько чудесного, что он, проснувшись, совершенно позабыл об Алине. И не вспомнил о ней даже на мгновение, когда звонил в «Эври дэй». Он обрел свое счастье, свой идеал, остальное — суета сует. Хотелось лишь одного: снова увидеть Кэтрин. И вот, услышал... увидел.

Между ними возникла необыкновенная связь. Неужели это мираж? И ничего нельзя исправить?

Он беспощадно напомнил себе, что сейчас своими дурацкими нападками, грубыми намеками на то, что Кэтрин просто использует других, сам надругался над единственным светлым чувством в своей жизни.

Эйду не было нужды смотреть на Кэтти, чтобы понять, каким успехом увенчались его старания разрушить то хрупкое и бесценное, что незримо соединяло их. Кэтрин шла к самолету отстраненная, погруженная в себя. Он потерял ее... потерял навсегда.

Еще в зале Эйд почувствовал, как в ее глазах появилась решимость: нежная и ранимая васильковая синева сменилась холодным излучением сапфира. Такие, как она, никогда не возвращаются назад. Воздвигла вокруг себя стену, и ему уже не было допуска внутрь. Она шла одна.

И все это по его вине, черт побери! Хотя не совсем. Его бесценная бывшая женушка тоже внесла свою лепту. Ну, она еще за все заплатит. Никак не отучится совать нос в его дела, а ведь, казалось бы, нашла себе муженька как раз впору для ее мелкой эгоистичной душонки. Как же, где уж смириться с мыслью о том, что они с Кэтрин будут вместе — после нее, несравненной, неподражаемой... и самое главное — урожденной Дастигс... Голубая кровь. Клякса стерва!

Господи! Как же Кэтрин этого не видит!

Вслед за Томом он остановился перед контрольным пунктом, пропуская Кэтрин вперед. Она спокойно прошла и предъявила посадочный талон. По-видимому, на традиционные правила вежливости феминизм в ее представлении не распространялся. А то ведь бывают и такие, кто доводит идею равенства между полами до полного абсурда и возмущается даже, когда мужчины уступают им дорогу и открывают дверь. Впрочем, Эйд уже не считал Кэтрин оголтелой феминисткой. В ней есть врожденный женский аристократизм, который никогда не позволит впасть в бабские крайности.

По пути к самолету Кэтрин прихватила пару наушников. Это был зловещий знак. Если она наденет наушники и всю дорогу будет слушать музыку, поговорить будет невозможно. А Эйд отчаянно стремился достучаться до Кэтти, все выяснить и извиниться за те ужасные вещи, которые он ей наговорил. И за то, что он о ней плохо думал. И еще... Хотя такое не прощают.

Кэтрин прошла немного вперед, и Эйд уже не мог оторвать взгляда от ее стройных ножек и изящных бедер — их движения казались такими чувственными. Его снова обожгло воспоминание об их близости — никогда не испытывал он подобной экзотической радости обладания, как той незабываемой ночью. Эйд отвел глаза выше, но бесполезно... Какие роскошные у нее волосы... Боже, как она хороша!

Провались все на свете! Он ощутил волну непрошеного возбуждения. Да соберись же ты наконец! — велел себе Эйд. Если он не сможет сохранять трезвую голову и вести себя так же сдержанно, как Кэтрин, он обречен на поражение. Впрочем, все и так уже кончено. Эйд знал, что в настоящий момент Кэтрин не подпустит его к себе и на пушечный выстрел. Как вернуть то, что он потерял, Эйду было невдомек, но с чего-то надо начинать. И лучше, если это будет правильный шаг.

Стюардесса приветливо улыбнулась им, и в ее глазах мелькнул чисто женский интерес. Почему-то Эйда это раздосадовало. С какой стати? Человек вполне может понравиться с первого взгляда. Вот и физическая притягательность Кэтрин на него тоже сразу произвела сильнейшее впечатление. Да и сейчас он никак не может от нее избавиться. Впрочем, его

гораздо больше интересовало то, что происходило в душе своевольной Кэт. Ему сейчас как воздух нужна была женщина, способная понять и разделить с ним то, что до сих пор придавало высший смысл его существованию. По-настоящему, а не как Алина, которая вначале только притворялась, что понимает.

Кэтти... Как она покорила его своей открытостью и теплотой! Эйд направился вслед за ней к местам, указанным стюардессой, полный решимости добиваться своего, даже если это противоречит предопределению судьбы. Кэтрин Бакст была именно той единственной женщиной, которую он мог назвать своей второй половинкой. Во всяком случае, она настолько близка к его идеалу, насколько это вообще возможно. И он должен снова завоевать ее. Или... Иного не дано.

Кэтрин остановилась около двух кресел у окна. Третье свободное место находилось прямо через проход, в центральной части самолета. Она устремила взгляд туда, и Эйд понял, что, если он не будет действовать быстро, она сядет отдельно.

— Там, впереди есть еще не занятые багажные полочки, Кэтрин, — показал он.

Кэт подняла голову, собираясь убрать свой кейс и повесить жакет.

Воспользовавшись этим, Эйд молниеносно обернулся к стоявшему позади Тому.

— Садись-ка лучше сюда, — потянул он приятеля к месту у прохода. — Здесь тебе будет удобнее ловить стюардессу с напитками.

Том охотно подчинился. Кэтрин бросила быстрый взгляд через плечо, все поняла, но ничего не сказала. Она продолжала укладывать вещи на полку. Эйд сунул свою сумку рядом и посторонился, пропуская ее к окну.

Кэтрин остановилась у кресла, в котором уже разлегся Хорд.

— Вид в полете оттуда будет просто великолепен. Ты же умница и слушаешься своего гида, — с невинной интонацией начала подкапываться она. — Садись лучше ты к окну, Томми. Я ведь уже сто раз успела наглядеться. Потом, если я сяду здесь, вам с Эйдом будет удобнее болтать и... конечно же, пропускать по стаканчику...

На мгновение Том явно заколебался. Однако у него хватило ума взглянуть на Эйда, и он тут же все понял.

— Нет, нет, детка, мне и здесь хорошо, — заявил он и, величественно махнув рукой, добавил: — Вы уж там с Эйди...

Один — ноль! Кэтрин поняла, что счет открыт, и не стала спорить. Покорно кивнув, она прошла и уселась рядом с Эйдом. Однако если и почувствовала себя загнанной в ловушку, то ничем этого не показала. Никаких признаков раздражения или обиды, но и ни намек на то, что она примирилась и сдалась. Кэтти невозмутимо уселась, пристегнула ремень, сложила руки на коленях и стала смотреть в окно.

Эйд ответил на приветствие какого-то смутно знакомого пассажира.

Кэтрин не обращала на своего соседа никакого внимания, словно его и не было.

Надо начинать сейчас, решил Эйд, пока она не вспомнила про наушники.

— Я приношу свои извинения, — тихо произнес он, вкладывая в эти слова всю душу.

Никаких признаков того, что Кэтти услышала. Она продолжала сидеть неподвижно, волосы скрывали ее лицо, и Эйд не мог проследить, была ли хоть какая-то реакция. Он бросил взгляд на ее руки, но длинные тонкие пальцы оставались неподвижными, такими же далекими, как и сама Кэтрин. Будто у мраморной статуи — белые и безжизненные... Однако при воспоминании об их нежном прикосновении к его коже, желание вспыхнуло в нем с новой силой.

— Вот как? В чем же ты виноват передо мной? — наконец проговорила Кэтрин. Голос звучал безо всякого выражения, как отдаленное эхо в горах, но все же это был хоть какой-то ответ. Эйд с минуту лихорадочно подыскивал, что сказать, отчаянно боясь промахнуться, а потом, следуя внезапному наитию, шепнул:

— Прости, я не доверился велению своего сердца и... сам того не желая, предал нашу любовь.

Эйд надеялся, что это признание растопит лед. Она ведь тоже подавила свои чувства, позволила Алине все облить грязью, издевательски отвергла его, даже не дав возможности объясниться. Эйда снова охватила мучительная обида: ведь это хуже тривиальной измены, страшнее, опаснее любого трусливого удара в спину. Кэтрин отбросила его, как опостылевший хлам... Есть такая паучиха — «черная вдова», — она подобным образом расправляется с самцом, из которого высосала все соки.

Как могла Кэт столь жестоко все разрушить? Неужели одного едкого словца Алины оказалось достаточно? Эйд пытался найти хоть какое-то оправдание ее поведению, но тут Кэтрин нарушила молчание, развеяв в прах его чувство собственной непогрешимости.

— Ты взялся меня судить. — Она по-прежнему сидела, уткнувшись в окно, недоступная, безучастная, леденяще равнодушная ко всему происходящему.

В этой фразе Эйд прочел свой приговор, ощутил, как в воздухе повеяло смертью, и тут же решил защищаться до последнего.

— Но ведь ты тоже судила меня, Кэтти...

Она тихонько покачала головой и медленно повернулась к нему. Холодный сапфировый взгляд устремился на Эйда, и он понял, что помилования не будет.

— Я просто оставила все как есть. Не устраивала тебе скандала, не упрекала, не объявляла войну — ничего.

Щеки Эйда залила краска стыда, к которому примешивалась слепая, бессильная ярость. Он готов был стереть свою возлюбленную в порошок, ведь она заставила его почувствовать себя ничтожеством. Но при этом, строго говоря, ему не в чем было ее обвинить: ничто не указывало, что Кэтрин будет пытаться заигрывать с Томом, и не было доказательств, что она была неверна своему мужу. Это были самые настоящие измышления — он просто взбесился из-за того, что их встреча, как оказалось, не имела для нее значения.

— Не будь так жестока... слышишь? То, что я наговорил, было бездоказательно и несправедливо... — выдавил из себя Эйд, пригнувшись, как побитый строптивый пес.

— Вот именно. Зато стало ясно, чего от тебя можно ждать, если что-то окажется не по тебе, — холодно отозвалась она.

— Да нет же!

Глаза Кэтрин смотрели недоверчиво, и Эйд прибавил, стараясь, чтобы его голос звучал как можно более убедительно:

— Клянусь, такое никогда не повторится. Никогда... Я все понял.

Кэт явно отказывалась ему верить.

— Мне очень жаль, но я не могу так рисковать. Давай все забудем, Эйди. И расстанемся красиво.

Она снова отвернулась к окну.

В душе Эйда все бунтовало против такого вердикта. Но прежде чем он успел придумать неопровержимые аргументы, ожил микрофон и стюардесса сообщила о начале полета. Затем последовала обычная информация о мерах безопасности и действиях в чрезвычайных случаях, но Эйд пропустил объяснения мимо ушей. Над ним сейчас витала иная, неотвратимая опасность, и все его мысли были сосредоточены на том, чтобы повернуть колесо судьбы, — ведь сейчас решалось его будущее.

Пока самолет выруливал на взлетную полосу, он боролся с желанием протянуть руку и сжать пальцы Кэтрин, несмотря ни на что, надеясь, что физическое притяжение еще не утратило окончательно над ней своей власти. Однако Эйд понимал, что делать этого нельзя. Кэтрин способна воспринять новую нежную уловку как стремление навязать ей свою волю. Впрочем, на самом деле так и есть. Но если бы это хоть чуточку напомнило о разделенной близости, она немного смягчилась бы? Прикосновение может совершить чудо, когда бессильны слова.

И все-таки Эйд не позволил себе прибегнуть к этому последнему средству. Если он ничего не добьется от Кэтрин сегодня, есть еще завтрашний день. У него будет масса возможностей согреть свою «снежную королеву». И каждую минуту, проведенную рядом с ней, он, видит Бог, не упустит. Рано или поздно он сумеет подобрать ключик и отворить запертую дверь. А пока придется затаиться и выждать.

Самолет набрал скорость и взлетел. Подошла стюардесса, принимавшая заказы на напитки. Это уже вполне резонный и безобидный предлог отвлечь Кэтти от оконного созерцания.

— Кэтрин, стюардесса спрашивает, что ты будешь пить, — произнес Эйд будничным тоном.

Она повернула голову и посмотрела сквозь него.

— Спасибо, мне ничего не надо.

Вот так, стало быть, пить с ним она отказывается, подумал Эйд, заказывая себе джин с тоником, как и оживившийся Том. Ему было необходимо чем-то занять руки, а джин обычно успокаивал нервы, отвлекал от навязчивых переживаний.

Кэтрин принялась открывать пакет с наушниками.

— Тебе так неприятно со мной разговаривать? — чуть слышно спросил Эйд.

Она замешкалась и подняла на него настороженный взгляд.

— Обещаю вести себя как цивилизованный человек, — улыбнулся Эйд, стараясь быть как

можно обворожительнее.

— Это ни к чему не приведет, Эйд, — жестко отреагировала она. — У нас обоих слишком тяжелый груз за плечами, и его не сбросить.

Эйд сразу же померк, игра в неуязвимость не получалась.

— Ты имеешь в виду Алину?

— Среди прочего и ее тоже.

— Могу тебя заверить, что я давно уже вычеркнул ее из моей жизни.

Под ее взглядом он вновь сжался, словно нашкодивший ребенок.

— Феминистка, саботаж, ненависть... — Убийственный перечень бил прямо в цель.

— Поверь, я раскаялся в этом еще до того, как толкнул официанта на приеме.

— И обман. — Последнее попадание... Кэтти не верит, совершенно не верит в его искренность.

— Я не сказал тебе об Алине, потому что хотел, чтобы то, что между нами произошло, было свободно от всяких предубеждений. Разве это так уж неразумно, Кэт?

— Напрасно ты не предоставил мне право выбирать самой. Ты ведь слукавил, Эйд. А мог бы довериться мне и сказать правду.

Что он мог ответить? Все оправдания были бессмысленны. Кэтрин не оставляет камня на камне от его жалких доводов.

— Вот видишь? — криво усмехнулась она. — Ты просто поступил, как удобнее. Главное для тебя — собственный душевный комфорт. И я уверена, что ты себя полностью оправдываешь. Мужчины вроде тебя всегда так делают.

— Мужчины вроде меня?

— Это и есть мой груз, Эйд. — Цвет ее глаз снова изменился. Они словно выцвели, стали позимнему бледно-голубыми. — А теперь извини меня, я очень устала. Ни есть, ни пить я не хочу.

Кэтрин надела наушники, подключила их к аудиосистеме, откинулась в кресле и закрыла глаза. Хорошо, он оставит ее в покое... пока. В ее словах было много такого, о чем стоило поразмыслить.

Самое обидное для него — упреки в бесчестности, в животном эгоизме. Именно к взаимному доверию Эйд стремился в любых отношениях. Кэтрин права — ей он в этом отказал. Теперь Эйд понимал, насколько ошибся, не открыв ей сразу, что Алина — его бывшая жена. Он ведь действительно не дал ей шанса составить о нем свое мнение. Он сыграл себе на руку.

Однако Кэтрин ошибалась, утверждая, что он себя полностью оправдывает. Не в его характере самодовольно ходить по кругу, раз уж понял, в чем ошибался.

«Ты поступил, как удобнее»... Ну, это уж работа Алины: наверняка взхлеб исполнила импровизацию на тему и совсем запудрила Кэтрин мозги. Алина была способна все перевернуть с ног на голову, лишь бы всласть почесать языком. Насчет него, конечно же, Кэт

впитала только бредни. Хотя, впрочем, так ли это?

Если отбросить Алину с ее рассказами, как он вел себя по отношению к Кэтти?

Изворачивался, как раздавленный червяк, до последнего момента не признавался, что Алина — его бывшая жена. Потом ему приспичило отправиться в эту поездку. Воспользовался предложением рыцарской защиты семейного очага Хордов, а на самом деле хотел заставить Кэт пожалеть о том, что она его отвергла. Даже в самолете он усадил ее рядом с собой — не терпелось начать свои трогательные излияния. Сплошной и неприкрытый эгоизм. Это уже не бредни, а чистая правда.

Но ведь он пошел на это во имя любви. Он пристаёт к Кэтрин, унижается только потому, что на карту поставлено их будущее счастье. Он знает, что Кэт тоже боится к кому-то сильно привязаться, привыкнуть. Только вместе они освободятся от гнета прошлого. Он должен убедить Кэт, что не похож на тех мужчин, с которыми она его мысленно сравнивала.

Интересно, сколько их было?

Ну, для начала ее муж. Что-то там крупно у них не сложилось, знать бы, что именно. Остальные не в счет, решил Эйд. Скорее всего, после развода Кэтрин окончательно укрепилась во мнении, что ей нравится и что не нравится в мужчинах. Ведь и с ним произошло то же самое — он четко понял, что для него важно в женщине, а что — нет.

Эйд вспомнил рецепт счастливой совместной жизни в незамысловатом признании Дианы: «Просто надо хотеть одного и того же».

Он бросил взгляд на Кэтрин. Хочет ли она того же, что и он? Роскошные волосы ореолом окружали наушники. Ангельски очаровательное личико способно заморозить любого, даже самого пресыщенного художника. Белая кожа казалась прозрачной, что придавало ей сходство с изысканной хрупкой фарфоровой статуэткой. Под длинными ресницами залегли тени, которых он прежде не заметил. Следствие бессонных ночей? Может, лежала без сна, оплакивая несбывшуюся мечту?

Эйди захотелось нежно прижать ее к себе, вернуться на неделю назад и все начать сначала. Он собрал в кулак всю свою волю и мысленно попытался достучаться до сознания своей строптивой избранницы.

Дай мне еще один шанс, Кэтрин. Больше я ни о чем не прошу. Всего один шанс.

10

— Отель «Фристайл», Тарденс-стрит семнадцать, — звонко скомандовала таксисту Кэтрин, от души надеясь, что хоть сейчас они доберутся до места без происшествий.

— Боюсь, что быстро доехать не получится, — жизнерадостно сообщил им водитель. — Пробки сегодня жуткие. На стадионе большая игра — матч команд высшей лиги по регби.

— Ну, конечно! — тут же оживился Том, и его лицо загорелось неподдельным интересом. — «Тайгерс» против «Кингс клуб», повторный матч. А какие в Сиднее ставки?

— Все ставят на «Тайгерс», но большинство тех, с кем мне довелось перекинуться словечком,

желают победы «Кингс», — ухмыльнулся таксист. — Уж простите, если это против вашего родного штата, но что поделаешь — так уж тут повелось.

Пока таксист укладывал вещи в багажник, они продолжали бурно обсуждать возможный исход встречи двух знаменитых команд. Кэтрин заметила, что Эйд не принимал участия в разговоре. Он уселся на заднее сиденье, предоставив Тому и Кэт рассаживаться по собственному усмотрению. Никаких посягательств на нее на этот раз не последовало. Неужели сдался и решил оставить ее в покое?

Кэтрин нахмурилась. Хотя она и понимала, что ведет себя крайне непоследовательно, но не могла скрыть разочарования. Если Эйд держался так, смиряясь пред ее непреклонностью, надобно бы, наоборот, радоваться тому, что больше не придется выяснять отношения. Почему же она не испытывает облегчения, освободившись от тягостных объяснений? Хочется продолжения мелодрамы? Нет. Лучше уж разом все оборвать. Наверное, и Эйд понял, что это лучший выход.

Она постояла в нерешительности, соображая, куда лучше сесть, — на заднее сиденье рядом с Эйдом или впереди с водителем. Впереди Тому будет удобнее отвести душу, поболтать о регби. А ей было в общем-то все равно, где сидеть. От Эйда Стивенсона, как ни вертись, никуда не деться — они скованы одной цепью до окончания турне — побег невозможен. Она, конечно, может сколько угодно делать вид, что не замечает его, но обманывать себя бесполезно.

Эйд был поражен, заметив, что Кэтрин садится рядом. Вспыхнувшее в его глазах удивление сменилось проблеском неподдельной радости. Губы Эйда сложились в легкую лукавую улыбку — проявление затаенной надежды и насмешливой самоиронии.

— Должно ли это означать, что мисс Бакст простила мои грехи?

Этот ласковый подвох едва не нарушил самообладания Кэтрин. Уголки ее губ дрогнули — чувство юмора готово было взять верх. Кэт едва сдержалась, чтобы не ответить в том же тоне, ее глаза весело блеснули. Но она тут же спохватилась. Не забывай о том, как быстро он может перемениться, приказала себе Кэтти. Ты ведешь себя, как последняя дура. Но на сердце у нее сразу посветлело. Сомнений не оставалось — Эйд и не собирается сдаваться.

— Это уж тебе улаживать с Богом и твоей совестью, — решительно заявила она. — Если я не ошибаюсь, ненависть входит в число семи смертных грехов?

— А вот и нет. Семь смертных грехов — это гордыня, алчность, похоть, гнев, обжорство, зависть и лень, — бойко отозвался Эйд.

Ничего себе, отметила Кэтрин, такое знание религиозных догматов встречается нечасто. Он, между тем, поднял брови, изобразив на лице притворное раскаяние.

— В трех смертных грехах меня точно можно обвинить, но ведь я всю дорогу от Мельбурна только и делал, что посыпал голову пеплом в знак раскаяния.

Теперь Кэтрин стоило уже колоссальных усилий, чтобы удержаться от улыбки. Сохраняя все же серьезное выражение лица, она быстренько прикинула, в каких страшных грехах каялся смиренный Эйд, и остановилась на гордыне, гневе и похоти. Да... что касается похоти, то тут у них у обоих рыльце в пушку. Не стоило мистеру Стивенсону перекладывать всю вину на свои могучие плечи.

Несмотря на то, что к характеру Эйда у нее были серьезные претензии, стоило Кэтрин на него

взглянуть, как она тут же вспоминала возбуждение и невероятное наслаждение, испытанное ею, когда они занимались любовью. Увы, сожжены последние мосты — ничего повторить не удастся. А все-таки жаль...

Собравшись с духом, Кэтрин наконец отвернулась от него и посмотрела, что происходит впереди. Шофер и Том уже успели закурить и, благодушно перебивая друг друга, во всю продолжали свой спортивный диспут. Казалось, что встретились два закадычных приятеля, которые никуда не собираются спешить. Очень мило. Сколько же еще ей выдерживать эти нахлынувшие соблазны?

Она ведь и Ричарду прощала самые непростительные поступки, утешаясь лишь тем, что все искупается физической близостью! Надо учиться на собственных ошибках, иначе совсем свихнешься. Нельзя же всю жизнь провести в постели. Помимо секса в жизни должно быть нечто гораздо более важное.

— Очевидно, Алина, сказала, что я тебя ненавижу? — спокойно поинтересовался Эйд.

— Да, — ответила Кэтрин и прибавила про себя: неплохо бы мне об этом не забывать.

— Кэтрин, милая, я в жизни никого не ненавидел.

Это было уже такое неприкрытое вранье, что Кэтрин не выдержала и обдала его пристальным вызывающим взглядом.

— Признаюсь, что мне до смерти надоели завывания Алины. Она ведь начинала свое «Кэт говорит» каждый раз, когда хотела меня поддеть. Но злило меня то, что она никак не желала понять...

— Я ведь не дура, Эйд, — нетерпеливо перебила она. — Я же видела, как ты себя вел в аэропорту, — от тебя просто волнами исходила ненависть.

Выражение лица Эйда сразу изменилось — он понимал серьезность брошенного обвинения. И мрачно кивнул.

— Да, это была ненависть, Кэт. Но... Ты же умница, попробуй понять. Сначала человеку кажется, что он встретил свой идеал, потом — пустота, тусклая пустота. Нет ничего ужаснее такого состояния. Можно весь мир возненавидеть.

Эйд молил Бога, чтобы ее сердце не осталось безответным. Он чувствовал — сейчас или никогда. Если только им действительно суждено осознать, что они созданы друг для друга...

Необычайная искренность, с которой Эйд, наперекор самолюбию, раскрывал болезненные сомнения, потаенные противоречия своего отношения к ней, потрясла Кэтрин. Она жадно слушала его, но внешне пыталась хоть как-то изображать прежнее отчуждение. Нельзя... нельзя вновь подпустить к себе этого демона.

— Мне ненавистно многое из того, что говорят и делают люди, особенно, если это причиняет боль другим, — взволнованно продолжал Эйд. — А теперь оказывается, что я сам преступный самоубийца, ведь все это время я мучил тебя, а ты для меня дороже жизни. — Он тяжело вздохнул и с мольбой посмотрел на Кэтрин. — Но неужели ты никогда в жизни не совершала поступков, о которых потом пожалела? Таких, которые потом хотелось бы исправить?

Кэтрин была настолько загнана в угол его покаянным порывом, что с облегчением вздохнула,

когда их тет-а-тет был прерван появлением Тома и таксиста, которые наконец-то удосужились погрузить вещи в багажник. Такси выехало с территории аэропорта и направилось в город. Новоиспеченные друзья уже переключились на футбол, и Кэтрин с радостью воспользовалась их шумным энтузиазмом как предлогом, чтобы помолчать и поразмыслить.

Самое время... Ведь она была в полном смятении. Проведенная ею линия обороны сейчас трещала по всем швам. Эйд нашел себе покоряюще простое, безошибочное оправдание, и с его словами нельзя было не считаться. Каждый человек совершает ошибки. Сама Кэт в жизни никому намеренно не причинила вреда, но и у нее был свой личный список случаев, которые она не очень любила вспоминать, ибо знала: повторись все заново — и она поступила бы по-другому. Никто не имеет права самодовольно делить все на белое и черное и рубить с плеча, вместо того чтобы подумать и взвесить все «за» и «против».

Может, стоит все-таки дать ему еще один шанс...

Если бы не Алина, настроившая ее против Эйда... Чем, интересно, это было продиктовано? Эбнер метко подметил, что Алина ведет себя как собака на сене. К тому же ее второго супруга никак нельзя было назвать «сексапильным самцом». Немолодой мужчина под пятьдесят, с упитанным брюшком, да и вообще Кэтрин он напоминал добродушного, слюнявого, вечно сонного пса лабрадора. А в Эйде, если проводить ту же параллель, скорее было что-то от гибкого красавца добермана с его нередко опасным для окружающих, неистовым темпераментом.

Кэтти скосила глаза на своего рокового соседа. Его рука свободно лежала на бедре. Сколько в нем мужского изящества, обаяния, под которым таится первобытная вулканическая сила. Властный повелитель и покорный раб — дерзкий, нежный, изощренно чувственный. Именно таким предстал он пред ней в ту ночь...

Кэтрин могла до мелочей воссоздать в памяти их близость, те искусительные соблазны... Ее пронзило отчаянное желание, от которого напряглось все тело. Стоит только дотронуться до него...

Кэт прерывисто сглотнула, отгоняя прочь опасное настроение. Нашла время для эротических мечтаний! Сначала надо серьезно разобраться с тем, что же все-таки представляет из себя Эйд Стивенсон на самом деле. Проверим... Посмотрим, как он будет реагировать на разные ситуации, и только потом, может, она и доверится ему полностью. Даже если Эйд и получит еще один, причем последний, шанс, это вовсе не означает, что она закроет на все глаза и будет строить какие-то нелепые иллюзии.

Стараясь отвлечься, Кэтти бросила взгляд в боковое стекло. Да, шофер оказался прав — движение было жутким. Такси просто ползло от одного светофора до другого.

— Вот повернем направо, и станет полегче, — объявил водитель в своей жизнерадостной манере. — Оттуда мы уже быстренько доберемся до вашего отеля.

Спустя несколько минут ему удалось прорваться в правый поворотный ряд, и они снова застряли в ожидании зеленого света. Поток машин с той стороны, где сидела Кэт, еще некоторое время двигался, потом тоже встал. На мгновение она залюбовалась роскошным спортивным автомобилем ярко-синего цвета, такой еще называют «электрик», остановившимся рядом с их такси. Стало по-детски любопытно, кто водитель, и она заглянула в кабину. И тут же испуганно ахнула.

Дик!

Не веря своим глазам, Кэтрин смотрела на его профиль и силилась убедить себя, что этот тип просто удивительно похож на ее бывшего мужа. В мире полно мужчин с черными кудрями, орлиным носом, подбородком с ямочкой. И к тому же Ричард ни за что не разорится на такую дорогую машину. Нет, не может быть, это не он. Слишком странное совпадение — увидеть бывшего мужа как раз в тот момент, когда все ее мысли заняты бывшим возлюбленным.

Словно почувствовав на себе пристальный взгляд, обладатель орлиного профиля неожиданно повернул голову и посмотрел прямо на нее. Сердце Кэтрин точно сдавил стальной обруч. Это действительно был Дик! И, самое ужасное — он тут же узнал ее.

Темные глаза Ричарда сверкнули тем блеском, какой появлялся в них, когда ему удавалось настоять на своем. Губы искривила удовлетворенная усмешка. Кэтрин в Сиднее, и теперь он знает об этом. Несмотря на то, что расстались они давно, Ричард так и не примирился с мыслью о разводе.

Кэтрин переполняла горечь. Какую же злую шутку сыграла с ней судьба, снова столкнув их лоб в лоб! Прошло два года с тех пор, как она порвала с Диком, и, честное слово, Кэт сделала все возможное, чтобы их пути больше не пересекались. Чтобы чувствовать себя совершенно свободной, ей было жизненно необходимо любой ценой избегать встреч с этим неумолимым деспотом. И вот, пожалуйста, именно здесь и именно сейчас!

Ричард наклонился вперед, чтобы получше рассмотреть сидевшего рядом с ней на заднем сиденье мужчину. Заметил ли Эйд? Наблюдает ли он за этой сценой? Кэтти не осмеливалась даже взглянуть в его сторону. Она боялась, что тем самым как бы подчеркнет существующую между ними интимную связь, а ей вовсе не улыбалось, чтобы Дик стал делать ненужные выводы. Хотя, разглядев Тома на переднем сиденье, он наверняка догадается, что это деловая поездка, а не свидание.

Кэтрин увидела, как судорожно передернулся Дик. Он свирепо смотрел на нее — собственник, в котором разбушевалась ревность. Нет, Дик ни на чуточку не изменился. И эта шикарная машина наверняка для того, чтобы лишний раз порисоваться, привлечь новые жертвы респектабельным лоском. Однако сколько бы женщин ни было в жизни Ричарда после ее ухода, он по-прежнему бесился из-за того, что Кэтрин его бросила. По меркам Дика, жены не имели права так поступать. Жена обязана беспрекословно подчиняться и всячески улаживать мужа.

Такси тронулось с места. Ричард был вынужден подчиниться ритму движения шедших с ним в одном ряду автомобилей. На прощание он все-таки помедлил, снова поравнявшись с такси и бросил последний мстительный взгляд на Кэтрин, но, подгоняемый звучащими сзади сигналами, умчался прочь.

Остаток пути до отеля не запечатлелся в памяти Кэт. На нее нахлынули воспоминания о мучениях совместной жизни с Диком. В какой-то момент она сообразила, что стиснула руки изо всех сил, так что ногти впились в ладони. Кэтрин с трудом расцепила пальцы и вытянула их, чтобы размять.

На безымянном пальце левой руки не осталось никакого следа от кольца. Уходя от Ричарда, она демонстративно вернула ему все подаренные им драгоценности. Кэт не захотела оставить себе ничего, даже самой невинной безделушки, которая могла бы вызвать у нее непрощенные ассоциации.

— Тебе нехорошо, Кэтти? — негромко спросил Эйд.

Кэтрин вздрогнула и вскинула на него глаза, инстинктивно стараясь защитить себя от его заботы. Она была сейчас просто не в силах обсуждать свое состояние ни с кем.

— Да нет, все в порядке. С какой стати мне должно быть нехорошо?

Эйд пристально заглянул ей в глаза, но лицо Кэтрин было непроницаемо.

— Ты ничего не ела в самолете, — заметил он. — Гостиничный ресторан «Максим» славится своей кухней. Мы с Томом собирались там спокойно пообедать. Если ты не очень устала, мы были бы рады твоему обществу.

Какое тактичное приглашение, тщательно продуман каждый нюанс, чтобы успокоить все ее страхи и сомнения! В обычной ситуации Кэт, наверное, согласилась бы. Но после происшедшей только что очной ставки с Ричардом ей было ни до чего.

— Спасибо, но я не могу к вам присоединиться.

Эйд нахмурился.

— Из-за меня?

Кэтрин покачала головой.

— В Сиднее живет моя семья. Я хочу повидаться с мамой.

— Что ж, справедливо...

Кэтрин было наплевать, справедливо или нет. Эйд Стивенсон может и подождать. Сейчас ей не нужен ни один мужчина в мире, Кэтрин была необходима мама — ее разумная, спокойная, земная мама, которую ничто в мире не могло выбить из колеи.

Они прибыли в отель «Фристайл». Гостиница была расположена неподалеку от студии пятого канала, и, поскольку здесь часто останавливались знаменитости, меры безопасности принимались соответствующие. Кэтрин была рада тому, что служба охраны делала все, чтобы оградить постояльцев от непрошенных гостей. Даже лифтом нельзя было пользоваться, не имея ключа от номера. Как только они зарегистрируются и отправятся в свои комнаты, Кэт будет в безопасности — Ричарду до нее уже не добраться.

Пока разгружали багаж, Кэтти одним глазом следила за дорогой. Водитель вручил ей квитанцию за оплату такси. Мимо не проехала ни одна голубая спортивная машина, ни одна не остановилась возле отеля. У Кэтрин немного отлегло от сердца, когда они вошли в вестибюль и направились к регистрационной стойке.

Сначала она окончательно убедится в том, что Дик не выследил ее до отеля, а затем попросит порттье заказать такси, чтобы ждало ее у входа. Тогда она сможет потихоньку выскользнуть из отеля и поехать домой. Там она и проведет сегодняшний вечер.

А завтра... Ладно, с завтрашним днем разберемся, когда он наступит.

11

Ничего удивительного, что Томми набрал лишний вес, констатировал Эйд, лениво наблюдая за

приятелем, намазывавшим щедрую порцию клубничного джема на третий тост. Такому скромному десерту предшествовал фундаментальный горячий завтрак, состоявший из яичницы с беконом, помидорами и мелко нарезанным жареным мясом, а перед этим Хорд уплел еще огромную порцию мюсли с сухофруктами. Вот ведь обжора. Правда, на это можно было возразить, что сегодня Том потратит много энергии на интервью, организованные для него Кэтрин.

Сама Кэтрин к завтраку еще не спускалась. Хотя, пожалуй, пора бы. Эйд сверился с часами. Хорд должен встретиться с ней в фойе в половине десятого, а сейчас восемь двадцать шесть. У нее еще есть время, чтобы позавтракать. С другой стороны, возможно, Кэт предпочла поесть у себя в номере. Или намеренно избегает его, Эйда?

— У нас еще масса времени, старина, правда? — сладко позевывая, уточнил Том.

— Да. Я, наверное, возьму к кофе немного сыра.

Эйд поднялся, чтобы подойти к шведскому столу, где подавали континентальный завтрак. От фойе ресторан отделяла стеклянная стена, и он неожиданно увидел Кэтрин, поспешно поднимающуюся по ступенькам. За несколько секунд, понадобившихся Кэтти, чтобы преодолеть расстояние от вестибюля до лифта, Эйд успел сообразить, что она явно только что приехала в отель, и это обстоятельство поразило его даже больше, чем неожиданность ее появления. Ее волосы были в полном беспорядке. На лице, бледном и прозрачном, совсем не было грима. Рот был мрачно сжат, тени, замеченные им накануне, явно углубились. Да и одежда на ней была та же, что и накануне.

Вывод напрашивался сам собой. Она провела ночь вне отеля, причем, судя по растрепанному виду, весьма бурно. У матери? Что-то не очень похоже... И зачем заказывать номер в отеле, если она собиралась ночевать у родных?

Двери лифта открылись, и Кэтрин скрылась из виду.

— Что случилось? — спросил Том.

— Ничего, — улыбнулся Эйд и пожал плечами.

Он отошел к шведскому столу, размышляя о странном поведении Кэтрин. Если она и поехала к матери, то это напоминало внезапное бегство, иначе она взяла бы с собой косметику и смену одежды. Накануне Кэт казалась уставшей. Уставшей и какой-то напряженной. И виноват в этом скорее всего он, Эйд.

Интересно, рассказала она о нем матери? И если да, то прислушалась ли к советам — будь то в его пользу или против? Гадать бесполезно. Посмотрим, как она поведет себя сегодня. Вчера в такси Эйду показалось, что он сумел хоть немного продвинуться, чуть-чуть изменить мнение Кэтрин о себе, но...

Эйд вспомнил, как она стиснула руки, вспомнил следы от ногтей на ее ладонях, странный жест, когда Кэтрин вытянула пальцы и стала пристально смотреть на них. Жаль, что тогда он не мог прочесть ее мысли, почувствовать, что творится в ее душе. А в конце концов она снова отгородилась, и не было никакой возможности разобраться, возымели его слова какое-то действие или нет.

Эйд отрезал себе внушительный кусок сыра, прихватил пару крекеров и вернулся к своему столику с мрачной решимостью расправиться с охватившей его тоской. Каков бы ни был груз,

оставшийся в душе Кэтрин после отношений с другими мужчинами, к нему это не должно иметь никакого касательства. И как-нибудь он заставит ее понять, что Эйд Стивенсон совершенно не похож на стереотипных мужиков.

— Все, я, кажется, подкрепился, — удовлетворенно объявил Том, расправившись с пятым тостом. — Хочешь, я исчезну, когда появится Кэтрин?

— Сомневаюсь, что она появится.

Том посмотрел на него с сочувствием.

— Нам с Ди показалось, что между вами с Кэт произошло что-то особенное. Но Алина наверняка хорошенько потрудилась, чтобы оговорить тебя.

О, если бы действительно была виновата только Алина... Сам он тоже хорошо потруился, чтобы все испортить, и навредил себе гораздо больше, чем его бывшая жена, мрачно подумал Эйд, однако признаваться в этом Хорду ему не хотелось.

— Я сам виноват. Надо было рассказать Кэтрин об Алине, — постукивая чайной ложечкой по блюду, буркнул он.

— Паршивое дело, — грустно протянул Том. — И сегодня у тебя как назло будет мало шансов что-то поправить, Эйди. У нас нет времени даже на обед — только после предварительной записи на пятом канале. А эта возня в лучшем случае закончится где-то около трех. — Он взглянул на сыр. — Ты бы поел поплотнее.

— Я-то всегда смогу что-нибудь перехватить. Это ведь ты будешь давать интервью, а не я.

— Только если ты рассчитываешь, что сможешь остаться с Кэтти наедине, забудь об этом. Она или будет нянчиться со мной, помогая справиться с техническими чудесами живого эфира, или повиснет на телефоне, уточняя и корректируя расписание с продюсерами.

Эйд нахмурился.

— У нее что, комплекс неполноценности на почве работы?

Хорд расхохотался и покачал головой.

— Знаешь, тебе стоит понаблюдать за работой средств массовой информации — хорошо расширяет кругозор. Могу тебе сообщить, что там почти ничего не делается в срок. Постоянно что-нибудь да всплывает. И надо вертеться, держать ушки на макушке, иначе все интервью полетят к черту. Кэт все время колдует, перекраивает, подлаживается то к одному боссу, то к другому. Собачья работенка! И при этом, посмотри, как классно держится наша девочка, что бы на нее ни сыпалось. Нет, Кэтти обладает фантастическим терпением и выносливостью. Просто гениально...

Да, такими качествами можно только восхищаться. Эйд поклялся, что будет тщательно выверять каждый новый ход, чтобы завоевать Кэтрин Бакст. Она любит свою работу. Что ж, это заслуживает уважения. И если он станет путаться под ногами, то все себе испортит окончательно.

— Спасибо, что предупредил, Томми. Не буду стоять у нее над душой.

Том хитровато ухмыльнулся.

— А душа у нее прекрасная...

— И сама дама тоже, — с улыбкой дополнил Эйд в такой же тональности.

Ровно в половине десятого Кэтрин присоединилась к мужчинам. Выглядела она безупречно и совершенно потрясающе. Черный брючный костюм, свитер цвета спелой пшеницы и элегантный шелковый шарфик — это уже был настоящий класс. Аккуратно наложенный грим вокруг глаз скрыл тени и подчеркнул яркую синеву ее глаз. Прелестный рот стал алым, а волосы явно подверглись основательной укладке. Это была по-прежнему буйная грива, но уже без спутанных прядей.

— Доброе утро, мальчики, — ослепительно улыбнулась Кэтти. — Надеюсь, вчера вам удалось малость расслабиться? Обед у «Максима» оправдал ваши ожидания?

— Да, уж... мечта поэта осуществилась, — сладострастно отвечивал Том. — Подавали копченую форель, тушеные креветки и грушевый торт с кремом-карамелью. Жаль, что тебя не было, детка моя.

Кэтрин засмеялась.

— Главное, что ты удовлетворен, Томми. Как Диана, все в порядке?

— Зеленеет от зависти. Она обожает радости эпикурейской жизни.

— А как ты провела вечер? — поинтересовался Эйд как бы между прочим.

— О, прекрасно! Всегда приятно повидаться с родными. Я так по ним скучаю, жаль, что они не живут в Мельбурне. — Еще одна ослепительная улыбка, однако глаза не улыбались. — Если вы готовы, поехали.

На самом деле она витает где-то далеко, отметил Эйд. И совсем не думает о нем — здесь что-то другое. Он не ощущал никаких импульсов, направленных в его сторону — ни положительных, ни отрицательных. Для Кэтрин он сейчас не больше, чем бесплатное приложение к очередному клиенту.

Кэтти уселась на переднее сиденье.

— Соседний квартал, студия пятого канала, — повелительно указала она водителю. Затем открыла папку с документами и начала их пролистывать, делая какие-то пометки на полях.

День прошел в точности, как предсказывал Том. На студии они с Кэтрин суматошно сновали по специальным кабинкам, в которых можно было поместиться только вдвоем. Отсюда осуществлялась связь в прямом эфире с другими городами. Пока длилась эта канитель, Эйд безостановочно курил, прихлебывая кофе в баре на первом этаже.

Похоже, здесь вообще каждый этаж выходил в фойе. Эйду пришло на ум сравнение с тюрьмой: рядами проходы вдоль камер и соединяющие их лестничные пролеты — полный обзор с первого этажа. Весьма интересное архитектурное сооружение. У него оказалась куча времени, чтобы исследовать студию во всех подробностях.

Кэтрин и Том снова появились лишь затем, чтобы схватить такси и помчаться в офис

популярной коммерческой радиостанции, где Хорду предстояло получасовое ток-шоу. После этого они поспешно вернулись в студию пятого канала — давать интервью для какой-то развлекательной телевизионной программы. Потом последовал очередной марш-бросок — в информационное агентство министерства культуры. Здесь у Эйда, по крайней мере, была возможность послушать, что говорил Том, и соответственно поделиться впечатлениями — он хоть как-то эпизодически поучаствовал в происходящем.

Затем они помчались куда-то на дальнюю окраину, где находилась студия восьмого канала. Предварительная запись воскресного утреннего шоу уже началась. Том суетливо зашлепал прямиком в гримерную. Кэтрин куда-то исчезла — ей надо было переговорить с продюсером. Затем они собрались в холле, который студийцы гордо именовали «мушкетерской казармой». Тома срочно снабдили микрофоном и проверили звук. Раздалась строгая команда пройти в съемочный павильон, где Кэтрин и Эйда пригласили понаблюдать за записью, стоя позади камер.

К тому времени Томми уже был в отличной бойцовской форме — он совершенно успокоился и был очень доволен собой. С подкупающе милой развязностью он вступил в диалог с ведущим и исключительно интересно рассказал о своей книге. Эйд перехватил взгляд Кэтрин и широко улыбнулся, восхищаясь хордовским триумфом и невольно желая разделить с ней свою радость. Кэтрин, в эту минуту застигнутая врасплох, тепло улыбнулась в ответ. Их смеющиеся глаза встретились, и у Эйда сладко замерло сердце. Хоть на мгновение, но особая связь между ними была восстановлена.

Кэтти снова сосредоточилась на выступлении Хорда, и ее улыбка тут же исчезла. Однако Эйд уже успел обрести второе дыхание и сразу приободрился. Чем бы ни было вызвано напряженное состояние, в котором находилась Кэт с утра, оно постепенно проходило. Вид у нее был задумчивый, но стресс, похоже, миновал. Судя по всему, он все же выбрал правильную тактику, решив держаться в стороне.

Съемка закончилась, и отовсюду посыпались поздравления с успешным выступлением. Затем они вернулись в «мушкетерскую», где с распаренного Тома сняли микрофон. До телефонного интервью с радиостанцией из Перта у них оставалось еще два часа, и Кэтрин с лукавым блеском в глазах предложила скоротать время в ресторане, не то Томми, не дай Бог, сойдет с дистанции от голода и жажды.

Под помещением телевизионной студии располагался большой торговый центр, а рядом — небольшой фешенебельный ресторан, выходивший окнами в уютный экзотический скверик. Кэтрин явно была здесь не в первый раз: она уверенно выбрала столик и подозвала официанта с меню и картой вин. Сделать заказ не заняло много времени, и все трое удобно устроились в креслах, слегка подшучивая друг над другом.

— Диана не звонила, так что, наверное, с ней все в порядке, — сообщила Кэтрин, глядя на Тома. — Ты сам поведешь машину в свой замок, когда мы вечером вернемся в Мельбурн?

— Да, конечно. Она стоит у дома Эйда.

— Я могу подвезти тебя домой из аэропорта, Кэтти, — поспешно предложил Эйд.

Кэтрин окинула его оценивающим взглядом, и Эйд смело встретился с ней глазами. Она очень старалась, чтобы изменившийся с утра в лучшую сторону стиль их общения не выходил за нейтральные рамки простого дружелюбия. Однако Эйд, похоже, не слишком с этим считался. Безумно хотелось, чтобы Кэтрин снова открылась ему навстречу. Еще один шанс... Эйд собрал

всю свою волю, чтобы телепатически донести до нее страстную мольбу.

— Спасибо, но мне удобнее взять такси, так я попаду домой быстрее.

Это было правдой, и спорить не имело смысла. Однако Эйд сообразил, на что тонко намекает Кэтрин: она еще не готова к тому, чтобы остаться с ним наедине.

— Насколько я понимаю, «Стронг» оплачивает и такси, — заметил он, стараясь скрыть разочарование.

— Да. Это входит в бюджет командировки.

Появился официант, неся напитки: бокал белого вина для Кэтрин и джин с тоником для мужчин. Она задорно подняла бокал:

— За одного из самых симпатичных авторов, с кем мне довелось иметь дело.

Хорд польщенно усмехнулся:

— А что, были и несимпатичные?

— Ну-у... Скажем так, трудные. Некоторые ведь ждут слишком многого. Практически невозможно устроить рекламный бум, взбудоражить всю эту пеструю вещательную братию, если тема книжки не ходовая, то есть или слишком глубокая, или, наоборот, заезжена, слишком избита. Зато всегда приветствуется умеренный секс с изюминкой и скандальная полемическая злободневность. Ну и, конечно, развлекательные сюжеты.

— А какой случай из твоих отношений с авторами тебе больше всего запомнился? — заинтересовался Эйд.

Кэтрин бросила на него испытующий взгляд, чтобы убедиться, что это не намек на интимные отношения с клиентами, в которых он обвинял ее накануне, и, успокоившись, притихла на несколько секунд. Потом состроила уморительную гримаску и начала рассказывать о похождениях с группой весьма экстравагантных художников, чьи труды должны были быть увековечены в некоем шикарном фотоальбоме. Сами они книгу не издавали, зато должны были обеспечить ей яркую рекламу. Как после выяснилось, даже слишком яркую.

Том и Эйд хохотали над одним особенно забавным эпизодом, как вдруг Кэтрин, протянув руку за бокалом, застыла, как вкопанная. Веселое выражение ее лица словно стерли. Глаза расширились, словно в шоке... Изумление? Страх?

Эйд резко обернулся, чтобы посмотреть, чем вызвана такая реакция. Взгляд Кэтрин был прикован к мужчине, который, по-видимому, только что вошел в ресторан. Мужчина стоял у двери и внимательно рассматривал столики в противоположном конце зала. Эйд быстро оценил вновь прибывшего. Высокий, хорошо сложен, дорогой костюм, лет тридцать с небольшим, этакий красавчик из мыльной оперы. Блестящие черные кудри придавали ему какую-то мальчишескую привлекательность.

Незнакомец медленно повернулся к ним лицом. Темные, глубоко посаженные глаза, орлиный нос, волевой подбородок с ямочкой. У Эйда появилось ощущение, что он его где-то видел. Но в то же время этот человек был ему не знаком, они никогда не встречались прежде. Может, какой-нибудь актер?

Краем глаза Эйд заметил, что вытянутая рука Кэтрин судорожно сжалась в кулачок. Она просто вибрировала от напряжения. Кэтти быстро убрала руку, спрятав ее на коленях. Ногти впились в ладонь, и Эйд тут же вспомнил вчерашний вечер и такси. Он снова перевел взгляд на мужчину, вразвалку направившегося к их столику. В темных глазах незнакомца, устремленных на Кэтрин, светилось злобное торжество. В мозгу Эйда будто что-то взорвалось — он вспомнил.

Нахальный тип в синей спортивной машине, заглядывавший через плечо Кэтрин, чтобы посмотреть, кто этот счастливчик, что едет в такси с такой роскошной рыжей красавицей. Праздное любопытство человека, застрявшего в дорожной пробке, подумалось тогда Эйду. Просто две машины остановились рядом, ничего не значащая случайность, может, даже игра воображения.

Но он ошибался!

Ох, как же он ошибался!

Наглый красавец уже стоял у их столика, вылупившись на Кэтрин, как голодный удав, а она, дрожащая мышка, загипнотизированная его взглядом, готова была отдать себя на съедение.

Каждый мускул Эйда напрягся до предела. Сознание лихорадочно заработало, молниеносно связывая события воедино. Кэтти со вчерашнего дня была в страшном напряжении, вся издерганная, не находила себе места, бедняжка... и все по вине этого ублюдка.

В душе Эйда взыграл пиратский дух дальних предков. Кэтрин Бакст — его женщина, и он готов сражаться с любым, кто посмеет ее обижать, шантажировать и вообще причинить ей хоть какое-то зло. Если этот парень напрашивается на взбучку, что ж, ему будут предоставлены острые ощущения. Эйд с абсолютной ясностью понимал только одно: перед ним стоял враг.

12

— Развлекаешься, Кэтрин?

Сладкий голос Ричарда не предвещал ничего хорошего, и Кэт с трудом удалось подавить предательскую дрожь. По-видимому, ее вчерашний отказ увидеться с ним и поговорить только подогрел стремление Дика разыскать ее где-нибудь в таком месте, где она будет лишена поддержки крепышей Бакстов. Но ведь рядом был Эйд. Эйди... Глупая надежда, плод отчаяния. С какой стати он должен вступаться за нее, связываться с этим сумасшедшим?

— Я здесь на работе, Ричард, — с напускным хладнокровием ответила она, изо всех сил стараясь вернуть себе самообладание и не подавать вида, что ее загнали в ловушку.

— Да что ты? Радость моя... Не похоже, чтобы ты вкалывала сию минуту, — почти промяукал Дик.

— У нас деловой обед, а ты нам мешаешь, — бойко огрызнулась Кэтрин, но в ее голос уже вкрались затравленные нотки. За что, ну за что ей такое наказание?

— О, я полагаю, что твои... э-э-э, с позволения сказать, клиенты... — Ричард одарил издевательской улыбочкой Эйда и Тома, — не станут возражать, если ты ненадолго присядешь со мной за другой столик, чтобы мы могли побеседовать наедине. Уверен, что джентльмены согласятся — любящий муж имеет некоторые права на то, чтобы отнять немного времени у

своей капризной жены.

— Я стану возражать, Дик, — отрезала Кэтрин, разъяренная снисходительной уверенностью, с какой он предъявлял на нее права, и опасаясь, что Эйд с Томом поддадутся на его хозяйский тон. — И не забывай, то ты мне больше не муж! — истерически выпалила она.

— Ну, не надо мелочиться, дорогая, — пожурил Ричард и снова обернулся к Эйду и Тому, якобы взывая к их поддержке. — Нам нужно поворковать, перекинуться парочкой слов.

— Все уже и так сказано, — яростно оборонялась Кэтти.

Ричард раздраженно вздохнул и с грустным укором покачал головой, словно разговаривал с упрямым и непослушным ребенком.

— Давай не будем устраивать сцену в общественном месте, цыпленочек.

Неожиданно он протянул руку и властно схватил левое запястье Кэт, намеренно причиняя ей боль. Темные глаза угрожающе блеснули, словно предупреждая, что если она не сдастся, последствия будут шокирующе скандальными.

— Послушайся папочку, пока не поздно... бедная, больная птичка... Ну же!

— Отпусти, Дик, — дернулась Кэтрин, пытаясь вырвать руку. Ее бесило, что этот подонок издевательски насмехается над ней, оставаясь безнаказанным. Не исключено, что ему еще удастся и окружающих склонить на свою сторону. Кэтрин отказывалась играть по его правилам, и ей было сейчас уже наплевать, что подумают о происходящем Эйд и Том.

В ответе Ричарда прозвучало злорадное ехидство:

— Ты ставишь своих клиентов в неловкое положение своим совершенно неприличным поведением. Пора... пора нам всерьез подлечить твои нервишки.

Кэтти обдало жаром, к шее прилила краска и медленно поползла вверх, к щекам. Дик хорошо знал, куда ударить побольнее. Мерзавец! Он хочет пришить ей психическую невменяемость.

— Ничего подобного, — неожиданно вешался Эйд. Он произнес эти слова небрежным тоном, словно не замечая, как накалилась ситуация. — Лично меня поведение мисс Бакст несколько не смущает. А тебя, Том?

Хорд нелепо забарахтался в кресле с видом пострадавшего от контузии.

— Я... э-э...

— Ну, конечно, нет! — Эйд основательно хлопнул его по плечу. — Дядя Томми... наш классик. Искусный психолог! Ты ведь стараешься все хорошенько запомнить, чтобы потом использовать в новом романе, правда?

— Ну да, — закивал Хорд, словно китайский болванчик. — Очень интересная ситуация.

— Просто шедевр злодейского искусства в стиле Эжена Сю, — продолжал Эйд, грозя Ричарду пальцем. — У вас это прекрасно получается, мистер Икс. Однако насчет нас с господином Хордом вы малость промахнулись. Мы все книжки в детстве прочитали. Нас такими приколами не возьмешь.

— Вот именно, — крикнул Том, обретая былое величие.

— А теперь будь умницей и отпусти руку Кэтрин, — процедил Эйд. — Нашел с кем меряться силой. Джеймс Бонд, мать твою... Прости, пожалуйста, Кэтти, но твоему экс-супругу, очевидно, дали никудышное воспитание. Боюсь, что сейчас наспех придется поправлять педагогические просчеты родителей мистера Икса.

— Именно так, — грозно поддакнул Хорд. — Джентльмен никогда не станет удерживать даму против ее воли.

Кэтрин сидела, онемев от изумления. Она никак не ожидала, что Эйд столь решительно придет ей на выручку. Весь день она была в полном расстройстве и почти не обращала на него внимания — повсюду мерещился Ричард. Кэтти была совершенно разбита, ведь Дик с вечера устроил засаду у дома ее матери.

Утром брат, соблюдая конспирацию, кружным путем доставил ее на своем автомобиле в отель, но Кэт понимала, что избавиться от посягательств осатаневшего Дика ей удалось ненадолго. Все, что требовалось Ричарду, — это внимательно послушать радио, вычислить, что Томас Хорд и есть ее клиент, а потом отправиться к зданию радиостанции и оттуда проследить все ее передвижения.

Пальцы Дика еще крепче сомкнулись на ее запястье. Он добрался до своей вожаделенной жертвы и не собирался отступать. Дик опустил тяжелый кулак на стол и смерил Эйда угрожающим взглядом.

— Это не твое дело, петушок, — прошипел он, всем своим видом показывая, что готов к драке.

— Напротив. Мы здесь заняты своим делом, и, как справедливо заметила Кэтрин, ты нам мешаешь, — парировал Эйд, на которого угрожающая поза отставного супруга не произвела ни малейшего впечатления. — Поверь, царь птиц, мы были бы тебе признательны, если бы ты удалился по-хорошему... красиво. И притом немедленно.

— Да, да! И убери руки от Кэт, — ввернул Том, выказывая свою готовность вступить в бой.

— Ой, какие мы смелые! Не советую становиться мне поперек дороги, джентльмены. — Ричард карикатурно изобразил перед ними подобие реверанса. — Она пойдет со мной, и точка.

И он выдернул Кэтрин из кресла.

Дальнейшее произошло так быстро, что Кэт не успела опомниться. У нее просто не было времени ни протестовать, ни сопротивляться. Дик рванул ее руку и потащил к выходу с такой силой, что она едва сумела удержаться на ногах.словно в тумане Кэтрин видела ошеломленно наблюдавших за этой сценой официантов, слышала шум голосов, стук опрокидывающихся стульев, но единственно реальными для нее в эту минуту были безжалостная хватка пальцев, стиснувших ее запястье, бешеный стук сердца и неистовый страх, охвативший все ее существо.

Все поплыло перед глазами. И вдруг Кэтрин услышала истошный вопль — это кричал Дик, Ее запястье было свободно. Она машинально прижала руку к груди, словно стараясь защитить больное место. С трудом удалось удержаться на ногах и немного отдышаться. Кэтрин понимала, что необходимо собраться, вернуть самоконтроль. Ее сотрясал нервный озноб.

На плечи Кэтрин успокаивающе легла чья-то рука.

— Все хорошо, — ласково забормотал Том, когда она в панике подняла на него затравленный взгляд. — Давай-ка лучше отойдем в сторонку, пусть Эйди с ним разберется.

Эйд! Глаза Кэтрин запоздало устремились левее, где в нескольких метрах от них Эйд преградил Ричарду путь к двери. От небрежно расслабленной позы мельбурнского денди не осталось и следа. Мужчина, стоявший сейчас перед Диком, был воплощением сверхчеловеческой целеустремленности и сокрушительной силы.

Эйд был так же высок, как и Дик, если не выше, и его поза говорила о виртуозной причастности к тайнствам восточных единоборств. Он был как натянутая тетива. В лице Эйда что-то неуловимо изменилось, будто в него вселился дух самурайской беспощадности. Сузившиеся в ниточку, сверкающие блеском острой отполированной стали глаза впились в бывшего мужа Кэтрин.

— Ты мне руку сломал! — взвыл обозленный Дик.

Кэтрин устремила на своего мучителя изумленный взгляд. Он держался за плечо, и рука его бессильно повисла вдоль тела. Неудивительно, что Дик отпустил ее запястье, подумала Кэт, глядя на его неподвижные пальцы.

— Всего-навсего предупредительный парализующий удар, — с холодным презрением заметил Эйд.

— У него черный пояс карате, — шепнул Том на ухо Кэтрин.

— Непременно сделай рентген, орел, — будничным тоном посоветовал Эйд. — Но я уверен, отделаешься парой синяков. Не прогневайся, но за маленькие шалости надо платить по счету.

— Кто ты такой, черт побери, чтобы вмешиваться в чужую личную жизнь? — задыхаясь от ярости, прошипел Дик.

— Кажется, я начинаю понимать свое предназначение в жизни, и оно заключается в том, чтобы оберегать Кэтрин от подобных проказников... — задумчиво протянул Эйд. — Во мне всегда была этакая первобытная потребность — защищать слабых, а Кэтти, безусловно, вызывает ее к жизни. Постарайся запомнить мои слова, шалун, ибо начиная с этой минуты забота о Кэт у меня на первом месте.

Кэтрин почудилось, что она видит наяву дивный, обволакивающий розовый сон. Житейская необходимость быть сильной, чтобы постоять за себя и других, вдруг растворилась, пропала. Исчезло беспокойное чувство независимости, и Кэтти ощутила себя восхитительно слабой женщиной. Ей показалось, что она, купаясь, нежится в теплом море трогательной мужской заботы.

— Мне бы следовало догадаться, — ощерился Дик. — Ты с ней трахаешься. Потому-то и защищаешь.

Этот выпад сразу вернул Кэт из мира грез.

— Шел бы ты отсюда, пугало огородное, пока зубы целы, — посоветовал Эйд, сделав приглашающий жест в сторону двери, и чуть отодвинулся в сторону, чтобы облегчить отступление противника.

— Уже иду, придурок, — презрительным тоном заверил Ричард. Он браво прошествовал мимо

Эйда и на мгновение замешкался у выхода, чтобы окинуть Кэтрин оскорбительно сальным взглядом. — В постели моя любимая сучка что надо, этого не отнимешь. Забавляйся, пока можешь, приятель. Но готовься, она еще даст тебе прикурить. Поверь специалисту, ты спутался с шизофреничкой.

— Не советую напрашиваться, доктор, — ледяным тоном предостерег Эйд.

— Да я тебе услугу оказываю, дурачок, будешь хоть знать, чего от нее ждать... — не желал угомониться Ричард. — Она у нас любит невинные развлечения в койке со сменой действующих лиц. Меняет вас, перелетных клиентов, как перчатки.

Злобно-доверительное откровение Дика оставило в душе Кэтрин отвратительный осадок. Грязные выплески маниакальной ревности Ричарда, конечно, были не в диковинку. Но этот скот сейчас напомнил ей, как непристойно вел себя Эйд в аэропорту. И пусть ее бывший муженек не годится в подметки Эйду Стивенсону, — нельзя не заметить сходства их озлобленной реакции. Значит, и у Эйда в крови засело это кобелиное бешенство. Рано или поздно болезнь вновь даст о себе знать и тогда... Нет! Ради всего святого, нет!

— Маленькая неточность. Я не клиент, — вальяжно возразил Эйд, но лицо его потемнело — стрела точно попала в живую мишень. — Я больше человек действия. Заруби на своем кривом носу.

Кэтрин окончательно сникла.

— Зато вчера она уж точно не была с тобой, человек действия! — еще более метко вlepил Дик. — Она проходила профилактическое лечение в моей постели. Я ведь ее домашний врач. Так что не забывай об этом, когда сегодня залезешь на нее, и не рассчитывай, что у вас это надолго.

Дик с торжеством оглядел поле битвы, отвесил шутовской прощальный поклон, хотя и сморщился при этом от боли, и горделиво удалился.

13

Последние несколько минут они стояли в оцепенении. Немая сцена... И только вращающаяся дверь напоминала об уходе Ричарда. Создавалось такое впечатление, что все затаили дыхание в ожидании того, что же произойдет дальше.

Несмотря на полуобморочное состояние, Кэтрин отбросила последние иллюзии. Сейчас Эйд и Том начнут прикидывать, насколько верными были слова Дика. Она ощущала себя настолько втопанной в грязь, что хотелось просто лечь, закрыть глаза и послать все к черту. В нормальном состоянии Кэт, разумеется, нашла бы какой-нибудь выход из положения, но сейчас она была совершенно выбита из колеи.

— Ну, все! — Эйд развернулся и повелительно хлопнул в ладоши так, что все вздрогнули. — Этот парень настоящий псих, да еще и опасный впридачу. Не исключено, что он сбежал из дурдома. Официант, проводите нас на кухню. Я хочу найти безопасное местечко для нашей дамы, пока мы окончательно не убедимся, что этот ублюдок больше сюда не явится.

Стремительным движением он отстранил Тома, все еще обнимавшего за плечи Кэтрин, подхватил ее на руки и крепко прижал к груди.

— Томми, ты будешь нести вахту здесь, — скомандовал Эйд. — А вы, ребята, давайте-ка расступитесь. Официант!

— Пожалуйста, сюда, сэр.

Кэтрин обнаружила, что ее с потрясающей быстротой увлекают прочь, подальше от любопытных глаз, в уютную толкотню ресторанной кухни. Вокруг них тут же принялись хлопотать повара и прислуга. Оглянувшись по сторонам, Эйд осторожно опустил Кэтти на предусмотрительно подставленный кем-то стул.

— А теперь дай мне взглянуть на твое запястье, — не допускающим возражений тоном объявил Эйд.

Кэтрин не сразу сообразила, что по-прежнему держится за больное место. Он очень осторожно высвободил ее руку и ласково провел пальцами по покрытой синяками коже. Кэт молча смотрела на его лицо, гадая, что скрывается за этим приливом сострадания.

«Человек действия». Вот уж точно подмечено. Кэтрин была бесконечно благодарна Эйду за то, что он выручил ее из этой отвратительной, ужасной, унижительной ситуации. Больше того. Если бы Дику удалось утащить ее с собой... Страшно даже представить, что могло бы случиться потом.

Что же теперь делать? Вот о чем стоит призадуматься в первую очередь. Кэтрин только сейчас обнаружила, что ее по-прежнему сотрясает противный мелкий озноб. Надо успокоить нервы...

— Возможно, растяжение, но, слава Богу, перелома нет наверняка, — успокоил Эйд, бережно опустил пострадавшую руку на колено Кэт. — Как только сможем, переведем эластичным бинтом, Кэтти.

Она покорно кивнула.

В это время на кухню ввалился Том.

— Один из официантов дежурит у входа, — деловито сообщил он. — Но, по-моему, эта мерзкая жаба уже уползла.

— Надо было мне вцепиться ему так, чтобы он сразу свалился с копыт и окочурился, — пробормотал Эйд, вновь подернувшись от ненависти.

— По-моему, ты ему и так хорошо врезал, Эйди, — с покровительственной интонацией заметил Том. — Больше ему не захочется с тобой связываться.

— Нет, правда, стоило расквасить его грязную лживую пасть, Томми.

— Лучше уж тогда привлечь его к суду за оскорбление личности, — посоветовал Хорд, как завзятый сутяга. — Это больно ударит его по карману, а тебя никто не привлечет за драку.

До затуманенного отчаянием разума Кэтрин наконец-то дошел смысл их слов.

— Вы... вы, надеюсь, ему не поверили? — едва смогла пролепетать она.

Только теперь Эйд осознал всю глубину выпавшего на ее долю потрясения, и свирепость на его лице тут же сменилась выражением нежной озабоченности.

— Кэтти, родная, если уж на то пошло, по части злобствующих бывших жен и мужей, твой экспонат переплюнул даже Алину — она ему в подметки не годится. Неужели ты могла подумать, что я поверю такому подонку?

— Ох! — Глаза Кэтрин заволокло слезами. Ей стало невыносимо стыдно — и как она могла поверить рассказам Алины? А он еще называет ее «родная»! Господи! Она почти никогда не плакала, а тут — на тебе, совершенно перестала владеть собой, разревелась при всех и никак не могла остановиться. Грудь отчаянно сдавило и... Нет, так дело не пойдет. Она должна взять себя в руки.

Однако на руки ее взял Эйд, поднял со стула и приласкал как перепуганного приснившимся кошмаром ребенка. Только мама способна была так утешать ее в детстве.

— Больше он тебе ничего не сделает. Все прошло, Кэт. Только позволь мне заботиться о тебе. Хорошо?

— Да, — рыдая, отозвалась Кэтрин. Она вдруг ощутила непреодолимое желание зарыться с головой в его надежные объятия. Ей захотелось, чтобы с ней носились, потакали ее прихотям, выполняли ее самые сокровенные желания...

— Дай ей платок, Том, — приказал Эйд, — мой уже не пригоден.

— Вот, возьми, Кэтти!

И Хорд протянул сложенный полотняный треугольник через плечо Эйда. Кэтрин благодарно схватилась за платок и попыталась вытереть лицо, но слезы продолжали катиться градом. И грудь по-прежнему что-то болезненно сковывало.

— Принеси-ка лучше сумочку Кэт сюда, — велел Эйд Тому.

— Вот это верно, — согласился Хорд и повернулся к двери. — Кстати, — сообщил он. — Номер Кэтрин в отеле по-прежнему зарезервирован. Туда ведь в пять часов будут звонить из Перта.

— Вот и прекрасно. Туда мы и отправимся. Займись, пожалуйста, нашим обедом, хорошо, старина?

— С удовольствием. Я так голоден, что способен съесть все, что мы заказали на троих. Мне, наверное, потребуется все время, оставшееся до пяти, чтобы как следует подкрепиться.

— Вот и умница, — тепло отозвался Эйд. — Ты не хочешь прогуляться вместе со мной, Кэтти? Если не против, я могу тебя отнести.

— Не надо. Я могу идти сама.

— Тогда дыши глубже, и вперед!

Эйд обращался с ней, как фанатичная нянька с ненаглядным ребенком, но Кэтрин почему-то не протестовала. Она сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. Тяжесть в груди немного отпустила. Кэт снова воспользовалась носовым платком Тома, чтобы немного привести в порядок лицо, и Эйд, встав рядом, приготовился вывести ее из ресторана.

— Мы снова пройдем через торговый центр. Это самый короткий путь до отеля, — предложил он, бережно прижав Кэтрин к себе, чтобы ей было легче идти.

Кроме того, эта дорога была прямо противоположной направлению, в котором скрылся Ричард, и Кэт оценила тактичность Эйда не меньше, чем его заботу о том, чтобы сократить расстояние до гостиницы. На самом деле теперь, когда Эйд был рядом, она уже не боялась встречи с Диком, но все же предпочла бы избежать повторного столкновения.

Когда они шли к запасному выходу из ресторана в сопровождении хлопотливого официанта, к глазам Кэтрин снова подступили слезы.

— Извини, что я так расклеилась, — пробормотала она, стыдливо потупившись.

— Обычное перенапряжение, солнышко, — ласково заметил Эйд. — Неудивительно, что ты сорвалась, кого угодно достало бы.

— Но я же раньше всегда держалась.

— Ну, знаешь! Сначала выступил я, потом он — это уж слишком. Ты вообще спала сегодня ночью?

— Очень мало.

— Он ведь поехал к дому твоей матери после того, как увидел тебя в такси?

Кэтрин подняла на Эйда изумленные мокрые глаза.

— Как ты узнал?

Эйд печально улыбнулся.

— Иногда я могу сложить два и два и даже получить правильный ответ. Я случайно увидел утром, как ты возвращалась. У тебя был такой вид... загнанный.

— Он всю ночь просидел в машине у маминого дома. Билли, моему младшему брату, пришлось тайком переправлять меня в отель.

Как легко сейчас давались слова! Было столь отраднo сознавать, что Эйд рядом, что он все понимает, что не надо притворяться, лукавить и держаться так, словно ничего не произошло. Впрочем, в торговом центре действительно царилa нормальная жизнь, и это было особенно приятно после безобразной сцены в ресторане. Покупатели сновали туда-сюда, занятые своим делом, и совершенно не обращали внимания на Кэтрин и Эйда, медленно двигавшихся вдоль прохода.

— Ты когда-нибудь пыталась воздействовать на этого садиста в судебном порядке? — осторожно спросил он.

И снова Кэт поразилаcь тому, насколько хорошо он разобрался в ситуации.

— Да. Но все было бесполезно.

— И в результате ты сбежала из Сиднея в Мельбурн.

— Он не желал отставать от меня.

— Вел себя как сдвинутый по фазе доморощенный диктатор и оскорблял тебя на каждом шагу?

— Да.

— А твоя семья не могла за тебя заступиться?

— Папа умер через несколько месяцев после того, как я вышла замуж за Дика. Я старшая в семье, а у мамы забот и так хватает.

— И ты не хотела добавлять ей новых. Да, тяжело тебе пришлось, Кэтрин, — пережить все одной, — с нежным сочувствием сказал Эйд.

И снова на ее глаза навернулись слезы. Это уже становилось похоже на настоящий водопад.

— Спасибо, что заступился за меня, Эйди... милый...

— Был рад ухватиться за возможность доказать тебе, что я не совсем эгоистичное животное.

Кэтрин еще раз сделала пару глубоких вдохов и только тут поняла, что они уже почти вышли из торгового центра.

— Я вовсе не хотела, чтобы ты так себя почувствовал, — тщательно выбирая слова, призналась она. — Просто у меня на уме весь день было совсем другое.

— Тяжкий груз. А я тебе еще добавил. Я получил прощение за то, что был о тебе дурного мнения? — спокойно уточнил Эйд.

— Ну, очевидно, что ты уже не считаешь меня бессердечной девицей легкого поведения. — Кэтрин удалось выдавить из себя ироническую улыбку. — А я получила прощение за то, что плохо думала о тебе?

Эйд тихонько засмеялся.

— Я же сам во всем виноват, моя радость.

Они вышли из торгового центра и ступили на асфальтовую дорожку перед отелем. Погода испортилась, и Кэт вспомнила, что сегодня обещали дождь. Ярко-розовые, красные и пурпурные пятна окаймлявших дорожку цикламенов немного оживляли пейзаж, но не могли полностью развеять тяжести поблекшего серого дня.

В лицо им ударил холодный, пронизывающий ветер. Кэтрин вздрогнула и крепче прижалась к Эйду. И тут невинное чувство уюта и радости от присутствия рядом верного друга и защитника сменилось иными, более страстными ощущениями.

Кэтти вдруг сладко затрепетала от жаркого соприкосновения их тел. Сильная рука Эйда обвивала ее талию, время от времени дотрагиваясь до округлости груди, и плавно вновь спускалась вниз, к бедрам...

Кэтрин невольно представила его обнаженным. Идеальная, как у артиста балета, пластика... Мускулистый торс спартанского воина, на редкость безупречные для мужчины ноги... Какие утонченные эротические наслаждения подарил он ей в ту единственную, незабываемую ночь... И все? А может быть, самые заветные мечты и впрямь сбываются?

Томное, пьянящее настроение все сильнее овладевало Кэтрин. Правда, рассудок еще пытался посеять последние сомнения доводами о необходимой осторожности. Но сколько же можно позволять прошлому отравлять и без того непредсказуемую жизнь? Кэтти непреодолимо

захотелось сбросить этот тяжелый груз, почувствовать себя свободной. Совсем близко от нее сейчас возможность подлинного человеческого счастья. Но что, если она готова слепо поверить в невозможное?

Они уже находились в холле отеля. Том не появится до пяти. Ведь Кэтрин слышала, как он сам об этом заявил. А вдруг Эйд подумал?..

Нет, он же не станет пытаться принудить ее силой, не станет делать ничего против ее воли.

Но чего же все-таки хочет она?..

14

Эйд остановился у стойки портье.

— У мисс Бакст повреждено запястье. Вы не могли бы распорядиться, чтобы горничная принесла эластичный бинт и какую-нибудь мазь от ушибов? Мы будем в номере пятьсот один.

— Разумеется, мистер Стивенсон.

— Только побыстрее, Джеймс, пожалуйста.

— Мы мигом, сэр, не беспокойтесь.

Кэтрин сразу вспомнила, что ее телохранитель — очень богатый человек.

— Как я понимаю, ты привык к сервису на самом высшем уровне, — заметила она, когда они шли к лифту.

— Просто меня многие знают в Сиднее, — рассеянно отозвался Эйд.

— Например?

— Я частенько заседаю в различных комитетах, призванных кое-что сделать для тех, кому нелегко приходится на белом свете. — Эйд загадочно улыбнулся. — Волею судьбы многие люди, которых я даже не знаю, считают меня своим другом.

Он, безусловно, участвует в благотворительных акциях по всей Австралии, но не афиширует этого, подумала Кэтрин. Он вообще не из тех, кто выставляется и любит порисоваться на публике. Интересно, помощь неимущим является семейной традицией или он сам так захотел?

С молчаливого согласия Кэтрин, Эйд вынул из ее сумочки карточку, отметил регистрационный номер и повел ее к лифту. Спустя несколько минут он уже удобно устроил Кэтти в кресле на балконе и позвонил в ресторан.

— Пожалуйста, сицилийский салат, жареную рыбу и бутылку вашего лучшего «Шардоннэ» в номер пятьсот один. Буду весьма признателен, если доставите как можно скорее.

Интересно, подумала Кэтрин, последняя фраза — это что-то вроде пароля с намеком на щедрые чаевые? Когда Эйд брался за дело, он всегда оказывался на высоте, и это производило потрясающее впечатление. Он обладал не только природным даром влияния на людей, причем они ему охотно подчинялись, но и острым умом и способностью быстро и умело все

организовать. Кэт не сомневалась, что в благотворительных комитетах его очень высоко ценили.

Эйд Стивенсон твердо стоит на ногах в суетной жизни...

Кэтрин размышляла об этом, пока Эйд, посвистывая, готовил кофе. Перед ее глазами мелькали события нынешнего сумбурного дня. Теперь Кэт понимала, что ее непредсказуемый рыцарь способен на многое, что он добьется всего, чего хочет... У Кэтти потеплело на сердце, когда она осознала, насколько Эйд к ней привязан. Он готов сражаться за нее, заботиться о ней, взять на себя все ее проблемы.

А может быть, он сделал бы то же самое ради любого человека, нуждающегося в его помощи?

У Кэтрин возникло подозрение, что такая версия вполне правдоподобна. Это было в его характере — заступаться за других. На него всегда можно положиться в серьезном деле. Парни подобной закалки не привыкли отступать перед трудностями, честь для них — превыше всего.

Возможно, Эйд защитил ее просто из принципа. Однако, когда он принес кофе, Кэтрин почувствовала, что его улыбка предназначена только для нее одной.

— Ну вот, ты уже немного порозовела... жертва брачных похаживаний...

— Спасибо, Эйд. Не знаю, что бы я без тебя делала.

На его губах мелькнула лукавая усмешка. И у Кэт снова перехватило дыхание.

— Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы ты и дальше продолжала так думать, Кэтти, — с придыханием произнес Эйд, и в его глазах появилась какая-то интимная настойчивость. — Не скрою... я не хочу жить без тебя.

Кэтрин с минуту смотрела на него, совершенно ошеломленная. Да, решила она, надо побольше узнать об этом человеке. Я должна знать о нем абсолютно все. И на этот раз не по слухам. Пусть это будет напрямую, из первых рук, теперь уж она не упустит любой, даже самый малейший шанс.

Раздался звонок в дверь. Эйд открыл и вернулся с пакетом лекарств из аптеки. Сел рядом с ней на диване и принялся обрабатывать больное запястье.

— А почему ты женился на Алине?

Эйд стремительно вскинул глаза и пристально посмотрел на нее, но длилось это всего несколько секунд.

— Я думал, что стоит попробовать, может, у нас что и получится.

— Ты не был в нее влюблен?

Эйд ответил не сразу. Сначала он закончил втирать мазь, осторожно массируя кожу там, где были кровоподтеки, а потом принялся туго накладывать бинт. Когда же он наконец заговорил, Кэтрин показалось, что каждое слово тщательно взвешивается в его сознании, что он хочет как можно точнее описать ситуацию.

— Алина сделала все, чтобы показаться мне очень привлекательной. Кроме того, она из хорошей, аристократической семьи... тогда я еще придавал родословным значение. Ну и...

почему же нет? Я хотел жениться, хотел детей... А она довольно умело подлаживалась ко мне. И постепенно создалось впечатление, что для меня это, если не идеальная, то, по крайней мере, беспроегрышная партия.

— Но на самом деле это было не так.

Эйд покачал головой.

— Я был нужен Алине, но она меня не любила. Мне казалось, что со временем мы привыкнем друг к другу. Я искренне хотел ее полюбить. Но постепенно ей становилось все труднее притворяться, и я понял, что печальный финал не за горами. — Эйд закрепил бинт пластырем и нежно провел пальцами по ее руке. — Я никогда не испытывал к жене тех чувств, какие соединили мою судьбу с твоей, Кэт.

Внезапно он встал и подошел к окну. Что-то перевернулось в душе Кэтрин... Захотелось отбросить все предположения и... как в сказке, вернуться в ту ночь. Будто и не было горечи взаимных обид, жесточайшей пикировки... Эйди... самый родной, самый близкий для нее человек.

Настойчивый звонок в дверь возвестил о прибытии обеда. Волшебство исчезло, момент был упущен. Эйд отправился к двери, чтобы впустить официанта. Шустрый рыжеволосый паренек церемонно вкатил в номер столик на колесиках. На лету уловив жест Эйда, он направил его к дивану. Виртуозная сервировка длилась меньше двух минут. Эйд сказал, что откроет вино сам, сунул официанту в нагрудный карман внушительную купюру и тот, рассыпавшись в благодарностях, удалился.

Эйд шутливо отрекомендовал заказанные блюда:

— Ничего тяжелого, жирного и отличные приправы. Выпить точно захочется... Ты хоть что-нибудь ела сегодня?

— С утра перехватила бутерброд.

— Не густо, мисс Бакст. Итак, вперед!

Эйд действительно сумел ей угодить — потому, может быть, что такое искусное сочетание восточных специй было Кэтрин в новинку. Вино же отличалось столь изысканным великолепием, что даже Кэт, всегда настороженно относившаяся к спиртному, впервые захотела напиться... Конечно, не выходя за рамки этикета.

— Наелась? — поднимая бокал, спросил Эйд. — Сейчас мы выпьем за то, чтобы твой назойливый экс-супруг навсегда от тебя отвязался.

— Угу... За это придется выпить не один раз.

Эйд кивнул и вдруг с напускной небрежностью спросил:

— А почему все-таки ты вышла за него замуж?.. Кстати, как его фамилия?

— Льюис.

— Он имеет отношение к Бобу Льюису из «Стронга»?

— Нет, просто однофамилец.

— Вообще-то он смахивает на божьего выпендренника.

— Он когда-то позировал для рекламы. Так я с ним и познакомилась. Его фотографировали для обложки «Гонок в ночи». Может, помнишь? Скандальный роман Джона Грэя. А вообще-то он один из самых элитных врачей в Сиднее. Между прочим, психиатр... Забавно, не правда ли? У него — обширная клиентура, особенной популярностью Дик пользуется у состоятельных дам бальзаковского возраста.

— Ты в него влюбилась?

Кэтрин насупленно очертила ногтями на салфетке какой-то узор.

— Можно сказать, я бросилась в омут головой, причем вслепую. Дик, когда ему захочется, очень обаятелен, прекрасно разыгрывает страстную влюбленность, умеет польстить. Я тогда была совсем юной, мечтала о настоящем мужчине, супермене с оригинальными повадками и тонким интеллектом. Вот... мечта сбылась...

— И что же дальше?

— Ему же нужна была служанка, которая смотрела бы на него с обожанием. Он всегда считался только с собой, а я... Хорошенькая служанка — в пожизненное пользование? Нет, так не пойдет!

Эйд иронически улыбнулся.

— Подозрительно смахивает на Алину...

— Ричард — единственный сын в семье, мать и четыре старшие сестры вконец избаловали его, а еще — пациентки, куча восторженных поклонниц... Сначала я пыталась как-то повлиять на него, незаметно перевоспитывать, но... Чуть что не по нему — Дик закатывал страшные скандалы и жутко бесился.

— Да, уж, мастер своего жанра.

— Он не любит проигрывать, Эйд. — С безнадежным вздохом Кэтрин клубочком свернулась на диване. — Просто не знаю, как я снова приеду в Сидней. Дик сегодня получил хорошую взбучку, но его это только подстегнет. А если, не дай Бог, он станет преследовать мою семью...

— Не волнуйся, девочка. Уж я как-нибудь справлюсь с твоим дамским доктором, подлатаю его прохудившуюся крышу. В Сиднее тебе будет обеспечена полная безопасность.

Эйд пересел поближе к ее гнездышку из диванных подушек и налил в бокалы немного вина.

— Поверь мне, Кэтти, твоя семья не останется без защиты, пока я жив.

Но она еще больше сжалась в комочек, совсем как испуганный котенок.

— Он такой злобный и при этом на редкость изобретательный. И умеет очень убедительно лгать, когда его припирают к стенке. Ты ведь сам в этом убедился, Эйд.

Глаза Эйда сочувственно блеснули.

— Наверное, тяжело дался тебе поединок с ним. Сколько воли нужно было, чтобы выдержать, не сломаться, не свихнуться заодно с этим психом.

— Временами я совсем впадала в отчаяние. Дик непредсказуем — никогда не угадать, куда ударит в следующий раз. И неизвестно, как обороняться... — Кэтрин взяла протянутый бокал и машинально начала рассматривать вино на свет.

— Больше он не ударит. Я буду оберегать тебя, я...

— Ох, Эйди... — Кэт беспомощно подняла на него глаза. — Даже полиция ничего не смогла с ним сделать.

— Что ж, попробуем обойтись без полиции, — с ухмылкой отозвался Эйд. Внезапно на его лице отобразилась сумрачная уверенность человека, который обладает неограниченной внутренней свободой и для достижения поставленных перед собой целей готов бросить вызов всему миру.

Кэтрин покачала головой, как будто еще сомневаясь, но на самом деле завороченная его властью и одновременно преданностью... рыцарской верностью прекрасной даме. Раньше она о чем-то подобном только в романах читала.

— Я не хочу, чтобы тебе причинили вред, — тихо произнесла Кэтрин. — Черный пояс карате — это, конечно, здорово, но ведь Дик не знает себе равных в другом... адском виде спорта. Можно назвать это игрой на нервах... Здесь он — гениальный шулер.

— Обещаю разглядеть крапленые карты. — Эйд ласково погладил ее по щеке. — Обещаю выиграть адскую партию... Видит Бог... Клянусь!

— Я... не знаю, что сказать. — Кэтрин грустно улыбнулась. — С юности я привыкла сама кого-то опекать и полагаться только на себя, всегда и во всем, понимаешь?

Не отводя от нее нежного взгляда, Эйд медленно допивал вино.

— Девочка моя... смешная маленькая девочка. Хватит воевать с ветряными мельницами. Останься со мной...

— Да... — прошептала Кэтрин. Ей так хотелось поверить в то, что это не сон, не мираж, который растает в любой момент. Их глаза встретились...

Эйд нежно взял ее за подбородок и наклонил голову. Она знала, что достаточно сказать «нет», достаточно легкого отрицательного жеста, и Эйд ничего себе не позволит. Однако именно плотское ощущение его покорности все более возбуждало Кэтрин. Сомнений уже не оставалось: неукротимый Эйд Стивенсон принадлежит ей. И только ей.

Их губы уже соприкасались... Сладкая истома разлилась по всему телу Кэтрин. Как странно... Ведь внешне он предельно сдержан. Эти ласки почти бесплотны, совсем невинны. Но уста ее все более приоткрываются ему навстречу. Будто наркотик действует, хотя она никогда в жизни не принимала наркотики. И никогда ни один мужчина не волновал ее так. Почему? Она дорога ему. По-настоящему дорога. И она любит его за это, и он ей бесконечно дорог.

Через несколько мгновений Кэтрин сама перешла заветную черту. Ее руки непроизвольно обвили вокруг его шеи, пальцы запутались в густых волосах. Она притянула ближе к себе его голову, и губы Эйда крепче прижались к ее губам. И тогда их обуяло неистовое желание целовать, ласкать друг друга, ибо магия возродилась, еще более притягательно эротическая, чем прежде.

— Кэтти... — почти простонал он. Губы Эйда были еще горячими и влажными после поцелуя,

он с трудом переводил дыхание, силясь прийти в себя. — Нам не хватит времени... слишком поздно. Том с его интервью...

У Кэтрин от счастья голова пошла кругом.

— Мне очень жаль...

— Мне тоже, — сердито пробурчал Эйд, с усилием оторвавшись от нее.

Затем он устремил на Кэтрин взгляд, исполненный настойчивой мольбы.

— Любимая, послушай меня, пожалуйста.

«Любимая»! Какое чудесное слово!

— Да? — кокетливо откликнулась она и, не удержавшись, вновь приникла к его плечу.

— Мне нужен адрес дома твоей матери.

Кэтти не поняла зачем, но адрес дала.

— А теперь вот что: я не полечу с вами назад в Мельбурн. Обстоятельства изменились еще вчера...

— Как? — Она подскочила на диване, словно обиженный ребенок.

— У меня здесь срочное и важное дело. Если тебе интересно, обещаю рассказать в подробностях, но... не сейчас.

— Я думала, ты приехал сюда ради Тома... — В глубине души Кэтти все еще надеялась, что он изменит решение.

— Да. Но вчера ближе к ночи кое-что всплыло, и к тому же... — Эйд улыбнулся, — Томми явно не нуждается в моей защите.

— Значит, тебе придется остаться... — Кэтрин старалась скрыть разочарование, звучавшее в голосе.

— На пару дней, родная, не больше. А потом вернусь в Мельбурн. И буду в твоём полном распоряжении. Только не уезжайте в провинцию без меня. Дождись меня. Слышишь? А там будь что будет, но разлучаться мы больше не станем никогда. Ладно?

Кэтрин, не задумываясь, ответила согласием. В конце концов пару дней можно и потерпеть. Что же касается турне — придется обзвонить из Мельбурна полстраны, никуда не денешься.

Звонок в дверь объявил о прибытии Хорда.

— Я оставлю тебя с Томом на время вашей телефонной возни, но потом вернусь, чтобы проводить вас в аэропорт и убедиться, что вы нормально улетели. Договорились?

— Да. Спасибо, Эйди... — Ее глаза лучились обожанием; неминуемые хлопоты, связанные с вынужденным изменением графика поездок по стране, представлялись сейчас сущим пустяком.

— Это я... я должен благодарить тебя до конца своих дней, ведь ты вернула меня к жизни... — Он с каким-то неизъяснимым благоговением обнял Кэт.

Еще один короткий поцелуй скрепил их безмолвную клятву.

Кэтрин следила за Эйдом, шедшим к двери, чтобы открыть Тому. Нет, теперь все будет хорошо. По крайней мере, насколько это зависит от них... Слава Богу...

И все же она не могла окончательно прогнать зловещий призрак Ричарда... «Целитель» человеческих душ... Да он и врачом-то стал по наущению дьявола! Дик не умеет прощать.

Кэтрин мучилась от мысли, что Эйд недооценил феноменальную способность Дика портить жизнь всем ее близким. А недооценивать Ричарда Льюиса крайне опасно.

15

Эйд по-барски развалился в просторном лимузине, с ухмылкой воображая сцену, которая разыгрывается сейчас в клинике Ричарда Льюиса. Что и говорить, родня у Кэтрин просто замечательная. Все, что им требуется, — это немного руководства и организации, а уж задора, желания избавить Кэтти от преследований этой гнусной твари у них хоть отбавляй.

Сейчас Эйд почти жалел, что не курит. Дорогая сигара, если пожевывать ее с небрежным видом, придала бы дополнительный колорит образу, который он хотел запечатлеть в сознании Дика Льюиса. Впрочем, излишества тоже были ни к чему. Он и так обзавелся классическим гангстерским костюмом в мелкую полоску и кучей мелких вульгарных вещиц, к которым больше в жизни не притронется. Однако сейчас все эти тщательно продуманные атрибуты были необходимы, чтобы сыграть роль крупного уголовного авторитета международного уровня. Особенно Эйду нравились невероятных размеров золотые запонки с опалами — недвусмысленный намек на то, что лихой мафиози, которого он изображал, контролирует банду налетчиков, ограбивших на прошлой неделе фешенебельный ювелирный магазин. Описанием похищенных драгоценностей несколько дней подряд пестрели все сиднейские газеты.

От матери и братишек Кэтрин он наслушался о Льюисе такого, что готов был зарыть его в асфальт. Кэтти действительно не преувеличивала... Этот тип — законченный садист, причем в рамках закона его прижать невозможно, заморочит голову любому судье. Скотина! Кэтрин развелась с ним чудом — изобретательный муженек намеревался оформить над ней опеку. Но у него — колоссальные связи в Сиднее. Страшно даже представить, какие фортели он в состоянии выбросить сейчас, когда Кэтти вновь появилась в городе, вновь отшила его...

Эйд сладко потянулся на роскошном сиденье и мельком посмотрел на часы. Пора проучить господина психиатра раз и навсегда. Надо раздавить эту скользкую гадину, пока не поздно.

Дверь льюисовской клиники широко распахнулась, и они вышли: позеленевший от бешенства Ричард в сопровождении двух парней в полицейской форме и одного в штатском. Вслед за ними выбежала насмерть перепуганная красотка в белом халате и что-то пролепетала им вслед. Щеголеватый верзила, замыкавший процессию, обернулся к ней и галантно приподнял шляпу. Полицейские, поддерживая Дика под руки, направились к лимузину.

Льюис яростно протестовал, но конвоиры не обращали на его вопли ни малейшего внимания, зато, когда он попытался вырваться, стиснули арестованного так, что он моментально сник,

почти повис у них на руках. Когда коренастый крепыш в черных очках открыл дверцу в салон лимузина и в знак поощрения слегка ударил Льюиса по почкам ребром ладони, тот, похоже, лишний раз убедился, что сопротивляться бесполезно.

— Что все это значит, черт побери? — возмутился Дик.

Автомобиль-то явно не был полицейской машиной.

— Садитесь, мистер Льюис... только без глупостей, — процедил, усаживаясь за руль, второй полицейский, рыжеволосый, похожий на ирландца паренек с перебитым носом. — Немножко покатаемся, проветрим мозги...

— И не забудь поблагодарить нашего босса за оказанную тебе честь, — рыкнул сзади верзила в широкополой шляпе. — Моя бы воля, я бы кастрировал тебя ржавыми садовыми ножницами прямо у тебя в кабинете! — Он схватил Ричарда за волосы и просунул его голову в салон.

Прямо перед собой Дик увидел ослабившегося ухажера Кэтрин...

Наверное, никогда ранее он не испытывал большего потрясения. Ведь Дик не сомневался, что Кэтрин спуталась просто с интеллигентным пижоном. Поквитаться в Сиднее с таким экземпляром не составило бы особых проблем, но мафия... Ах, дьявол!

Вконец очумевшего Ричарда впахнули на сиденье к Эйду, вслед за ним в салон, посвистывая, забрался громила в штатском, а ряженный полицейский устроился спереди рядом со своим напарником. Эйд убедился в том, что партия задумана блестяще и развивается точно по его плану. При всей своей проницательности, изворотливости этот мерзавец слишком ошарашен, чтобы заподозрить розыгрыш, ему и невдомек, что заканчивается первый акт дорогостоящей комедии, а трое взявших его головорезов — ребята с сиднейской окраины, дружки Сэма, кузена Кэт, по боксерскому клубу.

— Ну вот мы и встретились, красавчик! — позевывая, сказал Эйд. — Как видишь, мир тесен...

— Это беззаконие! — истошно вскипел Дик. — Они же сказали, что я должен пройти в полицейский участок, потому что моя бывшая жена подала на меня жалобу!

— Мальчишки пошутили, — холодно протянул Эйд. — У них развито чувство юмора. Ты ведь тоже любишь добрую шутку... А, психиатр?

В глазах Ричарда сверкнул такой огонь, что Эйду на ум невольно пришло сравнение со скорпионом, который жалит не только других, но и себя.

— Моя секретарша опознает твоих бандюг, — угрожающе заявил Льюис. — Не думайте, что это вам сойдет с рук, — только посмейте меня тронуть!

— Не советую, малыш. У нас все схвачено. Здесь... в Италии, в Штатах. Тебе испортят и вегетативную, и центральную нервную систему. Без скальпа останешься. Но пока еще можно договориться.

— Кто ты вообще такой? — вздернулся Ричард.

— Многие считают меня своим крестным отцом, пупсик. Можно сказать, что я пользуюсь определенным влиянием в нашем бренном мире. — Эйд сделал многозначительную паузу, чтобы последняя реплика произвела большее впечатление. — Не скрою, по воле судьбы мне

пришлось стать покровителем семейства твоей бывшей жены. Знаешь ли, иногда чертовски хочется сделать доброе дело.

Дик презрительно фыркнул.

— Ты меня все равно не запугаешь.

— Хо-хо, цыпленок... У меня нет времени пугать тебя. И сейчас, если по совести... времени у нас в обрез.

На какое-то мгновение Эйду показалось, что он переигрывает, но ему тут же довелось убедиться в обратном. Дик судорожно сглотнул, стараясь подавить нахлынувший страх. Он окинул взглядом экстравагантный галстук Эйда, шелковый платок с витиеватой монограммой, который выглядывал из верхнего кармашка полосатого пиджака в чикагском стиле, затем скосил глаза вбок, на руку «босса», небрежно лежавшую на подлокотнике. Опаловая запонка определенно не осталась незамеченной. Эйд непринужденно скрестил ноги. Вычурные итальянские штиблеты, тут же отметил про себя Дик, такие делают только на заказ... Проклятье! Ну и влип же он!

— Эта наивная глупышка, Кэт, умоляла не причинять тебе вреда, — огорченно снисходительным тоном продолжал «босс». — Какая все-таки жалость. Красиво кончить человека — в этом есть что-то поистине поэтическое, королевский путь решения всех проблем...

— Каких проблем? — хрипло переспросил Ричард.

— Подумай сам... Ты обижаешь мою девочку, вообще надоедаешь Бакстам, скромным сиднейским обывателям. Нашел с кем связываться! Пора кончать, Льюис, или...

— Или что? — мрачно пробормотал Дик.

— Я знаю, что слова на тебя не подействуют, и поэтому решил устроить небольшое представление. Итак, мне сообщили, что у нашего психоаналитика — классная спортивная бибика. Совсем новенькая, правильно?

— Да, — насторожился Дик, заподозрив неладное.

— И обошлась где-то тысяч в пятьдесят?

— Около того.

— Конечно же, наглухо застрахована?

— Да.

— Отлично. Люблю иметь дело с людьми предусмотрительными.

Ричарду явно стало не по себе. Вид у него был крайне обеспокоенный, хотя, верный своей натуре, он ни в коем случае не собирался сдаваться.

— Если ты что-то сделал с моей машиной...

— Ох, птенчик, у каждой вещи есть своя цена. Давай-ка, уточним тарифы. Например, какова стоимость твоей жизни? Ведь жизнь самая дорогая штука на свете... Разве ты со мной не

согласен, доктор?

Дик пребывал в некотором замешательстве.

— Далее: вопрос о том, как жить и в каком состоянии. Ты ведь не хочешь, чтобы с тобой произошел какой-нибудь досадный несчастный случай — ну, скажем, потеря конечности, уха, изуродованное лицо?

— На что ты намекаешь, черт бы тебя побрал? — взорвался Дик, однако в его голосе не чувствовалось прежней уверенности.

— А, вот мы и приехали.

Лимузин остановился у автостоянки, которой обычно пользовался Льюис. Справа от них был припаркован его ярко-синий «форд». Ричарду казалось, что он видит кошмарный сон, что в действительности ничего ужасного не произойдет.

— Как я уже говорил, дружок, небольшая демонстрация обычно помогает людям лучше сфокусировать свое внимание, — наставительно произнес Эйд. — Могу добавить, что ты ничего сделать не сможешь — так что придется без шалостей. Пожалуйста, побереги свои нервы.

На стоянку с жутким грохотом въехал огромный гусеничный экскаватор. Эйд приоткрыл боковое стекло и повелительно взмахнул рукой. Экскаватор остановился позади «форда», поднял свой массивный ковш и с силой опустил его на крышу автомобиля. У Ричарда вырвался глухой стон, но сосед справа по-медвежьки обнял его за плечо так, что хрустнули суставы. Между тем, ковш поднялся, а затем опустился снова, еще больше покорежив при этом корпус автомобиля.

— Ради всего святого! Прекратите это! — взвыл Дик.

— Деточка, у тебя еще есть выбор, принимай решение поскорее, — с укором напомнил Эйд.

Последовал еще один глухой удар, сопровождаемый скрежетом.

— Ты что, спятил? — огрызнулся Дик, однако было заметно, что расправа над машиной не прошла для него даром.

— Автомобиль — это только начало, дружок. У меня имеется масса интереснейших задумок насчет того, что еще можно изуродовать, — беззаботно продолжал Эйд.

— Послушайте, вы! — заорал Дик на парочку спереди. — Вы же полицейские! Даже если он с потрохами купил вас! И вы допустите, чтобы это так и сошло ему с рук?

— Мы, дружок, такие же полицейские, как ты — русский президент, — не поворачиваясь, брякнул крепыш в черных очках.

— Я не хотел, чтобы ребяташки слишком сурово обошлись с тобой, доктор. Было гораздо проще сделать так, чтобы ты выполз из норки добровольно. И, как видишь, операция прошла гладко, — внушительно пояснил Эйд.

Ричард пробормотал сквозь зубы какое-то ругательство, не сводя глаз с груды ярко-голубого металлолома.

— Моя машина... — Он задохнулся от нервного спазма.

— А я ведь тоже был огорчен, когда узнал, как ты калечил бедняжку Кэтти, — сурово заявил Эйд. — Ты издевался над ней, дрянь... Ты хотел объявить ее чокнутой и заполучить в свою полную собственность. Но это — в прошлом. Попробуем обмозговать наши ближайшие планы. Если тебе не хватает острых ощущений... Я могу отправить на дно твою шикарную яхту, разнести твою квартиру, взорвать загородный дом. Этого мало?

Льюис в ужасе уставился на Эйда.

— Но если ты одумаешься и без дураков дашь слово навсегда оставить Бакстов в покое, не приближаться и на пушечный выстрел к моей девочке...

— Даю слово. Клянусь... — хрипло забормотал Дик.

— Только можно ли тебе верить, озорник? Мне нужны гарантии. — Эйд выглянул в окно. — А вот и команда по уборке металлолома. Я по натуре человек крайне опрятный. Понимаешь? И люблю, чтобы все всегда было чисто — к моему полному удовлетворению.

Экскаватор убрался, и на смену ему на стоянку въехал низкий грузовик, который был также арендован на время представления Георгом Бакстом, одним из дядюшек Кэт. Оливково-смуглая кожа Ричарда посерела. Застывшим взглядом он следил за тем, как грузовик взял на буксир бранные останки его автомобиля. В это время прибыла техничка. Из кабины выпрыгнули люди в комбинезонах и с помощью больших пылесосов деловито собрали осколки разбитого стекла и мелкие обломки металла. Загримированные кузены Кэтрин действовали на редкость скрупулезно.

— Красота... никаких следов, — одобрительно констатировал «босс». — Ну, что скажешь, Льюис? Ты убедился, что самое лучшее для тебя — забыть о существовании Кэтрин на белом свете?

— Убедился. Она того не стоит, — тупо проямлил Дик.

— Для меня большое облегчение слышать это от тебя, карапуз. Я привык платить по счетам до цента. Однако развлекаться с тобой дорогое удовольствие. Пришлось ухлопать пятьдесят тысяч зелененьких на машину, которую только что расколотили на твоих глазах.

— Но... Это же была моя машина! — взметнулся Дик, истерически выкатив глаза.

— Отнюдь. Твое авто сейчас как раз загоняют на стоянку.

Дик остолбенело уставился на ярко-синий «форд», который парковался на только что выметенном месте.

— Ничего не понимаю... — прошептал он, откинувшись на спинку сиденья.

— Я же намекнул, что сначала у нас — генеральная репетиция. Кэтти просила не причинять тебе вреда, но руки-то у меня чешутся. Уж больно понравился ты мне, психиатр! Даже жаль расставаться так банально.

— Ты выбросил на ветер пятьдесят тысяч долларов?.. — Льюис уже не сомневался, что этот бандюга не просто взбалмошный, сентиментальный неврастеник, — похоже, у него прогрессирует шизофрения. От такого нужно любой ценой держаться подальше.

— Кстати, Тони, зайчик мой, — обратился он к верзиле, который с материнской заботливостью

поправлял Льюису галстук. — Сколько в Сиднее стоят услуги хорошего киллера?

— Говорят, тысяч восемь, — отозвался Том.

— Босс, но это уже профессионалы высшего разряда — работают изысканно, — оживленно вмешался крепыш в черных очках.

— Уловил, доктор? — поинтересовался Эйд. — За такие денежки я мог бы заказать тебе этакую смачную агонию на недельку. — И погрозил ему пальцем. — Тебе повезло, парень! Если бы не доброта Кэтрин...

— Послушай! — В голосе Дика звучала уже неприкрыто отчаянная мольба. — С меня в самом деле довольно. На кой черт мне возня с этой полоумной и... — Он осекся, побоявшись задеть Эйда. — Я навсегда исчезну из ее жизни. Договорились? Отпусти меня!

— Ну, хорошо, пока немного покатаемся, и я все обдумаю. Тони, да прекрати ты его лапать!

Эйд прищелкнул пальцами, смерил Дика колким взглядом. Автомобиль тронулся прочь с автостоянки. На лбу Льюиса выступили капли пота, правая щека подергивалась от нервного тика. От былой спеси не осталось и следа.

— Как вы думаете, ребята, доктор нас не обманет? — игриво спросил Эйд своих спутников.

— Будет последним дураком, если вздумает с нами шутить, — проворчал парень с перебитым носом.

— Я бы не стал тратить на него столько капусты, — грустно вздохнул верзила.

— Ладно, Тони, не занудствуй! Ты же знаешь, я никогда не повторяю своих уроков! — рявкнул Эйд. — Если человек настолько туп, что ничему не способен научиться...

— Клянусь, я все понял, — жалобно перебил его Льюис, уже не в силах больше терпеть неизвестность.

— Что ж, попробуем первый и последний раз поверить нашему психиатру. Билли, притормози-ка сразу за углом.

Лимузин остановился.

— Итак, орел, давай прощаться. — Эйд повелительно покосился на верзилу. — Выпускай птичку! Уснул что ли? А ты, доктор, не задерживай нас. На твоём месте я бы сматывал удочки, пока цел.

Льюис выпрыгнул из машины и со всех ног кинулся прочь.

Эйд дождался, пока Тони захлопнул дверь, и широко улыбнулся своим партнерам.

— Большое спасибо, ребята. Полагаю, мы своего добились.

И они громко, от всей души расхохотались.

Эйд наклонился вперед и хлопнул шофера по плечу.

— А теперь жми в аэропорт, — велел он. — Теперь речь пойдет о моей жизни и смерти.

Появились две розовые полоски.

Сердце Кэтрин упало. Порезвилась... допрыгалась... Результаты теста были совершенно очевидны. Две розовые полосочки означали, что она беременна.

Если бы она не прекратила принимать пилюли! Мать всегда предупреждала: не полагайся на мужчин, предохраняйся против беременности сама! Но ведь Эйд держался тогда столь уверенно, раза два-три она сама надевала ему презерватив. Кэтрин непроизвольно посмотрела на свои длинные пальцы. Наверное, это все же ее вина...

Усилием воли она попыталась освободиться от охватившего ее тягостного оцепенения. Еще вчера Кэт не допускала даже мысли о беременности, пока не заметила, как налились груди и какими чувствительными они стали. Невольно начали припоминаться бесчисленные наставления матери...

Выносив столько детей, мама имела большой опыт и знала о беременности решительно все. И все же Кэтрин не хотела, не могла поверить, что налитые груди — это безошибочное свидетельство «интересного положения». Она и тест-то купила просто для собственного успокоения. Вот и успокоилась... Нечего сказать!

Машинально собираясь на работу, Кэтрин вспомнила, что сегодня должен вернуться Эйд. Он так хотел, чтобы она ждала его... Ну почему?! Почему столь несвоевременно она подзалетела? Ведь это разрушит все ее планы!

Деваться, конечно, некуда, но Кэт решила, что сначала ей необходимо немного свыкнуться с мыслью о ребенке. Ведь стать матерью — огромная ответственность. Прощай, работа... Если не навсегда, то на несколько лет — точно. Один крохотный младенец означал перемену всей жизни, и Кэт пока не испытывала особой радости по этому поводу. Скорее, наоборот. Быть может, ее рекламный проект, связанный с книжкой Хорда, окажется для нее последним и в «Стронге» и вообще.

Лишь у самых дверей редакции Кэтрин с трудом удалось напустить на себя какое-то жалкое подобие прежней бодрой, озабоченной деловитости.

— Привет, Кэтрин! — весело помахала ей рукой Бетси Стюарт из приемной Айзекса. — Есть какие-нибудь планы на выходные?

— На выходные? — переспросила Кэтрин, не понимая толком, чего от нее хочет эта болтушка.

— Сегодня же пятница, — сухо напомнила Бетси.

Слава Богу, что не понедельник... — мелькнуло в сознании Кэт.

— Планы, говоришь... — вяло отозвалась она вслух. — С планами у меня получается перебор.

Вновь оживившись, Бетси еще несколько минут кудахтала о чем-то своем, пока Кэтрин искала предлог, чтобы от нее отвязаться.

В коридоре Кэт перехватил Эбнер Айзекс.

— Ты опоздала. Алина, наш доблестный хромой воин, уже вышла на тропу войны. Скоро

услышишь барабаны.

— Ой! Спасибо, шеф...

Последнее сообщение немного отрезвило. С одной стороны, сюрприз с беременностью превращал всю историю с Алиной в пустяковую чепуховину. Однако от миссис Дастингс нельзя небрежно отмахнуться, хотя бы потому, что какое-то время им предстоит по-прежнему работать вместе.

Как бы там ни было, раз уж Алина отсутствовала в офисе почти две недели, было решительно не понятно, зачем она явилась в «Эври дэй» в пятницу. Это настораживало. Любой обычный сотрудник в такой ситуации с удовольствием дождался бы понедельника. Тем более, нельзя сказать, что Алина крайне незаменима в качестве референта. Ей безусловно нравилось создавать образ этакой высокоинтеллектуальной дамы, работающей в издательстве, однако на работе она никогда особенно не горела.

Стало быть, ее что-то гложет, и у Кэтрин возникло сильное подозрение, что это «что-то» связано с Эйдом. Видимо, Алина не могла оставаться в неизвестности: ей хотелось знать, принес ли свои ядовитые плоды, такие сладкие на ее вкус, тот телефонный звонок после банкета. Кэтти ощутила воинственный настрой. Что ж, она окажет этой интриганке достойную встречу.

Однако когда Кэтрин вошла в свой кабинет, там, к ее неизмеримому облегчению, никого не было. Собственно, там никто и не должен был находиться — во всяком случае, без ее на то согласия или разрешения. Впрочем, Алина таких пустых формальностей обычно не соблюдала. Значит, выжидает... Кэтрин успела просмотреть почти всю текущую корреспонденцию, и только тогда в дверь осторожно постучали.

— Можно войти? — раздался знакомый ангельский голосок.

Кэт изобразила удивление.

— Алина! А как же твоя нога?

— Пока еще не очень. — Легко прихрамывая, она вошла в кабинет и грациозно присела в кресло напротив Кэтрин. — Несколько дней держалась такая противная опухоль. Ты не представляешь, как было больно!

— Конечно. Я слышала, что растяжение часто хуже перелома. Теперь не стоит перетруждать ногу — подождала бы до понедельника.

Алина премило сморщила носик.

— Мне стало невыносимо скучно дома. Потом... очень хотелось увидеть тебя.

Неужели медовый месяц уже утратил свою прелесть? Кэтрин не стала комментировать. Она не собиралась поощрять Алину на дальнейшую откровенность. Все равно, как предсказывал Эбнер, от ее признаний и жалоб никуда не денешься. Трагикомическая закономерность атмосферы общения в «Эври дэй»...

Кэтрин оценивающе посмотрела на свою тайную недоброжелательницу. Интересно, чем она в свое время привлекла Эйда? Ростом, пожалуй, не удалась, но фигурка складная, соблазнительная... и одевается со вкусом, в дорогих магазинах. Тонкие, в меру смазливые

черты, прозрачное, как у фарфоровой куклы, личико в обрамлении роскошных золотистых волос... Мужики, безусловно, должны клевать...

Кэтрин подозревала, что цвет волос ненатурален, но придраться тем не менее не к чему. Не сухая и ломкая солома, как это часто бывает с волосами, которые постоянно красят. Никаких обсеченных концов. Густые, блестящие, идеально ухоженные волосы... Так и хочется прикоснуться. Для чувственного мужчины здесь неминуемо сильное искушение.

И потом эти удивительные зеленые глаза. Прямо-таки изумрудные. Нельзя не признать, что у Алины потрясающие глазки. И любой мужчина с легкостью утонет в них, если его встретит преданное обожание во взгляде.

Да, Алина Дастингс лакомый кусочек для мужчины, который предпочитает декоративных подружек. Другое дело — это лакомство отведать. И тем не менее, напомнила себе Кэт, ей самой потребовалось некоторое время, чтобы увидеть Алину в истинном свете. Эти огромные зеленые глаза умели прекрасно притворяться, когда их обладательнице приходило на ум произвести впечатление.

— Знаешь, мне очень неловко из-за того, что я тебе вовремя ничего не сказала и ты не знала, кто такой Джи, — сочувственно начала Алина, напустив на себя озабоченный вид.

— Не волнуйся, дорогая. Мы с Эйдом уже уладили это маленькое недоразумение, — отозвалась Кэтрин так, словно речь шла о чем-то несущественном.

Алина мгновенно нахмурилась.

— Ты же не собираешься и дальше с ним встречаться?

— Собираюсь. Получилось так, что Эйд мне нравится. И даже очень.

Можно было подумать, что перед носом Алины пронеслась шаровая молния. Она подскочила в кресле, вовремя спохватилась, вспомнив про свою лодыжку, и застыла, впившись в Кэтрин сузившимися от злости глазами.

— Понятно, — холодно произнесла она. — Я-то думала, у тебя больше здравого смысла, Кэт.

Кэтрин интригуяще улыбнулась.

— Жить, постоянно рискуя — в этом есть какая-то изюминка. — Но про себя с бессознательной горечью отметила, что с «изюминкой» той ночью она умудрилась катастрофически переборщить.

Алине с трудом удалось небрежно пожать плечами.

— Век живи — век учись...

— Ты права, — согласилась Кэтрин с легкой издевкой.

Алина бросила на нее испытующий взгляд и печально вздохнула. Лицо Кэтрин оставалось непроницаемым, и тогда урожденная Дастингс, чарующе улыбаясь, решила продолжить игру.

— Ну все равно, у меня есть замечательная новость, и я хочу, чтобы ты узнала об этом первой. — Она доверительно наклонилась вперед, и, чуть зардевшись, прошептала: — Я беременна...

Кэтрин будто окаменела. Если бы на несколько мгновений она не лишилась дара речи, не исключено, что в ответ могло предательски вырваться: «И я тоже!» К счастью обошлось... Не хватало еще лицемерного участия Алины в этой истории. И без того тошно! Немножко опомнившись, Кэтти постаралась нейтрально держаться в рамках приветливого внимания.

— Поль на седьмом небе от счастья, — продолжала щебетать Алина. — Все время со мной носится.

Эйд тоже хочет иметь семью! — в отчаянии твердила себе Кэтрин. И он обещал заботиться обо мне.

— Когда я упала на прошлой неделе, Поль был вне себя от тревоги, пока врач не заверил его, что все в порядке. Он так гордится тем, что я ношу его ребенка.

— Очень хорошо. Просто прекрасно, милая... — Кэтрин так хотелось быть искренней, великодушной. Господи, но почему у нее самой нет ни малейшей уверенности в будущем?..

Алина, между тем, радостно вздохнула и откинулась в кресле, устраиваясь поудобнее.

— Да, это великолепно. Я всегда хотела иметь детей. Но просто не могла пойти на такой риск, чтобы заводить ребенка от Джи.

При этих словах Кэт сжалась, словно ее внезапно облили ледяной водой.

— Почему?!

Алина трагически закатила глаза.

— Но ведь у Стивенсонов в роду — рецидивы наследственного сумасшествия. В каждом поколении... обязательно.

Кэтрин сразу же захотелось отмести весь этот бред, но одновременно в сознание проникло и жало беспокойства. Что она в самом деле знает о семье Эйда?

— В таком случае меня удивляет, что ты вышла замуж за человека, у которого безумие в крови, — как можно более небрежным тоном обронила она.

— Ну, понимаешь, все вокруг твердили, что Джи совершенно здоров. Красавец, обаятельный интеллектual с деловой хваткой... — Алина зловеще понизила голос. — Ты ничего не узнаешь о темной стороне его души, пока не начнешь с ним жить.

Любопытно, подумала Кэтрин, это она со зла наговаривает?

— Даже на солнце есть пятна, дорогая, — скептически отозвалась она.

Алина с жалостью посмотрела на нее.

— Ну, конечно, ты же из Сиднея, откуда тебе знать, что это за семейка.

Кэтрин откинулась в кресле, скрестила ноги и сделала небрежный приглашающий жест:

— Ну хорошо, приехали, выкладывай все начистоту. Я же вижу, что тебе не терпится.

— Это для твоего же блага, Кэтти.

— Естественно... — Приготовившись испить свою чашу до дна, Кэт впервые в жизни отключила телефон.

— Давно известно, что Стивенсоны — крайне эксцентричные люди. Большинство из них умерли совсем молодыми, причем при каких-то чрезвычайных и даже загадочных обстоятельствах. Например, родители Джи. Они исчезли в Африке.

— Черный континент взял и поглотил их, так?

— Никто так ничего и не узнал. Они просто не вернулись, вот и все. А Джи и Алекс были тогда еще совсем маленькими.

— Алекс?

— Младший брат Эйда. Он абсолютно никчемный человек, болтается по Европе, проматывает остатки состояния в казино и борделях.

Кэтрин припомнила, что Эйд как-то жаловался на своего беспутного брата.

— Они остались на сомнительном попечении своей совершенно ненормальной бабки. Та проживала в огромном каменном особняке в шотландском квартале и обычно, если мальчики проказничали, запирала их в подвале в наказание. Алекса это довело до полного сумасшествия.

— А Эйда нет?

— Джи держал в подвале запас книг. Но однажды старуха узнала об этом и устроила из книг огромный костер, чтобы проучить его и доказать, что наказания ему все равно не избежать.

— Боже мой... бедный мальчик, — невольно вырвалось у Кэтти. Как же она теперь понимала Эйда, как сочувствовала ему...

— Он имеет манеру замыкаться в себе. И когда это происходит, поверь, до него не достучаться. Ни тебе, ни кому-то другому. Он просто отгораживается от остального мира, и все.

Это его способ выживать, подумала Кэтрин. Уж ей-то было хорошо известно, что творится в душе, когда больше всего на свете хочется уйти от безжалостной реальности, и какое напряжение воли и сил необходимо, чтобы выдержать, не свести с жизнью последние счета.

— Безумная Лора Стивенсон была сущий тиран, — смакуя каждую фразу, продолжала Алина. — Она так и сидела в своем особняке и никогда оттуда не выходила. А всех, кого старуха хотела видеть, вызывала к себе в приказном порядке. Прислуга звала ее герцогиней.

— Быть самодуром — еще не значит быть сумасшедшим, — возразила Кэтрин.

— Да что ты! Ей приходилось платить слугам вдвое, чтобы удержать их на работе. Иначе никто из них не стал бы ее терпеть. — Алина явно намеревалась придать своим словам больше убедительности. — И позволь довести до твоего сведения, что Джи такой же самодур, как и его бабка. От этих его ледяных глаз холод пронизывает просто до костей. — И в подтверждение она драматически передернулась, будто от озноба.

Да, Эйд склонен строго судить людей, мысленно согласилась Кэтти, но он все же старается быть справедливым. И слушает, когда ему что-то говорят. Кэтрин уже давно простила Эйду

прежние срывы — ведь она сама дала ему повод. Зато когда он заступился за нее перед Диком!.. Эйди был просто великолепен.

— В конце концов кровь все равно скажется, — мрачно пророчествовала Алина. — И я рада, что у меня нет от него ребенка.

Такую подлость Кэтрин не могла спустить безнаказанно.

— Может, тебе больше по вкусу гены Поля... Что ж, твой новый муж — спокойный, приличный человек, в солидном возрасте. Но я... не скрою, что предпочла бы видеть отцом моих детей именно Эйда.

По правде, Кэтрин не испытывала абсолютной уверенности в своем собственном признании, но она не могла удержаться, чтобы не врезать этой кукле как следует. Женский инстинкт безошибочно показал, куда нанести сокрушительный удар.

У Алины отвисла челюсть. Ничего подобного она, разумеется, не ожидала. В кабинете все зазвенело от ее истерического визга:

— Ты сама!.. Сама ненормальная!! Совершенно задвинутая! Дура!

Кэтрин и бровью не повела. Что поделаешь... куколка сама напросилась. Конечно, если у Стивенсонов в семье наследственная патология, это очень неприятно, — есть над чем задуматься, и все же нельзя было позволить Алине и дальше беспрепятственно распространять об Эйде гнусные сплетни.

— Успокойся, пожалуйста. Все это было очень интересно, но, боюсь, у меня свое представление об Эйде, и я больше не желаю сидеть и слушать твои наветы.

— Наветы! — Алина захлебнулась от возмущения.

— Между прочим, Эйди при желании запросто привлечет тебя к ответственности за клевету, — равнодушно добавила Кэт. — Не думаю, что Поль придет в восторг, если ты окажешься в суде. А Эйди может быть очень жестким, стоит ему начать действовать.

Алина смотрела прямо перед собой остекленевшим взглядом, словно за минуту перед ее глазами прошла вся жизнь.

Кэтрин решила, что не следует давать врагу передышку.

— Ты же знаешь, что Эйду совершенно безразлично, во что обойдутся услуги адвокатов и сколько времени будет тянуться процесс. Он устроит скандал на весь Мельбурн, Алина. Подумай о своих родственниках, о том, какой эффект это вызовет в аристократических салонах, в дирекции «Стронга»... Твоя репутация будет испорчена раз и навсегда.

Потерянный вид Алины был лучшим доказательством ее окончательного поражения.

— Я ведь рассказала это только ради твоего же блага... — тихо всхлипнула она. И уже с некоторой патетикой добавила: — Пока не поздно.

— Я тебе очень признательна. Но, знаешь, когда мне понадобится твой совет, я попрошу его сама. А теперь извини, мне надо работать. — Кэтрин подключила телефон, открыла папку с документами и улыбнулась, давая понять, что разговор окончен. — Желаю тебе приятно

провести день. Да, и прими мои поздравления по поводу будущего ребенка.

Пухлые губки Алины все еще вздрагивали. Не простившись, она вылетела из комнаты, с грохотом хлопнув дверью. Мысленно Кэт послала предупредительный сигнал Айзексу.

Гроза приближалась!

Однако победа над противником не доставила Кэтрин особого удовольствия. Она безумно жалела, что не узнала Эйда получше, прежде чем забеременела от него. Естественно, Кэтрин ни на минуту не поверила, что он хоть в какой-то степени ненормальный. Дело было в другом: воспитание и происхождение определенно накладывают свой отпечаток на поведение человека в супружеской жизни. Это Кэтрин знала твердо — Дик преподал ей хороший урок.

Ради ребенка она не могла позволить себе принимать поспешные решения, какой бы беззащитной себя ни чувствовала, будучи лишенной поддержки мужа. Необходимо было время, чтобы тщательно взвесить ситуацию. Странно, как быстро она привыкла к мысли, что у нее будет ребенок, что это уже вполне реальное существо, о котором надо заботиться.

Может быть, лучше подождать и какое-то время сохранить все в тайне от Эйда? Похоже, беременность вызывает слишком много эмоций и мешает рассуждать здраво. Взять хотя бы ее невыдержанное поведение в последнее время...

Утро тянулось ужасающе долго. Кэтрин волновалась: как там идут дела у Эйда в Сиднее? К середине дня она уже чувствовала себя невероятно одинокой. Сейчас ей особенно была нужна поддержка Эйда — просто, чтобы он был рядом... Неужели она не имеет права на обычное человеческое участие?

Так хотелось, чтобы он поскорее приехал... И когда раздался звонок, Кэт как раз смотрела на телефон, пытаясь усилием воли заставить Эйда объявиться. Она поспешно схватила трубку.

— Кэтти, это Том...

Том Хорд! Какое ужасное разочарование!

— Я теперь папочка!

— Что?

— Диана родила сегодня утром! У нас девочка! Самая красивая девчушка на свете!

Как он счастлив, с какой любовью об этом говорит! На глаза Кэтрин навернулись слезы.

— Это просто чудесно, Томми. Как себя чувствует Диана?

— Прекрасно. И вообще все прекрасно. Я сейчас рядом с ней в родильном отделении, в клинике О'Брайена. Ди держит нашу крошку на руках, и мы оба на седьмом небе от восторга.

— Передай ей привет и наилучшие пожелания.

— Непременно. Я хотел поговорить с тобой о поездке в Брисбен. Не знаю, смогу ли я поехать. Ведь это значит оставить...

На другом конце провода что-то прервалось, а затем раздался голос Дианы:

— Поедет как миленький, Кэтти. Он сейчас просто плохо соображает на радостях.

Кэтрин рассмеялась.

— Скоро приеду тебя навестить, тогда и поговорим.

Решение пришло внезапно, но Кэтрин тут же ухватилась за эту идею. Может быть, увидев Диану с ее младенцем, она окончательно примирится с тем, что ей самой предстоит рожать. Кроме того, Хорды — друзья Эйда. И очень хотелось бы услышать, как они отреагируют на то, что наплела о Стивенсонах Алина.

Она позвонила Эйду домой и оставила сообщение на автоответчике. Сказала, где будет вечером, на случай, если он захочет связаться с ней, когда приедет. Отправляясь в больницу, она в общем-то нарушит свое обещание ждать его, однако оставаться на одном месте Кэт сейчас больше не могла. Ей нужно было что-то делать, с кем-то говорить, пообщаться с людьми, которые знают их обоих и симпатизируют им.

Томми и Диана помогут ей. Наверное, их ребенок тоже. Для Кэтрин в этот поворотный момент ее жизни Хорды неожиданно стали семьей, способной заменить ей родных, к которым сейчас она не могла обратиться.

17

Малышка, родившаяся на три недели раньше срока, была совсем крошечной, с красным морщинистым личиком. Но все равно она была прекрасна — розовый бутончик, которому еще предстоит расцвести. Нежное тельце, сладкий запах грудного малыша, крохотные пальчики... Кэт почувствовала, что покорена, в ту же минуту, когда Том положил дочурку в ее объятия.

— Хорошо, что ей достались волосы Томми, — с гордостью отметила Диана.

Коричневый пушок весь в тугих завитках. Кэтрин улыбнулась:

— Да, очень хорошо.

— Это очень мило с твоей стороны — приехать в такую даль навестить нас. И не волнуйся, Кэтти... Наш папуля обязательно поедет в Брисбен. Он просто немного перевозбудился из-за рождения малышки.

— Я могу отменить поездку, если тебе хочется, чтобы он был с вами, Ди.

— Книга важнее. Мы не можем с этим не считаться. — Диана повелительно посмотрела на мужа. — Он улетит самолетом в воскресенье вечером, а в понедельник вечером уже вернется домой. Один день без него как-нибудь мы переживем.

Кэт весело улыбнулась. Слабенькая после операции Диана более твердо стояла на земле, чем ее толстяк.

— Звонил Эйд! — опомнился между тем новоиспеченный родитель. — Он тоже едет сюда. Тебе бы немного подождать, Кэтти, и не пришлось бы трястись в поезде.

— Ну откуда ей было знать, — рассудительно оборвала мужа Диана и с лучистой нежностью посмотрела на Кэт. — Я так рада, что вы с Эйдом уладили все недоразумения. Он совершенно

особенный человек.

— Да. Хотя я мало что о нем знаю. — Кэтрин поморщилась. — Я сегодня имела удовольствие получить очередную порцию информации от Алины. Ничего хорошего. Я вспомнила, что ты говорил насчет судебных санкций, Томми, и предупредила ее, что если она будет и дальше продолжать в том же духе, Эйд может привлечь ее к ответственности за клевету.

— И что же было в этот раз? — спросила Диана, у которой по поводу Алины уже давно не было никаких иллюзий.

Кэтрин вкратце передала суть разговора, и Хорды пришли в страшное возмущение, услышав, что Алина распускает слухи о наследственном безумии в семье Эйда.

— У них было слишком много денег, а это к добру не приводит, — заявила Диана. — Портятся люди... Вот они и бросали своих детей на разных нянек или устраивали в шикарные частные школы, а сами вечно где-то разъезжали и делали все, что им заблагорассудится. Потокали своим прихотям, но это не значит, что они были сумасшедшими.

— И в смерти родителей Эйда нет ничего загадочного, — сердито добавил Том. — Они отправились в Африку, в сафари. На его отца напал слон и затоптал, а мать подхватила какой-то тропический вирус и умерла прежде, чем ей успели оказать медицинскую помощь. Они вели опасный образ жизни и погибли, но они сами на это напрашивались, чего уж тут скрывать... бесились с жиру.

— А Лора Стивенсон? — осторожно спросила Кэт.

— Фу! — отмахнулся Том. — Гнусная старая мегера, персонаж из фильма ужасов. Обожала щелкать хлыстом. Но можешь мне поверить, Кэтрин, в этом мире существует масса людей, наслаждающихся ощущением собственного могущества... в особенности, очень богатых, которых никто не посмеет осадить. Болезненная спесь ударяет им в голову. Я мог бы привести тебе немало примеров из нашей австралийской истории. Но их почему-то никто не считал шизофрениками.

— Это верно, хотя старуха и впрямь ужасно обращалась с Эйдом и Алексом, — грустно признала Диана. — Она исковеркала им детство...

— Но с Эйдом ей так и не удалось справиться, — возразил Том.

— Нет, конечно... Эйди никому не позволит себя сломить, — с уверенностью подтвердила Диана и, вздохнув, добавила: — Но мне его искренне жаль. Ведь он ни от кого не получал той любви, какую заслуживает.

Диана с надеждой устремила взгляд на Кэтрин.

— Мы все нуждаемся в любви. Неважно, насколько человек уверен в себе, но если его никто не любит, ничто этого не восполнит.

«Истинные ценности в жизни...» — вспомнились Кэтти слова Эйда.

— Зато я знаю одного человечка, который будет просто купаться в любви. — Кэтти улыбнулась малышке. — Вы уже решили, как ее назовете?

И пока супруги возбужденно обсуждали, какое имя лучше дать дочурке, она размышляла о

мнении, высказанном Дианой по поводу ее возлюбленного. Это было чрезвычайно важно — ведь наблюдения принадлежали женщине, которая знает Эйда гораздо дольше, чем сама Кэт.

Она, конечно, чувствует себя неуютно в Мельбурне, зато ей неведомо одиночество, по-видимому, всю жизнь сопровождавшее Эйда. Она росла в большой дружной семье. А у Эйди... Родители его бросили. Бабка отравляла жизнь как могла и злополучная жена тоже. Единственный брат предпочел уехать на другой край света...

И Алекс, и капризная тетка Эйда, по-видимому, устроились от дел и взвалили всю ответственность за управление имуществом Стивенсонов на Эйда. Может быть, поэтому он так стремился обзавестись собственной семьей?

Кэтрин посмотрела на крошечную представительницу рода человеческого, лежавшую у нее на руках. В ней воплотилось столько надежд на будущее, столько мечтаний. И неожиданно сердце Кэтти преисполнилось уверенностью, что Эйд сделает все возможное, чтобы дать своему ребенку — или детям — то, чего он сам был лишен с колыбели: тепло, заботу и счастье родительской любви.

— Эйди! — вдруг радостно воскликнула Диана.

Кэтрин подняла глаза. Он стоял в дверях палаты, держа в руках изысканный букет чайных роз, но больше всего Кэт поразило выражение его лица. Взгляд Эйда был прикован к ней и младенцу. Он весь сиял... И уже не требовалось какой-то необычайной пронизательности, чтобы прочитать в его душе мечты и надежды, которые он обычно тщательно скрывал. Кэтрин довелось видеть его замкнутым и суровым — «темную сторону», как выразилась Алина, — но сейчас к ней была обращена самая светлая сторона, и она всем сердцем потянулась навстречу.

Она держала на руках ребенка Дианы.

А когда на ее руках будет ее — их — ребенок...

— Какие чудесные цветы! — В голосе Дианы звучало искреннее удовольствие.

Эйд с трудом оторвал взгляд от Кэтрин и улыбнулся молодой мамаше.

— Я решил не заикливаться на розовых тонах, ведь у крошки есть папуля... — И действительно, у постели стояла огромная ваза с розовыми тюльпанами. — Поздравляю вас обоих.

Он нежно поцеловал Диану в щечку, похлопал по плечу ее торжествующего супруга, полюбовался новорожденной, но от участия в выборе имени отказался, объявив, что ему нравятся все предложенные родителями варианты. И при любой возможности взгляд Эйда устремлялся к Кэтрин, лучше, убедительнее всяких слов высказывая самые сокровенные чувства. Мучения последних дней, осадок от объяснения с Алиной, холод одиночества — все это было в прошлом, уходило в небытие.

Приехали родители Дианы, и Кэт передала малютку с рук на руки бабушке. Завязалась обычная семейная беседа, в разгар которой Эйд незаметно отвел Кэтрин в сторону и чуть слышно шепнул:

— Я заказал номер в «Риверс стоун», это всего в десяти минутах отсюда. Поедешь со мной, Кэтти?

— Да, — без колебаний согласилась Кэтрин. Ей сейчас было просто необходимо остаться с ним наедине.

— Может, в таком случае покинем счастливое семейство?

Она понимающе кивнула.

— Мы здесь определенно лишние.

Кэтрин чувствовала, что правильно поступила, приехав сюда. Теперь она, по сути, не беспокоилась о том, куда заведут ее дальнейшие отношения с Эйдом. На сердце стало необычайно легко. Когда они уходили, Кэт не сомневалась, что с Хордами ей суждено по-настоящему подружиться. Так уж распорядилась судьба...

Садясь в машину Эйда, она вспомнила, что в знаменательный вечер «стронговского» приема ощутила близость серьезных перемен в своей жизни. Тогда это были еще неясные симптомы. Теперь речь идет не об одном лишь эротическом влечении, каким бы притягательным оно ни было. Зачат ребенок. И это вносило нечто жизненно важное в их отношения.

Может, сказать ему прямо сейчас?

Он здесь, совсем рядом — мужчина, с которым ее связывает взаимная любовь. И он еще не знает, что заронил в нее искорку новой жизни... Захочет ли он до конца делить с ней радость и горе не только как отец ее ребенка, но и как верный и любящий спутник во всем и везде?

Выруливая на шоссе, Эйд ощутил на себе ее оценивающий взгляд.

— С тобой все в порядке, Кэтти? Если ты не уверена...

— Я рада, что ты приехал. И со мной все прекрасно, — заверила она и поспешно спросила: — Как твои дела в Сиднее?

— Ах, это... — Эйд озорно улыбнулся, просигналив маячившему впереди автобусу. — По-моему, в высшей степени успешно. Дело стоило того.

— А в работе каких комитетов ты участвуешь? — поинтересовалась Кэт, желая услышать наконец что-нибудь конкретное.

— Большинство из них связано с финансированием благотворительных фондов, — рассеянно отозвался он.

— Например? — продолжала допытываться Кэтрин.

— Приюты для сирот, молодежные клубы и объединения, реабилитационные программы для детей-инвалидов. Основная задача — дать ребятишкам больше шансов в жизни.

— Тогда дело действительно стоит того, — согласилась Кэт, втайне преисполненная гордости за своего избранника.

— Хорошо, когда человек понимает, какая разница между надеждой и безнадежностью. У многих из этих подростков жизнь по-настоящему страшная, но дух на удивление стоек.

Кэтрин показалось вполне естественным, что Эйд бескорыстно помогает обездоленным детям. Это — в его натуре, это — его призвание...

— А Стивенсоны всегда участвовали в благотворительных фондах для нуждающихся? — любопытно спросила она после краткой паузы.

— Для подлинной благотворительности, Кэтти, официальных границ нет, — серьезно ответил Эйд. — Фондами для нуждающихся моя семья никогда не занималась, это уже я начал... Стивенсоны всегда покровительствовали искусству, и наша семейная традиция сохранилась. Я дружен с оперой, балетом и помогаю некоторым художникам... Ну, а о писателях ты слышана... Как видишь, для меня работа в большей мере — благотворительность, чем бизнес. Искусство, литература по-своему тоже дают нам хлеб насущный...

Кэтрин хотелось продолжить разговор о книгах, которые, как она уже знала, спасали его от одиночества в детстве, юности и позднее... до встречи с ней. Но Кэт не стала пробуждать в любимом щемящие воспоминания.

— Кстати, Алина не приветствовала мою, по ее выражению, трущобную благотворительность, — язвительно прибавил Эйд.

— Конечно, ведь светской даме это блеска не прибавляет.

— М-да. А ты как считаешь?

— Когда бы тебе ни потребовалось привлечь внимание средств массовой информации, чтобы что-то сделать для этих бедных детей, я готова тебе помочь.

В теплой улыбке Эйда промелькнуло какое-то скрытое удовлетворение, словно она оправдала его ожидания. Это было лишним подтверждением того, что она не ошиблась в его характере.

Эйд не станет вести себя в семейной жизни как мелкий деспот — он нуждается во взаимопонимании, в единомыслии. Такие идут до конца избранным путем.

«Риверс стоун» приветливо встретил их мерцающими огоньками китайских фонариков. Вестибюль был очень современным — начищенный паркет, кожаная мебель, высокие потолки, лестницы, ведущие вниз, в бар, где в огромном камине весело горели поленья, создавая уютный интерьер. К вечеру заметно похолодало, и Кэтрин с наслаждением постояла пару минут у камина, пока Эйд улаживал все дела с регистрацией, а потом решила попробовать дозвониться в Сидней.

Трубку сняла мать. В ее голосе Кэтрин слышалась тревога. Новая выходка Дика? Этого еще не хватало!

— Какая-нибудь неприятность, мама? — тут же заволновалась она.

— Вовсе нет, дочурка. Совсем наоборот. Признаться, твой «человек действия» произвел на меня колоссальное впечатление.

— Кто? — озадаченно спросила Кэтти.

Мать засмеялась — весело и беззаботно.

— Эйд Стивенсон. Он настоящее чудо, Кэтти. Я просто счастлива, что ты встретила такого мужчину.

— Ты познакомилась с Эйдом?

Тут она вспомнила, что Эйд запасся их домашним адресом, однако с момента возвращения из Сиднея ее голова была занята совсем другими вещами, и Кэтти напрочь позабыла об этом.

— Ну, конечно, дорогая. Он не рассказывал себе, что он сделал?

— Нет. А что он такого сделал? — насторожилась Кэт.

В ответ снова раздался смех.

— Я, пожалуй, передам трубку Фредди, он лучше обо всем расскажет.

— Привет, сестренка! А мы тут празднуем! — возбужденно прокричал в трубку младший брат. — Классный парень, твой Эйди Стивенсон!

— Не спорю, но, пожалуйста, вразумительно объясни, что там у вас произошло, — нетерпеливо оборвала его Кэтрин.

Услышав отчет о похождениях Эйда в Сиднее, она лишилась дара речи. И все это ради нее... Даже представить невозможно.

Пятьдесят тысяч долларов за машину, которую потом разбили вдребезги, да еще расходы на лимузин, гангстерский «прикид», разные там экскаваторы и грузовики, а ведь ему пришлось еще заплатить всем нанятым участникам этой акции за потраченное время... Так проучить Дика! И с какой оригинальной ловкостью... Он, действительно, способен горы сдвинуть во имя их любви.

— Теперь этот придурок больше не будет к тебе приставать, Кэтти. Можешь навеки забыть о Ричарде Льюисе! — радостно заключил ее брат.

— Спасибо, Фредди, — еще погруженная в свои мысли отозвалась Кэт. — И поблагодари всех остальных от моего имени. А теперь мне пора. Счастливо!

Эйд уже отвернулся от регистрационной стойки и направлялся к ней легким пружинистым шагом. Невольно она вновь залюбовалась им... Воплощение силы, ума, благородства...

И в этот момент Кэтрин поняла, что судьба ее решена окончательно. Эйд завоевал ее верность и любовь на всю жизнь. Он избавил ее от прошлого, от этого мучительного, страшного бремени. Ее долг отныне — принести ему ответный дар, навсегда освободить из темницы многолетнего одиночества.

18

— Чем бы ты хотела заняться сначала? — спросил Эйд, оставляя за ней право выбора.

Беззаботная, расслабляющая атмосфера бара сразу была забыта. Кэтрин протянула ему руку.

— Пойдем в номер.

Он молча подчинился. Любые слова сейчас казались лишними. Слишком глубоким было осознание того, как им необходимо остаться наедине.

Пока они шли по длинному коридору, Кэтрин все время ощущала на талии его руку. Она даже

не замечала окружающего интерьера. Все ее мысли были сосредоточены только на одном. Может, у Эйда Стивенсона и были какие-то скрытые недостатки, но она все равно хотела, чтобы этот мужчина принадлежал только ей.

Эйд увлек ее в уютную тишину номера, задержавшись лишь на минуту, чтобы включить свет и кондиционер. Затем он притянул Кэт в свои объятия, и она с радостью прижалась к любимому, мечтая снова соединиться с ним, желая того всепоглощающего слияния, которое снова отгородит их от всего окружающего и они останутся одни в мире, принадлежащем только им.

Эйд нежно и жадно прильнул к ее губам. Кэтрин знала, что сегодня у них бездна времени, им ничто не помешает, и от этого ее желание невероятно усилилось. Она еще крепче прижалась к Эйду, стремясь исподволь поощрить его, наслаждаясь ощущением их слитых воедино губ.

Но и этого было мало. Кэтрин жаждала повторения той ночи и уж не просто повторения изведанных тогда ощущений. Все должно быть иначе — еще более упоительно и... немедленно. Ее пальцы заскользили по пиджаку Эйда, и тот сорвал его. Кэтрин слышала, как бешено колотится его сердце, как трепещет его тело под ее пальцами, чувствовала, как напрягается его мужское естество, и понимала, что Эйд всецело охвачен жадной обладания.

«Да...» — прозвучало у нее в голове, когда Эйд снимал с нее голубой свитер. «Да, да!» — лихорадочно твердила Кэт про себя, когда он расстегнул ее юбку, спустил с бедер и она нетерпеливо отбросила ножкой эту ненужную тряпку. Кэтти поспешно расстегивала пуговицы на его рубашке, как вдруг с ужасающей ясностью поняла, что такое проявление ненасытно откровенного желания может быть неверно истолковано Эйдом и это приведет к непоправимым последствиям.

На мгновение она приостановилась. Доводы разума отчаянно боролись с непреодолимым искушением. Они уже были наполовину раздеты. Их тела неистово стремились друг к другу... Разве сейчас можно чего-то бояться, лицемерить? Нет, она не имеет на это права!

— Не останавливайся... — простонал Эйд.

Остановиться, впрочем, было уже невозможно... И тут еще одна тревожная мысль ворвалась в сознание Кэтрин. А если ему покажется...

— Это не из благодарности, — смущенно прошептала Кэтрин, даже не замечая, что уже почти сняла с него рубашку.

— Нет, конечно, ничего подобного... — согласился Эйд, скорее всего, машинально: сейчас он был занят ее колготками.

Как мило это у него получается... Кэтти была без ума от его движений. Она вцепилась в плечи Эйда, задыхаясь от возбуждения. Какие у него широкие крепкие плечи... Любимый... Но понял ли он, что она имела в виду под «благодарностью»? Лучше все же объяснить.

— Я знаю, что ты сделал, чтобы избавить меня от Дика, — скороговоркой произнесла Кэт. Она просто преклонялась перед Эйдом, восхищалась его смелостью и изобретательностью, умением стремительно действовать. Кэтрин приподнялась на цыпочки и покрыла его лицо и шею жаркими благодарными поцелуями.

— Не думай о нем больше, — обронил Эйд, на мгновение отстранив ее от себя, чтобы избавить от комбинации и бюстгальтера.

Кэтрин была счастлива: ведь теперь она могла свободно обнимать его, прижиматься грудью к его восхитительной мускулистой груди, чувствовать его всей кожей. Правда, брюки еще мешают... Еще одно препятствие, которое надо преодолеть.

— Ты ведь истратил кучу денег, чтобы припугнуть Дика... — лепетала Кэт, помогая ему освободиться от брюк и трусов.

— Мне это доставило колоссальное удовольствие! — Носки и ботинки Эйда полетели в угол.

У Кэтрин возникло смутное подозрение, что он так и не понял, что она пыталась ему втолковать. Сейчас на свете существовали гораздо более важные вещи, целиком занимавшие их внимание, и оба неотвратно теряли над собой контроль. Страстное желание вытеснило из головы Кэт остатки здравого смысла. Она с трудом заставляла себя сосредоточиться — сейчас она в состоянии была думать лишь об одном: какой он необыкновенный, замечательный!

— Я не пытаюсь вознаградить тебя, Эйди, я сама очень хочу тебя, — упорно пыталась она завершить объяснение, но при этом не могла отказать себе в удовольствии прикоснуться к его телу, радуясь моментальному страстному отклику.

— И это самое потрясающее в мире ощущение — заверил Эйд, подхватывая ее на руки, будто пушинку, и направляясь к кровати.

Плоть коснулась плоти, гибкой, разгоряченной, чувственной. Кэтрин поняла, что говорить сейчас что-то безнадежно, она просто наслаждалась ощущением его сильного мускулистого тела, такого мощного и так восхитительно отзывавшегося на ее призыв. Они утонули в жарком поцелуе, совершив стремительное восхождение к вершине страсти.

— Эйди... — нежно сорвалось с губ Кэтрин его имя. На мгновение очнувшись, она решила сделать последнюю попытку, прежде чем их тела сольются в экстазе и она уже не успеет ничего рассказать.

— Я не пытаюсь заманить тебя в ловушку... — Кэтти устремила на него еще затуманенный взгляд.

— Ты думаешь, я об этом не знаю? — его глаза сияли каким-то завораживающим первобытным торжеством.

— Но Алина...

— Нашла о ком вспоминать... Забудь о ней... Слышишь? — прошептал Эйд, небрежно отмахиваясь от мутного прошлого, которое в эти минуты безвозвратно утрачивало над ним свою власть.

Его поцелуи сладко обожгли шею Кэтрин, затем — холмики ее набухших, жаждущих ласки грудей. Она инстинктивно изогнулась, как бы растворяясь в прикосновениях его губ, языка, скользившего по ее соскам, приближая миг неземного блаженства.

Вдруг Кэтрин мучительно встrepенулась. Она не могла сейчас продолжать! Эйд должен узнать правду, иначе она не в состоянии безраздельно отдаться страсти. Сжав руками его голову, Кэтти настойчиво потребовала внимания.

Эйд безмолвно подчинился: раз Кэт столь властно остановила его, значит, случилось что-то очень серьезное. Неимоверным усилием воли ему удалось подавить свое дикое возбуждение.

— В чем дело, Кэтрин? — хрипло спросил он, стараясь успокоить дыхание и сосредоточиться на том, что хотела сообщить ему возлюбленная.

Наконец-то... Сейчас она обязательно скажет все. Они лежали на кровати, совершенно нагие, крепко сжимая друг друга в объятиях. Чего она боится? Ведь он любит ее. Между ними никогда не будет недомолвок! Но, к своему ужасу, Кэт почувствовала, что растеряла все нужные слова.

— Ты... я... мы... это была случайность, а теперь...

— Все хорошо, — успокоил ее Эйд, быстро лег сверху и ласково отвел прядь волос от ее щеки. — Скажи мне, что тебя тревожит?

Боже, что сейчас будет?.. Кэтрин никак не могла проглотить комок, застрявший в горле.

— Алина... — прерывисто начала она, — Алина не... хотела заводить от тебя детей.

Эйд, казалось, был крайне озадачен. Начинается... Очередной бред. И все же, увидев ее расстроенное личико, он решил разобраться с этой историей до конца.

— Что значит «не хотела»? Да она просто не могла, Кэтти.

— Как — не могла?

Эйд не понял, какое это имело отношение к делу, но все же заставил себя ответить, хотя давать подобные комментарии было не в его правилах.

— И сейчас не может. Она бесплодна. К своему полному удовлетворению, так что не стоит ее жалеть. Для Алины это весьма кстати, ведь беременность может испортить ее драгоценную фигуру, — ядовито добавил он.

— Но... — Кэтрин была настолько потрясена, что, не задумываясь, выпалила: — Она сказала мне, что беременна от Поля.

Эйд покачал головой, но в его глазах не мелькнуло и тени сомнения.

— Я видел ее медицинскую карту собственными глазами. Надеюсь, ты мне веришь? Алина не может иметь детей. Вполне возможно, что она пудрит мозги Полю, как когда-то солгала мне насчет того, что хочет иметь много детей...

Кэтрин тут же раскусила, что Алина таким способом намеревалась отпугнуть ее от Эйда. И еще... подбросила ей версию о наследственной психической патологии! Какая же все-таки гадина... Наверное, супружеская жизнь с такой змеей опустошала душу не меньше, чем ее брачный союз с Диком.

Теперь Кэтрин знала правду, и это придало ей мужества. Ее долг — признаться Эйди в том, что она беременна.

— Когда мы в тот раз занимались любовью...

— Это было изумительно, — не удержался он. — Самая прекрасная ночь в моей жизни, девочка. Очень жаль, что так много препятствий встало между нами, но я обещаю — мы все уладим.

— Не знаю, как это случилось, Эйди.

— Это случилось, потому что мы созданы друг для друга... — медленно произнес он с какой-то фанатической убежденностью. Эйд перевел взгляд на ее губы и уже наклонил голову, чтобы закончить затянвшееся выяснение отношений.

— Не в этом дело! — выпалила Кэт и, глубоко вздохнув, продолжила: — Я сегодня утром провела тест на беременность, и... результат положительный.

Все, наконец-то!

Эйд застыл, совершенно потрясенный, переваривая услышанное. Его глаза смотрели на нее все более пристально. Он словно опасался до конца поверить в реальность происходящего. На лице сменялись самые разные эмоции: от неизъяснимой нежности до одержимой решимости. Последней легла печать глубокого раскаяния...

— Я не должен был оставлять тебя одну, — с горечью вымолвил он, и Кэт инстинктивно почувствовала: Эйди жалеет, что не сумел оберечь ее, как обещал, — она нуждалась в нем, а его не было с нею.

— Ты же никак не мог знать, — попыталась утешить Кэт.

Эйд в задумчивости погладил ее по щеке кончиками пальцев:

— Ты не рада продолжению рода Стивенсонов, Кэтти?

Он держался так напряженно, что в ее сердце снова закралась неуверенность. Первая реакция вполне естественна: отцовство ему навязывают, и, кроме того, подразумевается обязательство начать совместную жизнь.

— Все зависит от тебя, Эйд, — пошла напрямик Кэтрин. — Чего хочешь ты?

Он тут же преобразился.

— Жениться на тебе сию же минуту и объявить на весь свет, что у нас будет ребенок.

Кэтти не без лукавства посмотрела на возлюбленного.

— Стало быть, урожденная Дастигс не отвратила тебя от супружеской жизни?

— Это была не супружеская жизнь, а маразматическая пародия на семью. Вам опять нужны доказательства, миссис Стивенсон? — Он замолчал, а потом произнес уже без озорных ноток в голосе: — Настоящее происходит сейчас, между нами...

— Да. Да, я это чувствую, — подтвердила она, слегка обескураженная его непоколебимой уверенностью.

Эйд, просяив от счастья, поцеловал ее.

— Что ж, значит, договорились. Поженимся, а остальное — потом. Станем родителями и одновременно партнерами по работе.

— Ты слишком торопишься, родной. Мне кажется, надо все обговорить до того, как мы поженимся.

Однако радость Эйда была так заразительна, что Кэтрин не могла более сохранять напускную серьезность, ведь ее сердце тоже пело от счастья. Эйди не может жить без нее, без их будущего малыша. Ее любимый... ее муж... Кэтти обвила его шею руками и соблазнительно изогнулась.

— Впрочем, мне нравится мысль быть всегда вместе... — кокетливо призналась она.

В глазах Эйда заплясали огненные искорки. Серьезный разговор был окончен, и теперь можно было продолжать заниматься любовью... долго-долго. Они будут отмечать начало совместной жизни, и этот праздник вознесет их на неизведанные высоты и благословит на осуществление всех их сокровенных мечтаний.

19

Эйд закончил переговоры о покупке дома с агентом по недвижимости и пошел искать жену — та отправилась еще раз побродить по саду. Он испытывал чувство истинного удовлетворения, какое бывает у человека, когда он добьется того, чего хотел: сегодня удалось приобрести именно такой дом, какой понравился Кэтрин. Но больше всего Эйду хотелось, чтобы она была счастлива в этом доме.

Не следовало бы ей находиться на улице в такую жару, подумал Эйд, сразу ощутив, как немилосердно печет послеполуденное февральское солнце. Он направился по тропинке, ведущей к центральной аллее... Где же болтается эта вертихвостка? Ребенок ведь может появиться на свет со дня на день. Кэтрин надо бы соблюдать строгий режим.

Тревога немного улеглась, когда он увидел жену, стоящую в тени дерева. Кэтрин не заметила его приближения. Похоже, она вообще не замечала ничего вокруг, погруженная в какие-то свои мысли. Эйд остановился, не желая нарушать ее покой и уединение. Господи, как же она хороша... Если бы можно было запечатлеть эту дивную сцену в своей памяти навеки!

Голова Кэтрин была слегка опущена, она смотрела вниз, полуприкрыв глаза так, что длинные ресницы отбрасывали тени. Выражение лица молодой женщины было задумчивым, на губах играла легкая улыбка. Ставшая еще роскошнее непокорная копна была собрана в хвост и перехвачена на затылке кожаным ремешком, позволяя волосам свободно струиться вдоль изящной спины.

На Кэтрин был свободного покроя сарафан — белый с рисунком из крошечных красных гвоздик с зелеными листиками. Вырез был низкий, спускавшийся почти до груди... налитой груди будущей матери. Руки обнажены — тонкие, слегка загорелые... В одной руке она держала соломенную шляпу, туля которой была украшена красными гвоздиками.

С моря налетел ветерок, легкая материя сарафана на мгновение обтянула фигуру Кэтрин, и сразу стало видно, какой у нее большой живот. Однако Эйду жена казалась захватывающе прекрасной, она вся светилась ангельски кроткой негой — невинная и бесконечно соблазнительная... Его возлюбленная, с его ребенком во чреве...

Он крадучись направился к Кэтрин, однако она тут же почувствовала его приближение и с улыбкой обернулась к мужу. Эйд бережно обхватил ее сзади за талию, выказывая благоговение перед драгоценной ношей. Кэт плавно склонила головку ему на плечо. О, сколь приятно ей чувствовать это объятие...

— Все сделал? — спросила она, с непередаваемо мелодичной, нежной интонацией.

— Я думаю, понадобится не меньше месяца, чтобы окончательно завершить сделку, но ты не волнуйся. Я обо всем позабочусь.

— Знаю. Ты всегда обо всем заботишься.

— Я люблю тебя, — прошептал Эйд, легонько щекоча губами ее ушко.

— Ну-у, сейчас мне понадобится вся твоя любовь, Эйди. По-моему, пятнадцать минут назад у меня прошла третья схватка.

Он едва не подпрыгнул на месте.

— Ты хочешь сказать?..

Кэтрин улыбнулась, правда немного испуганно.

— Придется тебе везти свою беременную жену в больницу — справишься?

— Ради тебя я справлюсь с чем угодно... — тихо пообещал Эйд. — Только бы все было хорошо.

Спустя двенадцать долгих, изнурительных часов, вымотавших у Эйда все нервы, он пришел к убийственному выводу, что жена способна справиться с некоторыми вещами значительно лучше, чем он. Однако все это время Эйд Стивенсон упрямо выстоял рядом, моля Бога о том, чтобы ему была дарована возможность хоть как-то утишить, принять на себя ее боль.

А потом, словно по мановению волшебной палочки, испытание окончилось, и акушерка положила в объятия Эйда пронзительно кричащего младенца — его сына, их с Кэтрин карапуза, крошечную совершенную частичку волшебства, искупившую все... Ибо Кэти смотрела на них со слезами радости на глазах и улыбкой, от которой сердце Эйда переполнилось счастьем. Его затопила такая волна самых разных чувств, что Эйд понял: эту минуту он никогда не забудет, сколько бы ему не довелось прожить... Кэтрин подарила ему это чудо.

Через несколько дней в Мельбурн прилетела Софи Бакст, мать Кэтрин. Наблюдая, как она без устали возится с новорожденным, Эйд ликовал уже от одного сознания, что у малыша будет совершенно иное, чем у него самого, детство. И сердце его преисполнилось любовью и благодарностью к Кэтрин, подарившей ему еще одно чудо — настоящую, большую семью.

Приехали с поздравлениями и шумные Хорды. Книга Тома, как и предсказывали, стала бестселлером, и он уже написал продолжение, которое готовилось к презентации в «Стронге» в канун Пасхальной книжной ярмарки. Кэтрин позаботилась о том, чтобы книгу издали к этому сроку, и, хотя теперь у нее был помощник, занимавшийся рекламными делами, она уже пообещала Хорду, что всеми интервью с прессой для него займется лично.

Эйд постоянно ловил себя на одной и той же мысли: Кэтрин умеет творить чудеса. Благодаря ей происходят удивительные, потрясающие, самые невероятные вещи.

К полнейшему изумлению Эйда, его блудному братцу Алексу вдруг взбрело в голову в первый раз за долгие годы навестить Австралию, погреться у родного очага. Алекс немедленно превратился в обожающего дядюшку. И это строптивый прожигатель жизни, отвергавший все

связанное с семьей, в которой родился!

— Я намерен приглядывать, чтобы вы воспитали его как надо, — с апломбом предупредил Алекс. — Нам с тобой хороших примеров для подражания явно не хватало, старина.

— Зато у Кэтрин их было больше чем достаточно, — весело отозвался счастливый глава семейства. В глубине души он был рад, что у Алекса теперь есть человек, о котором он может заботиться. Еще одно чудо, Перед Кэтрин же Алекс расшаркивался как истинный денди.

— Да, я уж вижу, как успешно твоя жена заботится о тебе, старший братец. Должен сказать, тебе крупно повезло. И счастье тебе очень даже к лицу...

Кэтрин заботится о нем... Эйд вдруг запоздало понял, насколько точным было это замечание. Жена заполняла его сердце, давала пищу его душе, дарила ему ту любовь и заботу, какой он до встречи с ней никогда не знал. Она просто в корне изменила его жизнь.

Однако чудеса еще не кончились. В довершение к неожиданному приезду Алекса из Италии прибыла тетушка Фанни. Обозрев со всех сторон резвого внука, она объявила, что он — Стивенсон от волос до кончиков пальцев, точная копия Патрика, одного из двоюродных дедушек Эйда, капитана морского судна, погибшего во время Первой мировой войны. Тетушка Фанни в приказном порядке велела Эйду в ближайшем будущем привезти жену на Капри, ибо там обитает гениальный художник, которому Стивенсоны когда-то покровительствовали. Только он способен отдать такой красавице должное и запечатлеть ее на холсте в столь замечательный период их семейной жизни.

Волшебство, думал Эйд, подлинное волшебство, исходящее от женщины, которой ниспослан божественный дар любви, женщины, вошедшей в его жизнь однажды темной ночью; чтобы осветить его душу, придать новый смысл его бытию.

Он пытался как-то облечь в смысловую форму все, что значила для него Кэтрин, все, что она сделала для него, однако несмотря на множество мыслей, вычитанных в мудрых книгах, древних манускриптах, он так и не смог подобрать нужных слов, чтобы передать свои чувства. В конце концов Эйд обнял жену, державшую в объятиях своенравного Патрика Стивенсона, и сказал не замысловато, но от всего сердца:

— Спасибо, Кэтти...

— За него? — предупредительно осведомилась она.

— И за него тоже. Но главным образом — за тебя, родная...

Кэтрин улыбнулась мужу. Ее глаза лучились небесной синевой, и он просто купался в их сиянии, согревавшем его до самой глубины души.

— Я люблю тебя, Эйд.

В этом и заключалось чудо, таился единственный верный ответ на все вопросы. Она любила его.